

НАТАЛЬЯ ИГНАТОВА

Ничего неизменного

ТАРБУД-2



Наталья Игнатова

Ничего неизменного. Тарвуд-2

«Издательские решения»

Игнатова Н. В.

Ничего неизменного. Тарвуд-2 / Н. В. Игнатова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965922-4

Прибывший в Лос-Анджелес на свою выставку художник-вампир из Нидерландов похищает группу подростков, среди которых оказывается дочь главы калифорнийских охотников на вампиров. Детективное агентство «Турецкая крепость» берется найти девочку и уничтожить похитившего ее вампира. Тем временем на Тарвуде демоница-полукровка Шиаян ищет способ добраться до центра острова, где хранится сердце демона, дающее острову возможность существовать.

ISBN 978-5-44-965922-4

© Игнатова Н. В.
© Издательские решения

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1 | 6 |
| Глава 2 | 12 |
| Глава 3 | 21 |
| Глава 4 | 29 |
| Глава 5 | 36 |
| Глава 6 | 45 |
| Глава 7 | 56 |
| Глава 8 | 65 |
| Глава 9 | 76 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 81 |

Ничего неизменного Тарвуд-2

Наталья Владимировна Игнатова

Дизайнер обложки Ксения Никитина

© Наталья Владимировна Игнатова, 2019

© Ксения Никитина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-5922-4 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-5925-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наталья Игнатова – Ничего неизменного

Юношеский максимализм: чтобы спасти мир, нужен массовый отстрел
мудаков.

Взрослый конформизм: мир спасет не отстрел мудаков, а любовь.

Старческая мудрость: мир не спасти, а отстреливать мудаков нужно
с любовью.

Эжен д'Альби

Нужно любить процесс избавления мира от мудаков.

Хасан Намик-Карасар

Глава 1

*Я стреляю – и нет справедливости
Справедливее пули моей.
Михаил Светлов*

Семеро. Со штурмовыми винтовками. В бронекомплектах. В касках с забралами. На касках и под стволами винтовок мощные фонари. На груди и на спине – изображения креста. От вида этих крестов даже Хасану стало бы не по себе, если б спать не хотелось так сильно.

Один остался в машине. Один – на крыльце. Пятеро сноровисто взломали дверь. Проскользнули в дом, озираясь по сторонам. Внимательные. Собранные. Настороженные.

– Серьезные ребята, – шепнул Заноза, улыбаясь от уха до уха.

Вот кто спать совсем не хотел. Следил за изображением в планшете, предвкушающе мурлыкал на своем британском английском что-то про «трэш, кровь и фраги», и изредка бросал веселый взгляд на Хасана. Глаза его были густо подведены черным.

Засранец!

Один из семерых – священник. В боевых группах венаторов¹ всегда есть капеллан. По виду его не отличить – он вооружен так же как остальные, и стрелять будет так же как остальные. Заноза венаторов еще и за это не любит. За то, что священники у них не считают убийство грехом. Или не считают убийством уничтожение вампиров и духов.

Капеллан может быть верующим, а может только считать себя верующим, и в первом случае его молитва поможет остальным обнаружить затаившихся наверху вампиров, а во втором – не поможет ничем и никому.

В этот дом, на охоту за молодым – и дурканутым – вампиром по-настоящему верующего не отправили бы, но всегда есть вероятность, что что-нибудь пойдет не так.

Надо ждать. Пятеро живых – добыча легкая. Со всеми их крестами, со всем их оружием и молитвами, им все равно не выстоять в бою. Но они могут успеть выстрелить. А выстрелы спугнут тех, кто остался снаружи. Поэтому надо ждать. Пусть капеллан молится. Даже если Аллах покажет ему, что вампиры на втором этаже, а не в подвале, все пятером венаторы сюда не вломятся. Места не хватит. А если Аллах останется глух к молитве İmansız², то они быстро осмотрят первый этаж, оставят еще двоих в холле у лестницы и отправятся в подвал. В явно жилой подвал явно нежилого дома.

Там ловушка и захлопнется.

Заноза пренебрежительно фыркнул, когда один из пятерых склонил голову, пока остальные все так же внимательно озирались по сторонам. Значит, несмотря на свою чувствительность к молитвам и священным символам, он ничего не ощутил.

Негодный священник. Негодная боевая группа. Стоило ради них создавать себе столько неудобств?

До чего же спать хочется! Люди хотя бы зевают, чтоб проснуться, а вампирам что делать?

Двое в холле. Трое заглянули в гостиную. Убедились, что слой пыли в ней копился годами, и годами же оставался нетронутым. Так же быстро и небрежно осмотрели кухню. И даже ванной комнате первого этажа уделили столь мало внимания, что Заноза разочаровано лязгнул зубами.

– Ну, как так? Они будто не знают, что мы спим в ваннах!

¹ Венаторы – охотники на нечисть и нежить.

² İmansız (тур.) – безбожник, неверующий.

– Мы спим в спальнях, – проворчал Хасан. – В нормальных, чистых, удобных спальнях. Без окон. На нормальных, чистых, удобных постелях. Под охраной Слуг.

– Нормальных, чистых, удобных Слуг, – подтвердил Заноза с готовностью.

Получил подзатыльник, просиял улыбкой и ткнул пальцем в изображение на планшете.

Трое венаторов открыли дверь в подвал и спускались туда по одному, осторожно ступая по узкой лестнице.

Заноза надел черные очки – ему луч фонарика по глазам все равно, что чесночная вытяжка прямо в нос. Зато в темноте видит. Хотя в городе-то куда удобнее было бы видеть на свету и слепнуть в темноте.

Раннее утро. Все вампиры в это время спят, все охотники на вампиров об этом знают. Семеро венаторов должны были приехать на рассвете, когда в мертвый сон сваливался даже неугомонный сумасшедший бритт, но... обстоятельства помешали. Объективные обстоятельства. Машину остановили для проверки документов, долго выясняли подлинность лицензий на оружие, и в результате добраться сюда, на юг, венаторы смогли только когда солнце уже встало.

– Идем, – Хасан первым пошел к лестнице.

Пистолеты с глушителями. Четыре выстрела из четырех стволов – по две пули в голову. Двоих, стоявших внизу – капеллана и бойца – отбросило от лестницы. Толстая дверь, толстый ковер и толстенный слой пыли поглотили шум падения.

Хасан с Занозой уже много лет не договаривались о том, где чья цель. И никогда не было такого, чтоб они стреляли в одного и того же противника, выбирали одну и ту же жертву. Сработались, что ли? Если да, то практически сразу, с первого боя.

Заноза прыгнул в холл. Хасан прыгать не стал, спустился по лестнице. Теперь уже можно было следить – понатоптано так, что и не разберешь, вампиры тут бегали и убивали охотников, или охотники метались и убивали вампиров. Войти в дом и подняться на второй этаж, не потревожив пыли, вот это была задачка. А сейчас – делай, что хочешь.

Заноза и делал. Двумя взмахами сабли отсек у трупов головы. У дверей подвала бросил саблю в ножны, снова взялся за пистолеты и оглянулся на Хасана.

Тот убедился, что снаружи спокойно – один из живых молча стоял на крыльце, его сердце билось быстро, но ровно; второй сидел в машине, его Хасан не слышал, но не слышал и рокота двигателя. Никакой тревоги. Никто не вызывает помощь, не пытается сбежать и не собирается врываться в дом. Очень хорошо. Можно идти дальше.

Ритуал обезглавливания венаторов был ему непонятен, но ему большинство ритуалов Занозы было непонятно.

В подвале, в темноте, метались лучи фонариков. Три человеческих силуэта представляли собой прекрасные мишени. И им хватило трех пуль. Каски – дело, конечно, хорошее. Но не панацея.

Заноза, страшно довольный, на пятках съехал по ступенькам. И остановился над трупами, положив руку на рукоять сабли.

– Хм...

– Вот-вот, – буркнул Хасан.

Залить кровью холл в нежилой и грязной части дома – это одно. А пачкать уютный подвал – совсем другое. Здесь прислуги нет, прибираться некому.

– Ну, ладно, – Заноза взлетел вверх по лестнице, пронесся через кухню в холл, на ходу выдернув из шкафа пыльный бурнус. Замотался с головой, пинком распахнул входную дверь. Выстрелил с двух рук и, раньше, чем солнце успело добраться до него сквозь броню плаща, бурнуса, перчаток, плотной джинсы и испачканных кровью ботинок – втащил в дом еще один

труп. Второй, с простреленной головой, остался в автомобиле. Добраться до него под палящим солнцем было задачей непосильной. Эту часть работы предстояло сделать Слугам.

– Блэкинг ворчать будет, – Заноза недовольно засопел. – Надо было Арни брать.

Брызги мозгов на крыльце его не смущали. Они бы тут никого не смутили. Такой район... А сюда, к этому дому, еще и не суется никто. Заноза специально для венаторов стер затерянные среди хаоса граффити иероглифы, отпугивающие от его норы и живых, и мертвых. Надо полагать, уже сегодня ночью он их восстановит.

Каллиграф... Его бы таланты да на дело.

– Сходим на выставку? – из-под бурнуса на Хасана выжидательно уставились яркие синие глаза. – В галерее Конклин через неделю открытие. Художник Август Хольгер, голландец...

– Спать! Домой и спать! Мы – вампиры, не забыл?

– Мы приглашены, – Заноза стянул бурнус, брезгливо переступил ногами по липкому от крови полу.

Да уж кто бы сомневался? Этого чудо-мальчика все время куда-нибудь приглашают. На выставки, на дебюты, на бенефисы, на открытия сезонов, и на закрытия, разумеется, тоже, а еще на юбилеи и благотворительные вечера. Активная общественная жизнь. Не все вампиры прячутся от людей, как от солнца, некоторые без людей вообще не могут.

Но все потом. Все после заката. А сейчас – спать!

Блэкинг загнал фургон в гараж через две минуты после звонка. Хасан забрался в салон, в благословенную темноту, упал на диван и, наконец-то, отключился. От трупов Заноза и сам прекрасно избавится – на минус втором этаже, не предусмотренном никакими архитектурными планами, стояла хорошая печь для крупного мусора.

Эту нору мальчику придется оставить надолго, если только у него нет иероглифов, которые заставят венаторов забыть о ее существовании. Ну, и тем лучше. Дома надо дневать, а не по барсучьим лежкам прятаться.

А начиналось все... Нет, точно не невинно, невинно у Занозы вообще ничего не начинается. Но хотя бы безобидно. Полиция чуть более нервно стала относиться к молодежи, чуть более внимательно присматриваться к большим компаниям, чуть больше появилось поводов забирать в участки тех, кто был или казался буйном. В отношении банд, и черных, и белых, и латиносов, политика тоже стала жестче. И тоже – совсем чуть-чуть. Да, и чуть больше стало пропадать бесхозного вампирского молодняка. Но кто их считает? Бродяги, одиночки и те, кто сбивался в стаи, они никому были не нужны, многим мешали, и чем их становилось меньше, тем всем остальным становилось лучше.

Заноза их считал. Пристраивал к делу, вместо того, чтобы пристрелить или, проявив милосердие – послать подальше. Сколько их, жалких и никчемных, на него работало, точно не знал даже Хасан. Вроде бы, пятнадцать. Но Заноза рассказывал не обо всех, только о самых интересных.

Стая из пятнадцати ни на что не годных вампиров. То ли это христианское воспитание так повернулось в сложно устроенной голове английского мальчика, то ли христианская мораль вступила в реакцию с английской равнодушной жестокостью. Фактом было то, что Заноза знал о проблемах молодняка, знал о том, что их убивают, и о том, что убивать их стали чаще и больше тоже, разумеется, узнал.

Он по этому поводу ничуть не беспокоился. Не из-за того, что ему было наплевать на молодняк так же, как остальным, а из-за того, что Заноза и так ненавидел венаторов уже несколько десятилетий. Ненависть эта была ровной, как пламя над газовой горелкой, и сильнее, чем есть, не стала бы, даже уничтожь венаторы всех вампиров Западного побережья. Или вообще всех вампиров.

Чуть больше, чем венаторов Заноза ненавидел нацистов и нацизм. А чуть меньше – тех вампиров, которые бросали своих най, молодых и необученных. Оставляли на смерть. От голода ли, или от тех же венаторов, или от рук других вампиров, которым молодняк мешал, раздражал, просто подворачивался на пути, когда хотелось похвалиться боевым дайном.

Словом, начиналось все безобидно. Венаторы, выдавая себя за копов и вместе с копами, шерстили молодежь в поисках молодых упырей. Молодые упыри погибали. Время шло. Рано или поздно активность венаторов должна была снизиться, вампирского молодняка стало бы меньше, а родители живых детей обрели бы радость почаще видеть отпрысков дома перед телевизором, а не по ту сторону экрана в криминальных сводках. Но в позапрошлую ночь, в законный выходной, болтаясь на своем аэродроме, в компании таких же юных раздолбаев, Заноза обратил внимание на то, что кто-то обратил внимание на него.

Вот уж событие! Занозе, скорее, стоило бы интересоваться теми, кто его не замечает. Да только кто мог его не заметить? Разве что слепой. И то лишь до момента, пока мелкий засранец не заговорит, и не привлечет к себе внимание голосом. Но вот, поди ж ты, на заполненном людьми и машинами, переоборудованном под гоночный трек аэродроме, мальчик выпепил в толпе новые лица, да еще и почуял, что новички отнеслись к нему не так, как он привык. С неприязнью они к нему отнеслись. А Заноза терпеть этого не может. Считает, что те, кому он ничего плохого не сделал, не должны к нему плохо относиться.

Как он выяснил, что незнакомцы – венаторы, оставалось на его совести. Скорее всего, просто поговорил с ними, зачаровал дайнами, разузнал, что хотел. Подробностей Хасан не знал, Заноза их утаил, чтоб не получить в лоб за глупость и ненужный риск. Решил, что хватит с него и подзатыльника за то, что с аэродрома, уже под утро, он увел венаторов за собой в свою нору на Юге. Заманил. Убедил в том, что это самое что ни на есть настоящее убежище, самого что ни на есть настоящего глупого и юного упыря. В том, что он – самый, что ни на есть настоящий глупый и юный упырь ему и убеждать никого не пришлось. Венаторы без специальных тестов возраст крови определять не умеют, а посмотреть на Занозу без тестов, так упырей моложе и глупее на планете просто нет.

Хасан никого не ненавидел, ни венаторов, ни нацистов, ни вампиров, бросающих своих най, но *siktirici*³, которые дают афат семнадцатилетним, он убивал бы. Без ненависти. Исключительно по необходимости. Таких убивать – нужно. Чтоб мальчишки, вроде Занозы, могли вырасти и повзрослеть. И сами решали, какое посмертие выбрать.

А с того момента, как Заноза вывел охотников на свое убежище, события начали развиваться стремительно и... утомительно. В доме нужно было устроить засаду. Засаду нужно было устраивать днем. И благо хоть, мальчик точно знал, когда венаторы явятся по его душу, потому что сам сказал им, когда они должны явиться, а то пришлось бы торчать в той норе несколько дней. Да и создать обстоятельства, помешавшие венаторам приехать на рассвете, было бы значительно труднее.

Хасан уже не раз давал себе слово не ввязываться в авантюры Занозы. Кто наскреб неприятности, тот из них и выпутывается – разве это плохое правило? И ведь Заноза выпутался бы. Справился бы сам. Что ему пятеро охотников? Что ему хоть впятеро больше, чем пятеро? Он бы всех их, сколько есть, убил, если б вампиру найти венатора не было труднее, чем венатору вампира. Но всегда события складывались с печальной неизменностью: Заноза просил помочь, Хасан говорил, что не собирается заниматься ерундой, Заноза говорил: «ну, пожалуйста!». И Хасан, бурча: «ненавижу, когда ты так делаешь», брал пистолеты, брал саблю, надевал бронежилет, и ввязывался в драку, из которой запросто можно было не выбраться одним куском.

³ *Siktirici* (тур.) – существительное, подразумевающее нецензурную и весьма нелицеприятную характеристику моральных качеств (тур.)

Не в этот раз, конечно. В этот раз единственная опасность, которая им грозила – это каким-то образом попасть под солнечные лучи. И именно поэтому Хасан твердо решил, что с венаторами связываться не будет. И Занозе не позволит. В ответ на жалобное «ну, пожалуйста», прямо спросил:

– Если я скажу «нет, никакой засады, никаких убийств», ты выкинешь эту дурь из башки?

Заноза так на него взглянул, что без слов стало ясно: он очень хотел бы выкинуть дурь из башки, очень хотел бы послушаться Хасана, и вообще, очень хотел бы быть хорошим. Последнее читалось во взгляде особенно отчетливо. Настолько явно, как будто Заноза уже стал хорошим-хорошим, лучше и пожелать нельзя.

Хасан ему чуть не поверил.

– Не могу, – сказал Заноза грустно. – Это дело принципа.

И в результате они двое ясным солнечным днем, оказались на втором этаже пустого дома. Убили семерых венаторов. Заставили Блэкинга тащить в дом труп в полной боевой выкладке. А Хасану пришлось просыпаться второй раз, чтобы дойти из машины до спальни в Февральской Луне.

Принципы? Да в гробу он видал такие принципы!

Это Заноза считает, что венаторы – те же нацисты. Убивают вампиров и нечисть только потому, что те – вампиры и нечисть. Так же, как нацисты убивали евреев и славян только потому, что те – евреи и славяне. На все аргументы, мол, вампиры и нечисть убивают людей, Заноза топорщил иголки и заявлял, что люди тоже убивают людей, но их вину принято сначала доказывать, а уж потом выносить приговор. И если на вампиров это правило не распространяется, значит, венаторы убивают их просто потому, что они – такие, какие есть. Точно так же, как, по его мнению, убивали людей нацисты.

Убийство нацистов для него, кстати, тоже дело принципиальное. Он каждый год одиннадцатого ноября приканчивает одного. Следит за группировками, выявляет настоящих, а не формальных идеологов, убивает в День Перемирия и начинает новую слежку, чтоб на будущий год совершить новое жертвоприношение принципам. Бессмысленное занятие. Реальные идеологи, в отличие от формальных, никакие не нацисты. И они не переведутся. А молодежи, увлекающейся нацистскими идеями, становится все больше. И она не переведется тоже.

Хасан понимал Занозу. Отчасти. Тот видел изнанку войны и поверил, что однажды победив фашизм, люди не позволят ему вернуться. А сейчас мир песком сыпался у него сквозь пальцы. Мальчик пытался сделать хоть что-нибудь. Не потому, что рассчитывал на результат, и не потому, что не мог бездействовать, а потому, что в его белобрысой голове царил хаос, и только хаосом объяснялись поступки, которые он называл принципиальными.

Они не были по-настоящему бессмысленны. Но смысл в них был лишь для Занозы. Ни для кого больше.

Когда вечером, после заката, Хасан вышел в северную гостиную, Заноза уже был там. Устроился на диване с ноутбуком, скрестив ноги «по-турецки» – никто из турков, которых знал Хасан, включая его самого, никогда так не сидел – сложившись пополам, упираясь локтями в подушку под ногами, и уткнув подбородок в сцепленные в замок пальцы. Поза, от которой у любого, кто ее видел, живого или мертвого, начинали ныть все кости. А этому ничего. Удобно.

Сидя так, Заноза казался состоящим из сплошных углов. Колени, лопатки, локти, еще какие-то кости. И вихрастая белая башка, в которой непонятно что происходит.

– Привет, – он поднял взгляд, – пойдём на выставку?

Вместо ответа Хасан наклонился и шелкнул его по утыканному серьгами уху.

– Сниму, – пообещал Заноза.

Хасан приподнял бровь.

– Нет, – Заноза уперся, – три оставлю.

Хасан отвернулся.

– Ладно, – донеслось с дивана, – одну. Одну можно?

Одну было можно.

– Что за выставка? Что за голландец?

– О, – в голосе появилась таинственность, – Август Хольгер. Тебе понравится. Он переосмыслил традиции старой голландской школы. Не настолько, чтобы ты считал его слишком современным, но и не настолько, чтобы я считал его слишком очевидным. И я тебе скажу, Хаса-ан, – Заноза заулыбался, – герр Хольгер до переосмысления не просто рисовал в традициях старой голландской школы, он их закладывал.

– Вампир, что ли?

– Ага. Старый. Старые вампиры охрененно рисуют.

– Потому что психи.

Но причины, в этом случае были, конечно, не важны. Какая разница, почему вампир или человек создают что-то, что производит сильное впечатление? Заноза прав, на картины Хольгера стоит взглянуть. А галерея Конклин была местом, где соблюдались традиции, приветствовались хорошие манеры и приличная одежда. На выставившихся там художников правила не распространялись, но с художников всегда другой спрос, чем с нормальных.

– Эшиву уже пригласил? – спросил Хасан.

– Еще нет. Собираюсь. А ты пригласишь мисс Виай?

– Одна серьга. Никаких колец. И никакого мейка...

Хасан посмотрел на Занозу повнимательней. Он-то давно привык к ярким, будто белилами нарисованным, бровям и ресницам. А вот Аврора Виай мальчика без раскраски не видела. И, надо признать, что в своем естественном виде он выглядит куда более странно, чем когда накрашен.

Заноза в ответ улыбнулся невинно, но выжидательно.

– Ладно... – Хасан сдался, – сделай там, что-нибудь, чтоб казалось, будто ты таким и родился.

В конце концов, у этого наказания есть в заглавниках не только черная краска. Он умеет становиться обычным блондином. И если для этого ему нужно красить ресницы, что ж, это не самое странное из того, что он регулярно над собой проделывает.

Глава 2

*Как ты думаешь —
Ранит ли слово большее
Чем осиновый кол
Пополам с серебром?
Джем*

Эшива позвонила сама. В охотничье время, когда элементарная вежливость требовала не беспокоить других мертвяков звонками, а сосредоточиться на собственном ужине. Правда, сегодня они не охотились, обошлись живыми из Стада – утренних приключений хватило, чтоб не искать их еще и вечером – поэтому на звонок Заноза ответил сразу. И Эшива, едва услышав его голос в трубке, тут же взволнованно заговорила:

– У меня тут какой-то мертвый мальчик. Он очень переживает. Но я совсем не могу его понять. Его английский еще хуже, чем у тебя, мне даже кажется, что это вообще не английский. Уилл, по-моему, за ним гнались венаторы. Какие-то четверо придурков на машине. Они упали в каньон и умерли. Точно умерли, я проверила, но я не знаю, венаторы они или нет.

Ну, а кто больше-то? Кто продолжит погоню за парнем, убегающим от автомобиля со скоростью миль тридцать в час, если не быстрее? Понятно, что нельзя списывать со счетов в усмерть обдолбанных утырков, которых в этом тийре столько, что найти кровь без дури – проблема в любое время суток, но Заноза был уверен, что за парнишкой гнались венаторы. Потому что это всегда так. Ты тратишь кучу сил и времени, чтобы найти и убить семерых охотников, а кто-то убивает четверых совершенно случайно. У вселенной нелепые представления о справедливости.

Ладно, хотя бы с трупами проблем не будет. Четверо живых свалились в каньон и разбились насмерть. Ничего необычного. Ничего, что следовало бы скрывать. Эшива умеет обставлять дела так, что не придерешься.

– Я понял, – сказал он. – Парень вменяемый, или как?

– Ну-у, – протянула Эшива, неуверенно, – он уже никуда не бежит, но поскольку я не понимаю, о чем он рассказывает, я не знаю, все ли у него хорошо с головой.

– Эшива... – Заноза сосчитал до трех, – если не ты, то кто?

Вообще-то, он любил делать ей комплименты, и, Аллах свидетель, все они были искренними, от чистого сердца. Но порой Эшива как будто забывала о том, что она – старый и мудрый вампир, и начинала вести себя как блондинка с пляжа.

– И правда, – медом пролилось в трубке, – я и забыла. Ты знаешь, мой сладкий, с головой у него все совсем не так, как у тебя. Не скажу, что лучше, – Заноза как наяву увидел эту улыбку: «мой-господин-всегда-прав-а-я-всегда-могу-плюнуть-ему-в-чай», – просто он не сумасшедший.

– Ок. Тогда постарайся объяснить ему, что надо немного подождать.

– Ты приедешь?

– Да, конечно.

– Вы охотитесь?

– Нет.

– Хасан такой скучный! – кажется, Эшива пренебрежительно скривила губы. – Поохотимся, когда разберемся с мальчиком?

– Да. Обязательно.

– Будет весело. Приезжай, я жду.

На ужины с кем-нибудь из своего Стада Хасан всегда ездил, как на свидания.

– Это же дамы, – объяснил он однажды, еще в Рейвентире. – Я не могу щелкать пальцами и приказывать им: «быстро сюда!»

– И это говорит турок? – Заноза пришел в восторг. – Нет, правда! Ты точно турок?

Хасан щелкнул пальцами и приказал:

– Брысь отсюда!

Ну да. Турок. Никаких сомнений. Типично турецкий, тоталитарный, теократический и безапелляционный способ отвечать на неудобные вопросы и разрешать неудобные ситуации. Но отношение к женщинам – европейское, будто пришедшее из романов – Занозу, помнится, восхитило. С тех пор он не раз убедился, что так по-джентльменски Хасан относится отнюдь не к каждой леди, а про женщин, которые под определение «леди» не попадали, и говорить не приходилось. И все же, все же – на встречи с дамами из Стада Хасан ездил, как на свидания. Потому что, «это же дамы».

Сам Заноза, не будучи турком и будучи до мозга костей джентльменом, не утруждал себя тем, чтобы специально назначать встречи, куда-то ехать, тратить время. Его Стадо, большая часть его Стада, тусовалась в одном и том же месте. Приезжай, смотри, кто тут есть, выбирай и ешь. Отчасти даже напоминает охоту. Только охотиться не нужно – все и так твои.

Эшива не права, Хасан не скучный. Не так уж редко они выходили на охоту – давали повод для очередной волны сплетен – и Занозе не надоедало смотреть на то, как Турок выбирает себе цель, как цель становится добычей. Это всегда была игра, такая, в которую Заноза не научился бы выигрывать, даже если б очень захотел. Для того чтоб так играть, так охотиться, нужно было прожить живым хотя бы до тридцати, как Хасан. Нужно было встретить ту, единственную, женщину, без которой невозможно жить, покорить ее сердце, любить ее, как возлюбленную, как жену, как мать твоих сыновей. Взрослым нужно было стать.

Заноза и не пытался никогда. Ни повзрослеть, ни охотиться, как Хасан. Но смотреть на его охоту мог до бесконечности.

Сегодня, однако, Хасан ужинал, как джентльмен, и Заноза не мог рассказать ему о звонке Эшивы – последнее дело отвлекать друга во время свидания. Он позвонил Арни, велел передать Турку, что уехал в табор. Арни глумливым голосом пожелал удачи. Как будто встреча с Эшивой могла сложиться неудачно, или как будто у Занозы вообще хоть что-то могло сложиться неудачно.

Любопытство заставляло гнать машину быстрее чем обычно, и в трейлерный поселок, расположившийся в чистом поле, он влетел на десять минут раньше срока, который сам же себе и положил.

Стоящие по кругу фургоны были сцеплены между собой цепями. Вагенбург, без дураков, ни въехать, ни выехать. Но его автомобиль опознали издали – и темнота не помешала – одну из цепей сняли загодя. Посигналили фонарем, мол, сюда давай.

Эшива никогда не выходила его встречать. Не по чину. Она неизменно соблюдала правило: вампир – господин, люди – слуги. И вела себя как госпожа. И в лучших отелях мировых столиц, и в любом из своих коттеджиков, разбросанных по всему тийру, и в таборе. Любое свое убежище превращала в резиденцию, в крайнем случае – в летний дворец. Ей докладывали о визитах. Провожали визитеров в гостиную, где полагалось ждать, пока Эшива решала, в настроении ли она принимать гостей. И лишь потом, в зависимости от настроения, она могла выйти в гостиную, а могла передать, что ночь не приемная.

На цыган эти ее манеры производили необъяснимо сильное впечатление. Не только на Слуг, не только на ее табор, а вообще на всех. Заноза никогда не разделял романтического представления о цыганах, как о народе гордом и вольнолюбивом – любой, у кого есть поместье мало-мальски приличных размеров, и кому приходилось гонять таборы со своей земли,

знает, что цыгане горды от лени, а вольнолюбивы – от гордости. Но что Заноза точно знал, так это то, что к женщинам они относятся так же, как турки. Если не хуже. И даже с поправкой на то, что Эшива – вампир, и наделена тем самым, пресловутым «магнетизмом», о котором говорил Мартин, это все равно не объясняло почтения, с которым относились к ней в любом из таборов любого государства. Что-то там было еще. Фокусы ли ее, или что-то реальное, что-то не в крови, но в происхождении. В конце концов, гадать она училась не после смерти, и молиться так, что молитва срабатывала – тоже. Да и насчет фокусов, Заноза сильно сомневался, что все они объясняются дайнами.

В своем таборе Эшива занимала сразу четыре трейлера. Спальня, ванная, гостиная и гардероб. Поставленные квадратом, трейлеры создавали еще и внутренний дворик с фонтаном, цветущими кустами и канарейками в золоченых клетках. Дворик был настоящим. Фонтан и кусты – фокусами. А насчет канарейки ясности не было. Эшива, в ответ на вопросы, лишь улыбалась и говорила, что в женщине должны быть загадка.

Заноза не понимал, почему загадкой в женщине непременно должна быть не способная заткнуться птичка размером с абрикос, и бешено-желтого цвета, но, скорее всего, это непонимание было обязательным условием женской загадочности. А за исключением канарейки, Эшива была совершенно нормальной. И с чувством юмора. Что немаловажно для дамы, возраст которой так далеко перевалил за сотню, что его стало приличным и спрашивать, и называть.

А найденный мальчик Эшиву сильно взволновал. Она даже ждать себя не заставила: стоило войти в трейлер-гостиную, как она явилась туда через другую дверь. Подлетела, торопливо поцеловала, и тут же начала рассказывать, как поехала прогуляться в горы, нет, не на охоту, а просто захотелось прокатиться, а там этот мальчик. Бежит по краю дороги, у самого ограждения, да так быстро, что сразу ясно – свой. Даже лунным взглядом смотреть не надо. А за ним машина. Летят, как черти. То обгонят его, то отстанут. Примериваются. Поймали бы давно, если б не боялись за ограждение вылететь. Там высоко, верная смерть, если грохнешься.

– Они в него стреляли! Один раз чуть не скинули с дороги. Ему надо было бы прыгать, – Эшива недоуменно развела руками, – я не знаю, почему он не спрыгнул.

– А я не знаю, почему ты вмешалась.

За его прекрасной индианкой не водилось особого милосердия. Если честно, то вообще никакого не водилось. Спасать постороннего вампира от венаторов она стала бы, только если б захотела им перекусить. На венаторов в этом случае было бы удобно списать его исчезновение.

– Но я же поехала прогуляться! – внимательно взглянув на него, и не найдя понимания, Эшива изобразила на лице терпение: – я спросила Луну, чем бы мне заняться перед ужином, и она сказала: возьми машину и поезжай в горы. Я и поехала. На той красненькой машинке, ну, ты знаешь?

«Ягуар», который он подарил ей в прошлом году, стал «красненькой машинкой», сменив в этом качестве «Крайслер», который, когда-то перехватил этот титул у «Кадиллака». Нужно было или смириться с тем, что Эшива не различает марки автомобилей, или перестать дарить ей машины красного цвета. Заноза все еще не решил, что предпочтительней.

Водить она тоже не умела. Но в таборе хватало лихих парней, умеющих управляться с дорогими тачками. С чужими дорогими тачками. Эшиву им можно было доверять с легким сердцем – и покатают с ветерком, и копам не попадутся. А попадутся – так смоются. И дальше уж дело Занозы отмазать их и машину.

– Значит, мальчика ты встретила не случайно?

– Об этом я тебе и говорю! Луна зря не скажет, правда ведь?

Не вопрос. Хотя порой, по результатам общения с Эшивой, Луна казалась Занозе дамой весьма разговорчивой.

– Пойдем, – Эшива взяла его под руку, – он в патио. Уже поел, но все еще беспокоится. Мне кажется, он не понимает, почему канарейка поет ночью, канарейки ведь дневные птички.

– То есть, ты считаешь, что фонтан и розовые кусты посреди пустыря его не напрягают?

– Я не знаю, дорогой, – она пожала плечами и совершенно неотразимо хлопнула ресницами, – я могу судить только по тебе, а тебя, со всей определенностью, напрягает именно канарейка.

Розами тут пахло одуряюще. Как всегда. Цветы менялись – Эшива любила разнообразие, кроме роз ей нравились азалии, бегонии, левкой, апельсины; иногда, под настроение, шиповник или акация – соответственно, менялись и запахи. Но всегда они были очень сильными. Аромат цветов обнимал как теплая, глубокая вода, и хотелось дышать просто для того, чтобы дышать, а не чтобы курить или разговаривать.

У живых так и голова разболеться может. А мертвым – в самый раз.

Мальчик, сидевший на бортике фонтана, дышал, хоть и не разговаривал, и не курил. Правда, не факт, что дышал он для того, чтобы насладиться запахом роз. Многие вампиры старательно притворялись живыми, и они всегда помнили о том, что живые дышат, моргают и много двигаются. Мальчик мог быть из таких.

Он взглянул на Занозу, и тот ощутил усталость. Тяжелую, холодную, на грани полного равнодушия. Все, что не было равнодушием, было горем, глубоким и беспросветным. Эшива это назвала волнением? Хотя, наверное, когда они встретились, парень был более эмоционален. Убегать под пулями от четверых охотников, потом увидеть, как их машина ни с того, ни с сего падает в пропасть, а потом еще и Эшиву встретить – это для любых нервов серьезное испытание.

– Там был камнепад, – сообщила Эшива интимно, – от камней они увернулись, а от пропасти нет.

Значит, еще и камнепад? Рассосавшийся сразу после того, как машина снесла ограждение и свалилась с обрыва. И чего бы, спрашивается, парнишке после всего этого волноваться?

– Привет, – сказал Заноза парню. – Расскажешь, откуда ты?

Он улыбнулся, и почти сразу получил улыбку в ответ. Усталость и горе – две основные эмоции, но теперь к ним прибавился интерес. Хорошо. Реакция быстрая, с восприятием все в порядке, и даже дайны пока можно не использовать.

– Привет, – сказал парень на очень, очень плохом английском, – извините, я не говорю по-английски.

Акцент у него был... знакомый. Немецкий? Нет.

– Ты говоришь по-немецки? – спросил Заноза на всякий случай.

При звуках немецкого языка взгляд мальчика стал еще чуть живее.

– Я понимаю, – сказал он. – Говорю очень плохо, а понимаю хорошо.

– Ну, зашибись, – Заноза переставил поближе к фонтану один из плетеных стульчиков Эшивы и уселся. С собеседником, которому не желаешь зла, лучше быть на одном уровне. – Значит, немецкий ты понимаешь, но не говоришь, английский почти не понимаешь, и не говоришь вообще никак, а родной твой язык какой? На нем-то ты и понимать, и говорить должен уметь.

– Вряд ли ты знаешь нидерландский.

– По счастливому совпадению, – Заноза достал сигареты, оглянулся на Эшиву. Та махнула рукой, кури, мол, что с тобой делать?

– Что, правда, знаешь? Откуда?

Как много теряют англоязычные! Никогда им не понять этой радости: вдали от цивилизации, на диком пустыре в таборе диких цыган встретить мертвого панка, который говорит

на одном с тобой языке. Для англоговорящих нет ничего естественной. Ладно, за исключением того, что панки им привычной живые.

– Он голландец, – сказал Заноза Эшиве.

Выговор у парня был северный, не фламандский и не бельгийский. И теперь уже можно было удивляться, как умудрился спутать акценты. Немецкий ведь только кажется похожим.

– Как Хольгер, что ли? – Эшива присела на крыльцо, подперла подбородок ладонью и взглянула на мальчика с какой-то неизбыточной женской жалостью, – там так холодно. Так ужасно холодно! Конечно же, они все сюда поехали.

– Хольгер? – вскинулся голландец. Его усталость и горе мгновенно сменились надеждой, отчаянной, яркой, как фотовспышка, – ты знаешь господина Хольгера? Она знает господина Хольгера? – он вперился взглядом в Занозу. – Она знает где он?

Очень трудно оказалось удержаться от ругательств. Нельзя при дамах. Нельзя. Но порой соблюдать это правило почти невозможно. Господин Хольгер, значит?

Нет, поверить тоже было невозможно.

Почти.

Все сходилось, складывалось, как картинка из пазлов. Молодой вампир чувствовал себя как выброшенный из машины щенок. Он готов был бежать за этой машиной, пока сердце не остановится, ведь там же хозяин, там тот, в ком заключен весь мир. Только машину-то хрен догонишь. Парень говорил на нидерландском, знал Хольгера, услышав его имя повел себя так, как будто увидел, как машина возвращается. Да. Все сходилось. Кроме одного: зачем, ну вот зачем герру Хольгеру, выбрасывать своего най? Хочешь избавиться – уничтожь. Будь милосердным. А выкидывать в безлюдных горах, в чужой стране, где он даже заговорить ни с кем не сможет, не сможет прокормиться – необъяснимая жестокость. Бессмысленная.

И он, этот мальчик, даже не знал, что может прыгнуть с обрыва, чтобы сбежать от вена-торов. Что ничего с ним не случится от падения с высоты в несколько десятков футов. Хотя, может, конечно, он так испугался, что даже не думал, как спастись. Просто бежал и все. У молодых вампиров человеческие инстинкты путаются с мертвецкими, поэтому молодняк и гибнет без присмотра, столкнувшись с любой опасностью.

– Тебя как звать-то? – с этого, наверное, надо было начинать, но Заноза верный большинству своих английских привычек, предпочитал не спрашивать имя собеседника, и не называть свое, если только к этому не вынудят обстоятельства, – давай не будем спешить, разберемся во всем по порядку.

Он обернулся к Эшиве:

– Ты сколько человек ему отдала?

– Двух женщин. Кровь у него старая, одной было бы мало. Он «поцеловал» одну и чуть до смерти не заел. Пришлось отгонять. У второй взял уже немножко. И добавки не попросил. Ну, или, попросил, а я не поняла. Может, ему двоих и достаточно?

Эшиве хватало на ужин одного человека. Хасану тоже. Отсюда и «свидания». Занозе, чтобы восполнить потраченные на пробуждение силы, нужно было «поцеловать» минимум троих. Старая кровь диктовала свои правила. У этого парнишки кровь тоже была старой, хоть и не настолько, чтобы съесть по три живых каждый вечер. Двое? Да, возможно.

– Я Тидеман... – парень запнулся, потом добавил: – Зиттинг. Тидеман Зиттинг.

– Ок. Я Заноза. А имя этой леди – Эшива. Тидеман, тебе хватило двух женщин?

Если бы мертвые краснели, Тидеман залился бы краской по самые уши. При других обстоятельствах это позабавило бы, но сейчас Заноза, ощутивший те же смущение и недоумение, понял, что начинает злиться. Не на мальчика – храни Аллах злиться на ни в чем не повинных детей – на его ратуна, кем бы он ни был, Хольгером или любым другим голландцем. Какого ж хрена он, сволочь, не научил своего най чувствовать себя вампиром, а не человеческим детенышем?

– Хватило тебе крови из двух женщин? – может, так будет понятнее? – Сколько ты обычно съедаешь по вечерам?

– Сколько приведут. Иногда одного человека, иногда десятерых, бывает по-разному. Господин Хольгер может нам дарить сколько угодно людей. Он очень могущественный.

Значит, все-таки, Хольгер. И значит, Тидеман не знает, сколько крови ему нужно, чтобы утолить голод. Даже этого не знает. Похоже, по мнению Хольгера, най достаточно научить «целовать». А остальное приложится. Или – не понадобится. Если оставлять их в безлюдных горах на добычу венаторам.

Использовать дайны не хотелось. Заноза надеялся обойтись улыбкой, интонациями и терпением, но тема была болезненной. Очень. Он помнил себя, помнил, как сам сбежал от ратуна, и как невыносимо, до потери инстинкта самосохранения, ему хотелось вернуться.

Но он-то знал, что так будет. Поэтому бежал в море. Обставил побег таким образом, чтоб когда совсем накроет, оказаться на борту парохода. И все равно это не спасло. Нет, он не украл шлюпку, и в море не прыгнул, и не зачаровал команду, чтобы вернуть пароход обратно. Он – спятил. Сошел с ума. Еще и на дурь подсел.

В корабельном лазарете нашлось достаточно морфия, чтобы обеспечить себя зараженной кровью на две недели пути, а десять человек, поднявшихся на борт здоровыми, сошли в Хайронтире наркоманами с выраженной анемией.

Старая кровь диктует свои правила. А морфий... он и правда снимал боль. И отнимал память. Действовал так хорошо, что первого своего года в Новом Свете Заноза вообще не помнил. Совсем. Осознал себя лишь под следующее Рождество. Для второго рождения это было не так уж плохо – праздничная суета, много веселых людей на холодных улицах, много алкоголя в крови. Но никогда, ни в жизни, ни в посмертии ничего не забывавший, Заноза до сих пор чувствовал себя... неуверенно, возвращаясь мыслями к тому, пропавшему году. Что он делал? Как существовал? Скольких убил?

Когда он пришел в себя, у него была хорошая квартира в хорошем районе, счет в банке, гардероб, достойный счета, и сильнейшая морфиновая зависимость. Но – никаких знакомств, никакого Стада, никакой переписки – даже счетов – как будто весь этот год он платил за все исключительно наличными.

И никто из местных вампиров не знал о нем.

Заноза решил, что пусть оно так и будет, и подался на юг. От невыносимой тяги вернуться к ратуну он исцелился, невыносимая тяга к морфию не казалась неразрешимой проблемой, а все остальное он предпочел бы начать заново. Раз уж обстоятельства сложились так, что остального, в сущности, и не было.

Тидеману, однако, было бы лучше обойтись без наркотиков. Если такое вообще возможно. Многое зависит от того, как долго он просуществовал рядом с ратуном. Чем меньше срок, тем легче проходит зависимость.

– Давно ты получил афат?

– В феврале, – взгляд парня затуманился, – я портреты рисовал, и холодно было. У меня все мерзло, поэтому получалось так себе. Я куда лучше могу, но там никто даже не понимает, что портреты плохие. Было бы похоже.

Заноза не стал спрашивать, где это «там». На планете миллионы улиц и скверов, где художники пишут хреновые портреты. Несколько сотен из этих миллионов достались Нидерландам, и какая разница, в каком из городов Тидеман зарабатывал уличным рисованием?

– Они там гуляли, господин Хольгер с госпожой Виолет. А уже темно было, свет только от фонарей, и мне бы уходить, а я за день почти ничего... ну, холодно, никому не хочется даже четверть часа сидеть, позировать. А родители за учебу платят, а больше ни за что.

Жилье, жрачка, шмотки – все сам. Нет, шмотки мать, конечно, покупала, но что она покупает, носить же нельзя. Короче, я уже почти... уже сворачивался. И тут их увидел. Они будто появились. Не было – пустой бульвар – и вдруг есть. Господин Хольгер, он... – Тидеман замолк, в поисках слов, чтобы описать своего ратуна. Свое самое первое впечатление. Неверное впечатление. Потому что ни черта он уже не помнил о том, каким Хольгер показался ему впервые. Воспоминания исказились афатом, кровавой связью с ратуном, любовью, преданностью и тоской. – Не могу объяснить, – Тидеман помотал головой. – Я его увидел и... я не знаю. Но я подумал, что он – богач. И с такой красивой женщиной! Госпожа Виолет была как Венера, та, кисти Боттичелли. Она как будто пришла в наш февраль, а господин Хольгер, чтоб она не замерзла, одел ее в меха. И я... я ему сказал, что его спутница прекрасна, как Венера, и что я бы все отдал, чтобы ее нарисовать. Она так улыбнулась, знаешь... – Тидеман грустно взглянул на Занозу, – если ты слышал про Клеопатру, так вот она так улыбалась, когда очередному парню предлагала выбрать секс и смерть, или валить на все четыре стороны. Улыбнулась, и спросила: «действительно, отдал бы все?» Ну, я и сказал «да». К тому же, мне деньги были нужны. И поехал с ними. Я неделю ее портрет писал. Умирал. Они меня «целовали» каждый вечер, я почти сразу понял, что умру, хотел сбежать, пока еще силы были, но не получилось. Придурок, – выдохнул Тидеман со злостью, – хотел сбежать от него! Может быть, он меня теперь за это наказывает? Чтоб я понял, как без него плохо? А потом возьмет обратно?

Заноза не знал, что ему ответить. Был слишком зол, чтобы найти подходящие слова и убить надежду быстро и безболезненно. Так что он лишь головой покачал. Снова развернулся к умирающей от любопытства Эшиве и коротко пересказал ей всю историю.

– Не знаю только, в феврале какого года это было. Спрошу.

– Уилл... – Эшива сейчас почему-то так себя почувствовала, будто ему было пять лет, и он спросил, откуда берутся дети, – мой сладкий, ты разве не понял? Он говорит про этот февраль. Нынешнего года.

Но... сейчас был июнь. Получается, Тидеману меньше полугода? Да за такой срок он Хольгеру даже надоесть не успел бы. Ему что, дали афат только, чтобы выкинуть?

– Три месяца, – сказал Заноза, – или четыре. Так он вообще ребенок? Совсем? Не только по годам до смерти?

– По годам до смерти он старше тебя. Года на три, – иногда эта индианка совершенно не к месту говорила что-нибудь, похожее на правду. – Но все равно он младенец. Что будем делать? У него старая кровь... – нежный голос стал выжидающим. Искать, ловить и иссушать вампиров со старой кровью – это было хобби Эшивы, как хобби Занозы было искать и покупать редкие выпуски комиксов.

– Нет. Нельзя.

– Как скажешь, – грустно согласилась она. – Но ты же отдашь мне его ратуна?

– Да.

– И эту Венеру-Виолет?

– А ее – Хасану.

– Как скажешь, дорогой. Спроси, как он оказался в горах. Или, нет, спроси, где убежище Хольгера! Спроси и то, и другое!

– Эшива, он не скажет, где убежище его ратуна. Даже полугодовалый вампир знает, что нельзя...

– Это полугодовалый вампир-младенец – невинное дитя, он вообще ничего не знает. Вдруг получится? Уговори его, ты же умеешь!

Тидеман переводил взгляд с Эшивы на него и обратно. Пытался понять, о чем они говорят. Слово «ратун» он, конечно, знал. Так же, как слово «афат». И разобрал имя Виолет.

Для понимания явно недостаточно.

– Тидеман, расскажи, как ты попал в горы? – Заноза снова заговорил на нидерландском, – чем больше ты вспомнишь, тем лучше.

Он сам на месте Тидемана давно бы уже уперся. С фи́га ли два каких-то незнакомых мертвяка задают столько вопросов? Впрочем, он сам на месте Тидемана никогда бы не оказался, потому что по-английски говорят везде, во всем мире, и невозможно попасть в ситуацию, когда тебя никто не понимает, или когда тебя понимает только кто-то очень странный и подозрительный.

Хотя, конечно... не казался он парню ни странным, ни подозрительным. Тот проникся сразу, поймался на обаяние, так же, как ловились все. И готов был рассказывать что угодно. Отвечать на любые вопросы.

Если б еще он перестал надеяться, что они с Эшивой помогут ему вернуться к Хольгеру.

А толку от готовности отвечать было немного. Тидеман не знал ни географии тийра, ни географии, собственно, города. У него, как у любого вампира, было чутье на солнце – он всегда знал, где восток, но не мог вспомнить, не мог сориентироваться, в какую сторону они ехали из аэропорта. Понятия не имел, в каком районе остановились. И даже не мог рассказать или нарисовать, что видел за окнами дома, потому что его и остальных поселили в подвале. Комфортабельные подвалы – обычное дело для мертвяков. В Февральской Луне вон, тоже, хозяйские спальни расположены глубоко под землей. Так оно спокойнее.

– Там в клетках полно живых, – парень честно пытался вспомнить хоть какие-нибудь подробности, которые могли бы помочь, – дома их не держали вместе с нами, в одном помещении. А тут, наверное, места меньше. И еще, это были здешние живые, их уже здесь наловили. Они говорили на английском.

– Бродяги?

– Не знаю, – Тидеман озадачился, – у вас богатая страна, может здесь и бродяги ухоженные. Я не знаю, правда. Они все молодые, некоторые вообще дети. Твои ровесники. Такие бывают бродягами? У них же должны быть родители или опекуны.

Заноза поблагодарил Аллаха за то, что Эшива не понимает ни слова из разговора.

– Господин Хольгер, вообще-то, любит хорошую еду, – добавил Тидеман. – Дома все, кого мы съедали, были в розыске, у всех были семьи. Никаких бродяг.

В чем-то он был чересчур человеческим, а в чем-то – даже больше вампиром, чем нужно. Не по своей вине. Если ратун учит най относиться к людям, как к еде, они именно этому и научатся. Да и с чего бы мертвым ценить чужую жизнь? Но надо быть очень могущественным или очень смелым... или очень тупым, чтобы регулярно заедать людей насмерть.

В подвале Тидеман просидел четыре ночи. Все верно, Хольгер прибыл в Алаатир пять суток назад. Заноза об этом знал: мистер Алаа сам позвонил ему, чтобы сказать, что художник прилетел. И что стоит, пока не поздно, отклонить приглашение на открытие его выставки.

«Вы любите живопись, Уильям, но этот талант заслуживает вашего внимания не из-за своих картин. Лучше найдите его, чтобы познакомиться в неофициальной обстановке».

Знал ведь. А где искать – не знал. Хольгер нанес визит тийрмастеру – не мог не сделать этого, вежливость обязательна для всех – но мистер Алаа его не принял. Хольгер не получил ни убежища, чтобы дневать во время визита, ни охотничьей зоны, ни гарантий безопасности со стороны тийра. И все равно остался в городе.

Интересно, все-таки, он могущественный или тупой?

– А потом я не помню, – сказал Тидеман. – Заснул утром в своей постели, а проснулся вечером – в спальном мешке посреди леса. Услышал машины, вышел на шоссе. Застопил одного – не удержался, и съел. Я очень... был очень голоден. Надо было в его машине дальше ехать, а я пешком пошел. И меня догнали те. Начали стрелять. Они труп нашли? – он вопросительно взглянул на Занозу, на Эшиву, – ту машину с трупом. Я ее на дороге оставил. Или

просто так погнались? У вас же тут все с оружием, и все могут стрелять в иностранцев, если иностранцы без документов. Мексиканцев убивают, продают на органы. Да нет, откуда им было знать, что я иностранец и без документов? Конечно, нашли труп. Отморозки.

– Все, не могу больше, – Заноза поднял руки, – достаточно. Надо покурить, подумать, решить, что с тобой дальше делать. Оставаться в таборе тебе нельзя, это Стадо Эшивы. Моя нора пока что под наблюдением венаторов...

Эшива услышала свое имя, услышала про венаторов и мягко напомнила:

– Я все еще тут, и все еще не знаю голландского.

– Решаю, куда его девать, – объяснил Заноза. Достал сигареты и закурил, уже не спрашивая разрешения.

– Оставь тут.

– Чтобы он случайно съелся?

– Ах, – сказала она с неподражаемой патетикой, – ты думаешь обо мне так дурно, что я готова обидеться.

– Зато я хорошо думаю о твоей предприимчивости. Парня нельзя оставлять без присмотра, он не умеет останавливаться во время «поцелуя». Да и вообще ничего не умеет.

– Пусть пока останется здесь, – Эшива поднялась с крылечка, – ты обещал, что мы поохотимся. Мальчик подождет пару часов. Объясни ему только, что тут никого нельзя «целовать», тем более, до смерти. А потом решишь, что с ним делать. Ты же очень умный, – она одним плавным движением оказалась рядом, – ты такой умный, Уилл, что можешь вообще ни о чем не думать. Поедем! Я знаю тут рядом место, где можно потанцевать.

Глава 3

*Собираем отряды и точим сабли,
дарим дамам букеты, казним воров.
Дайте ружья крестьянам! Зачем им грабли?
Воевода с похмелья суров, суров...
Софья Андреева*

Три дня назад плотина была достроена. Гномы, работники обстоятельные и где-то даже перфекционисты, украсили резьбой каждый камень и каждую доску обшивки. А перила, ограждающие проложенный по верху плотины мост, сделали широкими, почти как сиденья скамеек в парке. О рыбаках позаботились: сидя-то ловить рыбку из омута под мельницей куда удобнее, чем стоя. И бутылку есть куда поставить. Это если рыбачить с толком, не для рыбы, а для души.

Мартин, например, даже удочку с собой не брал. Все равно, пока мельницу строят, рыбы в омуте нет – разбежалась вся. Или что там рыба может сделать? Расплылась – как-то не звучит.

– Смылась, – предложил вариант Заноза. – Слилась. Встала на злую ногу... хм, нет. На злой плавник?

Он приходил на Тарвуд почти каждый день. Не только для того, чтобы посмотреть, как продвигается строительство. Для предприимчивого вампира на острове нашлось очень много дел. Но, так или иначе, его визиты были связаны с мельницей. С будущей мельницей.

И он непременно заходил в гости. Дарил Лэа цветы, вытаскивал ее и Мартина на прогулки, если только не планировал свидание с Бераной. А после полуночи являлся на плотину.

Мартин тоже приходил сюда каждую ночь. А выпивку они приносили по очереди. В основном, бурбон – дань традиции. Иногда виски. Порой Мартин приходил с вином, и тогда крепкое пил только Заноза. В общем... оставалось только удивляться, что Лэа до сих пор не запретила им эти посиделки.

Она заботилась о здоровье Мартина. И не только потому, что у него было человеческое тело, которому еженощные возлияния теоретически могли бы пойти во вред, но и потому, что Лэа не воспринимала всерьез возможность это тело обновить.

Мартин, который не раз воплощался в людях, знал, что с алкоголем или без, смертная плоть недолго выдерживает присутствие демона. Лет двадцать, может быть, тридцать, а потом – разрушение. Лэа предстояло привыкнуть к мысли о том, что через пару-тройку десятилетий он будет выглядеть иначе. Еще ей предстояло привыкнуть к мысли о том, что за эти десятилетия он не изменится, не постареет. Просто однажды займет другое тело.

Пока что она не верила в это.

А Мартин надеялся, что когда время придет, Лэа примет его изменившимся. В конце концов, главное ведь не тело, а то – кто в нем.

Ну, а сейчас они с Занозой сидели на удобных перилах моста над плотиной, смотрели то в омут, то на звезды, то на ярко освещенную стройку. И говорили о рыбах. И о лингвистике.

И о делах. Немножко.

Мельница строилась на деньги муниципалитета и владельцев городских пекарен. Но при этом была собственностью Занозы. Он не соврал и не преувеличил, когда в мае сказал, что большинству людей рекомендуют внимательно читать пункты договоров, написанные мелким шрифтом, а он эти пункты – пишет.

Июнь подходил к середине. Мельница, почти достроенная, обещала стать самым красивым домом на этом берегу Смородинки. А Заноза каким-то образом, не притащив ни единого медяка из родного мира, стал домовладельцем, и при этом не оказался ни у кого в долгу.

Нет, без дайнов точно не обошлось. Хоть он и утверждал, что хватило здравого смысла и капельки обаяния. Здравого смысла хватало и мэру, и казначею, и пекарям, но до постройки мельницы почему-то никто из них не додумался. Покупали муку в Порту, или – купив зерно в Боголюбовке – мололи его сами, электрическими меленками, столько, сколько нужно. Всем были довольны. Может, потому и не додумались до водяной мельницы, что к электрическим привыкли, и в муке недостатка не испытывали? А тут Заноза. С бизнес-планом, как обещал, когда уходил в конце мая. Он этот бизнес-план сначала Мартину показал. Сказал, что при ценах на муку в Порту, и на электричество – в городе, мельница окупится за четыре месяца. А потом начнет приносить прибыль. Мартин посмотрел на цифры – много цифр – и предпочел поверить Занозе на слово. Наверное, когда эти бумажки с расчетами увидели в муниципалитете, там тоже решили, что лучше уж поверить, чем вникать. Дали денег и стали ждать экономии.

Свою роль сыграло еще и отсутствие Калиммы. Княгиня увистала в отпуск сразу после праздника сбора черешни, поэтому за разрешением на постройку Заноза обращался не к ней, а к министру строительства и архитектуры. Калимма, та пять раз подумала бы, а нужна ли острову мельница, и, в конце концов, пришла бы к мысли, что нет, не нужна. Потому что в Боголюбовке испокон веков обходились ручными жерновами, и не жаловались, а значит, были довольны. Горожане, довольствуясь закупками в Порту и жерновами электрическими, не жаловались тоже. А возводить какие бы то ни было строения вне населенных пунктов, Калимма запрещала, потому что они вредили природе и портили пейзаж.

Мартин фыркнул.

– Хм? – Заноза передал ему бутылку.

– Вспомнил, как ты с Калиммой сцепился.

– С леди Калиммой? – упырь некоторое время смотрел на отражение фонарей в воде, – Мартин, это называется дискуссия, а не «сцепился».

– Ну да, ну да. Леди Калимма, вы косная, зашоренная, тупая и не видите дальше своего носа! Это дискуссия по-английски или по-американски?

– Я никогда не сказал бы ничего подобного ни одной леди.

– Потому что ты джентльмен, – Мартин сделал глоток и вернул бутылку, – мы все уже в курсе, да.

Если быть точным – а Заноза любил точность, и редко грешил против нее – он не сказал Калимме, что она зашоренная, тупая и все остальное. Тут не поспоришь. Разговор происходил у них в гостиной, у них с Лэа. Калимма пришла в гости под вечер, застала Занозу, и мягко так пожурела его за то, что он, в обход неписаных законов Тарвуда, получил разрешение на строительство мельницы.

Это было интересно. Выяснилось, что упырь по-прежнему непредсказуем.

Мартин дважды был свидетелем критики в его адрес. Первый раз – когда Заноза проломил стену особняка в Монце, вместо того, чтобы выйти через дверь. Второй – когда Мартин сам его материл за то, что он дал пистолет неконтролируемой, безбашенной девчонке, и, в буквальном смысле, рисковал своей головой. С Лэа Заноза вообще не спорил, Мартину заговорил зубы и получилось, что его и ругать, вроде не за что. На полушутливое недовольство Калиммы реакция должна была быть какой-нибудь... такой же. Либо согласиться и выкинуть из головы, либо – голову заморочить, но ни с чем не соглашаться. Оказалось, однако, что есть еще варианты.

Заноза, выслушав Калимму, с искренним интересом спросил у нее, какие она видит альтернативы огорчившим ее переменам ландшафта? Сделать мельницу и плотину невидимыми? Но как быть с новообразовавшимся прудом? Делать его невидимым бессмысленно, потому что отсутствие части реки все равно бросится в глаза. Оставлять его видимым – тоже бессмысленно, потому что получится, ландшафт все равно изменился.

На этом этапе Мартин заподозрил, что о заговаривании зубов речи не идет. Можно было вмешаться и остановить Занозу, но никакая сила на свете не остановила бы Калимму, заподозрившую по отношению к себе сарказм. Ну, к тому же, Мартину стало интересно посмотреть, что будет.

Калимма сказала, что мельница не нужна. Сказала, что потребности подданных ей хорошо известны. И про боголюбовцев с ручными жерновами, и про горожан, с мукой из Порты, сказала тоже.

Мартин никогда не видел, чтобы кто-то выходил из себя настолько быстро, как это случилось с Занозой. И на его памяти только Кот, выходя из себя, становился настолько спокойным. Мертвенно-спокойным.

– Я, – сказал Заноза тоном таким холодным, словно вообще не испытывал эмоций, – ненавижу. Косность. Зашоренность. Неспособность видеть дальше собственного носа. А сильнее всего я ненавижу тупость. С вашего позволения, – он встал и поклонился обеим дамам, удивленной Лэа и ошеломленной Калимме, – я вас оставляю. Курить в присутствии сразу двух леди для меня совершенно неприемлемо.

– Что я такого сказала? – пролепетала Калимма, когда за Занозой захлопнулась входная дверь. – На что господин Сплиттер разозлился? Мельницы... плотины... Разве я против прогресса? Да у нас даже фабрики есть! И электричество! Пусть будет мельница, это же хорошо. Зерно молот... на мельнице. У боголюбовских девушек станет больше свободного времени. И у женщин. Они начнут больше читать.

– Вроде, ты была против, – не поняла Лэа. – Ты же говорила, что мельница не нужна.

– Я сказала, что все думали, будто она не нужна, – Калимма выглядела по-настоящему расстроенной. – Вот всегда так. Я всех обижаю. Со мной невозможно дружить. Я даже просто поговорить не могу, чтобы всех не обидеть...

На этом пункте Мартин сбежал. К Занозе. Курить.

Утешать Калимму, когда на нее находило, умела только Лэа. У Мартина терпения не хватало. А Заноза бы ее, наверное, вообще убил.

– Да, кстати, – вспомнил он, – Им сегодня заходила в гости. В первый раз с того... хм, чаепития. Рассказала, что к ней еще перед отъездом в отпуск приперлась какая-то демоница. Шиаюн. Хотела странного. А ты же Калимму знаешь, с ней даже о том, в чем она разбирается, не договоришься. А если уж она чего-то не понимает, вообще дохляк. Послала она эту Шиаюн. Хотела нам с Лэа про нее сказать, да из-за мельницы про все забыла.

– Забыть про визит демона – это так по-тарвудски, – саркастически прокомментировал Заноза, – тут же от них деться некуда. Так и лезут. Чего она хотела-то? Что тут считается странным, если демоница на аудиенции – фигня такая, что и говорить не о чем? Ты, кстати, знаешь, сколько Фауст времени потратил, чтоб Мефистофеля вызвать? И ведь трындец умный был чувак.

– Мефистофель, это демон?

– Точно.

– Ну, я не знаю, – протянул Мартин, – умный человек демона вызывать не будет.

– Ладно. Считай Фауста целеустремленным. Но если б какая-нибудь демоница попросила аудиенции у Его Величества, эта новость попала бы в топ на месяц. Если не больше. Ну, так что? Зачем она приходила?

– Предлагала Калимме власть и могущество, – бутылка снова перешла к Занозе, и Мартин достал сигареты.

– Это не странно. Все демоны это делают, нет?

– Я тебе что-нибудь предлагал? – Мартин протянул упырю открытую пачку, – угощайся.

Взгляд Занозы был достаточно выразительным, чтобы не ждать более внятного ответа на вопрос. Предлагал. Все время что-нибудь предлагает. То выпивку, то сигареты, то кровь,

то генератор порталов, чтобы без помех ходить с Тарвуда на Землю и обратно. И деньги еще, да, и такое было.

– Чего у меня нет, что тебе хотелось бы получить? – поинтересовался Заноза, вытащив сигарету и ожидая, пока Мартин щелкнет зажигалкой. – Чего у меня нет, в обмен на что ты мог бы предложить власть и могущество?

Мартин растерялся. Он как-то никогда не думал о том, чтобы что-то с Занозы получить. Но прежде, чем он придумал, что ответить, упырь успокаивающе ткнул его кулаком в плечо:

– Чувак, не парься. Я всего лишь хотел узнать, что мисс Шиаюн хотела от леди Калиммы. Что есть у леди, и нет у меня? Воздержись от указания на очевидные анатомические различия, смотри шире. У леди Калиммы есть Тарвуд. Мисс Шиаюн хотела Тарвуд?

– Почти, – Мартин хмыкнул. – Все-таки, у тебя мозги очень странно работают.

– У меня? Да ладно! А у демоницы, которая предлагает власть и могущество в обмен на то, что и есть власть и могущество?

– Вот Калимма и не поняла. Шиаюн сказала, что знает способ воздействовать на Ядро и получить его силу.

– И стать Ядром? Или как? Лишенное силы Ядро – это хана Тарвуду, правильно?

– Если Ядро ослабнет, Тарвуда просто не станет. Он превратится в такой же хаос, – Мартин ткнул пальцем в небо, где, над тонким слоем атмосферы, идеи и материя, мысли и чувства, зримое и незримое сливались в вечно бушующих вихрях. Отсюда, впрочем, видны были лишь безмятежные звезды. – И остров, и люди, и даже поэки. Ну, ты знаешь ведь, да? Море, Пустыня, Болота, Горы.

Поэки – пространственные карманы. Территории, которые лишь казались частью Тарвуда, а на деле уходили далеко за пределы маленького острова. За морем и за горами, за пустынями, за непроходимыми болотами начинались иные миры. Обитаемые. Населенные людьми и нелюдьми. Миры, не планеты. И Ядро Тарвуда, сердце настоящего демона, хранило от превращения в хаос не только Тарвуд. Случись что с Ядром, начнется цепная реакция. И неизвестно, найдется ли другой демон, готовый отдать всю свою силу, чтобы остановить ее.

Найдется ли демон, готовый стать новым Ядром?

Чего же хотела эта Шиаюн? Кто пожелает себе такой судьбы? Или она хотела, чтобы Ядром стала Калимма? Настоящая власть над Тарвудом, абсолютная – над всем островом, а не только над населяющими его людьми – будет у того, кто сможет контролировать Ядро. С его помощью можно изменять законы природы. Такое под силу демонам, способным творить миры, или кому-нибудь, кто получит контроль над демоном, способным творить миры.

Шиаюн надеялась получить власть над Калиммой?

– Но Калимма не демон, – сказал Мартин вслух.

– Да это-то фигня, – Заноза махнул рукой, – в Ядре сила какого-то могущественного демона. Если бы леди Калимма взяла его, она превратилась бы в демона сама и получила полный контроль над Тарвудом. Непонятно только, зачем это Шиаюн. Почему та сама не возьмет силу?

– Боится оказаться прикованной к Тарвуду, – Мартин очень мало знал о сердцах и того меньше о колдовстве. – Может быть, Хартвин навсегда привязал Ядро к острову. Одно дело пользоваться силой, а другое – быть ею.

– Странно, что леди Калимма отказалась.

– Странно?

– Ну, да. Она же хочет сделать для Тарвуда как можно больше хорошего. А тут, прикинь, всемогущество обещают. Да леди Калимма всеми руками должна была в Шиаюн вцепиться. Сколько их у нее? Две или сто?

– Рук?

– Кто-нибудь когда-нибудь управлял Ядром?

– Хартвин, – Мартин почел за благо не пытаться понять ход мыслей упыря, – он правил Тарвудом, городом, когда тот откололся от планеты. Город и Боголюбовка откололись. Ну, весь этот кусок, от Предгорий до Пустыни, от Болот до Моря. Основная часть острова. Чтобы спасти их, Хартвин раздобыл сердце демона, и спрятал его в центре. Где-то там.

Теперь он ткнул пальцем вниз, но имел в виду не омут, а пещеры, изрезавшие клиновидное основание Тарвуда.

Хартвин раздобыл сердце, спрятал его, а тайну контроля над ним унес с собой. Возможно, в могилу. Мартин своими глазами видел, как его тело кремировали, но со старыми колдунами никогда не скажешь наверняка, умерли они или отправились за приключениями куда-нибудь, куда не пройдешь во плоти. Вместо себя Хартвин оставил Калимму – неизвестно, привел он ее из других миров, наколдовал или в пробирке вырастил – отдал ей титул, отдал власть над людьми и землями, но про Ядро она знала лишь, что оно существует. И что от него зависит существование Тарвуда. Калимма никогда не искала способов добраться до него, и не интересовалась, можно ли им управлять. Скорее всего, она о такой возможности даже не задумывалась.

– Я знаю, что для управления Ядром, Хартвину нужно было спускаться вниз. Один из входов в лабиринт пещер есть в его покоях, а еще, вроде, туда можно попасть из башни Адмиралтейства в Порту. Видел ее? И из Блошиного Тупика.

– Башню видел. Могла бы быть красивой, если ее отмыть и подремонтировать. Много чего в Порту, если отмыть, станет куда красивее. Только, держу пари, суть там не в красоте, а в функциональности. Кто-нибудь, вообще, знает, зачем там эти все... сооружения? – Заноза взмахнул рукой, горящий кончик сигареты очертил в воздухе замысловатую кривую, – башни, эстакады, платформы? Не похоже, чтобы ими пользовались.

– К Ядру они отношения не имеют. А Калимма теперь думает, что Шиаюн пыталась пролезть внутрь. Потому, что та рассказала про полчища мертвецов, которыми кишат подземелья, – Мартин развернулся к Занозе, усевшись на перила верхом. – Сотни неупокоенных духов. И пройти мимо них может лишь тот, в ком есть кровь Хартвина. Шиаюн решила, что Им – наследница Хартвина, а не преемница, потому к ней и притащилась. А откуда бы ей знать про этих мертвых, если она не спускалась вниз?

– У демонов же есть доступ к Глобалнет. Набираешь в поисковике: «лабиринты Тарвуда» и шариишь по форумам, на которых колдуны обмениваются опытом захоронения демонических сердец. Оставлять мертвяков на охрану кладов – идея такая старая, что ею даже люди пользуются.

– Этот вариант Калимма точно не рассматривала.

Мартин и сам не разделял уверенности Занозы в том, что имея доступ к сети, можно получить любую информацию. Но если даже Шиаюн как-то умудрилась пролезть в пещеры, раз она после этого поперлась к Калимме, значит, с мертвыми ей не сладить. И о Ядре можно не беспокоиться. Кстати, о сети и поиске информации...

– Как у тебя дела на Земле? С тем художником. Есть успехи?

* * *

Найти убежище вампира очень сложно, даже в той местности, где он обитает постоянно. На то оно и убежище. Упыри – господа негостеприимные. Отыскать временные дневки еще сложнее. Вампир, ненадолго приехавший в другой город, в другую страну – невидимка. Вокруг него не успевает возникнуть ни странных слухов, ни Стада, он не привлекает внимания, и если он осторожен на охоте, то даже те, кто специально занимается его поиском, не отыщут следов. Не все вампиры одинаково осторожны. Не все одинаково умны, но пренебрежение маскировкой не всегда признак глупости. Порой – это следствие самоуверенности. А та, в свою очередь,

может иметь под собой основания. Хорошее основание, например – это три десятка Слуг, имеющих шестидесятилетний и весьма разнообразный боевой опыт.

На чем основывалась самоуверенность Хольгера? Точно не на глупости, иначе он не про существовал бы пятьсот лет. В те стародавние времена, когда он получил афат, к убийствам людей относились попроще, и к исчезновениям тоже, и понятно, что свои странные привычки в еде Хольгер приобрел именно тогда. Но ведь он по сей день не изменил им. Значит, мог себе это позволить. Мало того, он еще и своих най не учил останавливаться, они тоже убивали. В убежище Хольгера или в то место, где он и его най кормились, постоянно доставляли живых.

Под его самоуверенностью было серьезное основание: многочисленные и полезные связи. В чем-то это даже лучше, чем тридцать Слуг. Но от связей немного пользы, когда доходит до боевого столкновения.

Правда, чтобы дошло до боя, Хольгера нужно было найти. И Заноза предпочел бы найти его в Алаатире, причем до открытия выставки. После – было бы проще. Проследить за сукиным сыном, и вся недолга. Проще – не хотелось. У всех свои понты. Его называли Бешеным Псом не только потому, что он регулярно подтверждал первую часть прозвища, но и потому, что от него никому еще не удавалось спрятаться.

От них с Турком. В чем, в чем, а в поисках, в расследовании, в сборе информации команда Хасана была незаменима. Но Турок, он же не на виду. И «Турецкая крепость» тоже. А Заноза – вот он весь. Встает на след, настигает, убивает.

И Хольгера он хотел убить так же.

Обычные вампиры, нормальные, те, кто приезжал в Алаатир официально, наносили визит тийрмастеру, представлялись, получали зону для охоты и некоторые гарантии безопасности. При условии соблюдения элементарных правил вежливости.

Чтобы найти таких гостей, достаточно было прочесать охотничью зону.

Хольгеру мистер Алаа во встрече отказал, территорию не выделил, и вроде как, осложнил Занозе поиски, хотя сам же хотел, чтоб тот нашел Хольгера и прикончил. Но мистер Алаа, он хоть и сумасшедший, а поумнее многих умников. Алаатир ничего голландцу не обещал. Тот приехал на свой страх и риск, устраивался своими силами – своими связями и знакомствами – и они, эти связи и знакомства, стали шилом, проткнувшим мешок. Кто-то ведь обеспечил Хольгера живыми подростками. Кто-то добывал для него детей. Уже здесь, в тийре. Американских мальчиков и девочек. Этих-то добытчиков, людей или вампиров, или, может, Слуг местных вампиров, и следовало искать.

Их не могло быть много.

Заноза сводил обстоятельства исчезновений в единую схему, искал, за что зацепиться, и уже разослал работавший на него молодняк поговорить с другой молодежью. Из тех, кто мог что-нибудь видеть или слышать, и у кого хватало ума понимать, что иногда об увиденном и услышанном лучше рассказать, чем врать про плохую память.

На этих вампиров, Хасан их прямо называл никчемными, никто и никогда не обращал внимания. А они, притворяясь живыми, к живым и жались. Кочевали из тусовки в тусовку, нигде не задерживаясь надолго из страха выдать себя. Ни о чем особо не думали, кроме своей безопасности и голода. Мало что замечали. Но на правильно заданные вопросы даже эти несчастные дети давали нужные ответы. А своих *der Schlitzohren*⁴, Заноза научил задавать вопросы правильно. Никто из них не мог освоить его дайны в полной мере, но самые-то основы были доступны кому угодно. Любому, кто может двигаться, говорить и улыбаться.

Хотя, конечно... некоторым, чтобы произвести хорошее впечатление, лучше не разевать пасть, даже чтоб улыбнуться.

⁴ Der Schlitzohren (нем.) – бандиты, жулики.

Подростки исчезали всегда. Но перед приездом Хольгера эти случаи участились. Отсюда – повышенное внимание копов к компаниям молодежи, отсюда и прибавившиеся к копам венаторы, которые воспользовались возможностью, чтобы поискать вампирскую молодь. Подростки действительно исчезали всегда, однако перед приездом Хольгера исчезать стали мальчики и девочки из хороших семей, жившие в хороших районах. Их самих хорошими бы никто не назвал, но и плохими они не были. Нормальные подростки. Обычные. Они в большинстве своем такие – своих целей нет; цели, поставленные родителями, бесят; жизнь пугает, а детство уходит слишком медленно. Вот они и ищут. Что-нибудь. Кого-нибудь. Себя.

Найти, вместо этого, смерть от «поцелуя», вариант, пожалуй, не худший. Заноза не стал бы разыскивать Хольгера ради спасения этих детишек. Голландца следовало найти и убить за то, что он бросил своего най. У любого поступка есть причина – это правило без исключений. И обычно оно означает, что любого человека можно простить, если разобраться, почему он совершил поступок, который кажется тебе плохим.

Но «обычно», не означает – «всегда». Заноза, если выпадет возможность, собирался спросить у Хольгера, почему тот бросил Тидемана в горах, и был намерен уничтожить голландца, независимо от ответа. Даже если окажется, что тот ни при чем, и парнишку увезли из дома дурно воспитанные Слуги. Потому что, если твой най пропал – его надо искать. А Тидемана не искали.

– Зачем, вообще, знать, почему он парня выкинул? – Мартин покачал ополовиненной бутылкой. – Это то же самое, почему ты всегда выясняешь, как что устроено?

– Что как работает, да. Во всем есть смысл. А когда его нет, это значит, что я его не вижу. Или – что его нет.

– Я за два месяца так и не понял, последний вариант тебя напрягает или наоборот устраивает.

– Если смысла нет, значит все можно, – Заноза забрал бутылку, чтобы сделать еще один глоток. – Но если смысла нет, значит, ничего не нужно.

– Объяснил, – Мартин кивнул с серьезным видом. – Зашибись, объяснил. Спасибо!

Смартфон засигналил. Заноза глянул на номер. Хмыкнул. Звонок от Арни мог быть по делу, и тогда это действительно важное дело, а мог быть – как всегда, и тогда это сплошное раздолбайство. С другой стороны, здесь и сейчас они с Мартином тоже не офигеть какие важные проблемы решают.

– Извини, я отвечу, – он вернул демону бутылку и мазнул пальцем по экрану смартфона.

– Разговор не телефонный, – заявил Арни. Голос у него был трезвый, – мы тут по твоему делу нарыли кое-что... короче, чувак, у нас у всех могут быть проблемы. Расскажу, как вернешься, ок?

– Ты в «Крепости»? – Заноза глянул на небо. На Тарвуде время близилось к четырем, а дома должен был быть день.

– Да. Сейчас поеду в Луну.

– Ок. Отбой.

Мартин протянул ему еще одну сигарету:

– Домой?

– Угу.

– Я думал, ты туда возвращаешься сразу, как ушел. Минут через пять по временной шкале.

– Я утром уйду. Когда понадобится играть со временем – поиграюсь. А пока можно так, лучше не усложнять. Не знаю, насколько быстро кровь будет стгорать, если временные координаты туда-сюда дергать.

– А. Да. Кровь... Блин, надо возобновить традицию и приносить сюда не только выпивку. А то вдруг оголодаешь без предупреждения. Завтра принесу. Ты заходи. Расскажешь, что там.

– Да уж, – Заноза зажмурился, когда Мартин поднес огонек к его сигарете. – Расскажу, по-любому.

Глава 4

*город не любит лето: песок, жара,
толпы туристов, самолеты в чужие страны...
город стремится дорогой к дальним горам,
но застыл навеки на берегу океана.
Мария Макина*

Он уходил из Алаатира перед рассветом, а возвращался на закате. Проводил на Тарвуде ровно столько времени, сколько дома длился световой день. Вначале из любопытства пробо-вал задавать разные координаты по временной шкале, тогда и понял, что кровь сгорает, если возвращаешься до заката. Это было все равно, что дважды подняться из спячки. Ощущения не радовали – голодать не нравится даже живым, а мертвые от голода вообще с ума сходят – и добыть крови было негде. Из дома днем не выйдешь, и никого из Стада к себе не вызовешь. Убежище палить – последнее дело, пусть даже всем упырям в Алаатире известно, что Турок и его Пес обитают в Февральской Луне.

Упыри – это одно, а живые – другое. Не надо путать.

В общем, если требовалось вернуться домой до заката, Заноза покупал у Мигеля три бутылки крови. Как сегодня.

С живой кровью эту, холодную, лишенную эмоций, было не сравнить. Но в мае, когда он оказался на Тарвуде без денег, без оружия и без возможности уйти с острова, и она была за счастье. Заноза об этом помнил и, выходя из портала в холле Февральской Луны, опустошал бутылочки, не морщась. Кровь есть кровь. Когда-то только она и спасала от голода.

Арни ждал в кабинете. Интересно, как он убедил Франсуа, что имеет на это право? Но еще интереснее, о каких же новостях речь, если разговор не телефонный, и если ради этих новостей Арни выдернул его с Тарвуда в разгар дня.

– Ты все еще не различаешь похожих людей? – спросил Арни, едва Заноза переступил порог. – Я не могу просто показать тебе фотки и наслаждаться эффектом?

– Я... хм... Нет, не можешь.

Он различал похожих людей. В этом и была проблема. Он сходства не видел. Все люди выглядели по-разному, кроме, может быть, однояйцевых близнецов. Да и то, если те прилагали усилия к тому, чтобы оставаться одинаковыми. Но, хоть формулировка Арни и была неверна, вывод тот сделал правильный. Показать фотографии и наслаждаться эффектом не получится.

– Что за фотки?

– Да вот эти, – Арни выставил на стол пакет с молоком, мазнул пальцем по тачпаду ноут-бука, который нагло расположился тут же, на столе, рядом со стационаркой Занозы, и вытащил из кармана сложенный вчетверо листок. – Вот. Видел ее?

Видел, конечно. И на пакете, и на листке – один и тот же портрет. На экране ноута фото-графий больше, но девочка та же самая. Соня Ариджит Хамфри. Одна из девчонок, исчезнув-ших за последние две недели. Одна из тех, кого опознал Тидеман. Ему показывали портреты всех числившихся в розыске подростков, и он узнал шестнадцать из них. Портретист, *madre*. Еще троих нарисовал сам. Тех, кого, не искали. Родители этих троих были уверены, что детки отдыхают в кемпинге, и считали их достаточно взрослыми, чтобы не доставать звонками и рас-спросами о времяпровождении.

Три ночи назад Хольгер держал в клетках в подвале своего дома девятнадцать подрост-ков. Сколько их осталось к этому времени? Лучше не думать.

– А его видел? – изображение на экране сменилось.

И это лицо Заноза тоже прекрасно знал. Кто его не знал, этого ублюдка?!

– Старый Лис...

– Он самый, – подтвердил Арни. – Харт Алахди, командир венаторов штата. Слушай, трудно с тобой, а! Ты что, правда не видишь, что девчонка – его копия?

Нет. Он не видел. Мисс Хамфри выглядела как девушка. Русая в рыжину, светлоглазая, с веснушками. А Старый Лис выглядел как пятидесятилетний мужчина. Русский в рыжину, светлоглазый и тоже с россыпью веснушек у переносицы. Что, веснушки, что ли, сходством считать? Или цвет волос? Так недолго всех рыжих в похожие записать. У мисс Хамфри и у Лиса были одинаковой формы ноздри, совпадали разрез глаз и линия челюсти. Но все остальное – разное. Совершенно. Где Арни увидел сходство, оставалось неясным.

Заноза привык к тому, что утверждениям, будто кто-то на кого-то похож, обычно, можно верить, и все-таки сейчас предпочел поручить сравнение портретов компьютеру. У электроники не бывает иллюзий. Визуальных. Так-то, конечно, глюков чуть больше, чем дофига.

– Я проверял. Я ж тебя четырнадцать лет знаю, – Арни в жизни не сказал бы ему, что нужно или не нужно делать, Слуги не говорили такого вампирам, но намекнуть – это да, это он себе позволял. – Заноза, больше восьмидесяти процентов совпадений.

– Мало ли кто на кого похож, – представить, чтоб у Старого Лиса была семья, чтоб у него была дочка... у этого нациста. Нормальная с виду девчонка. Нет. То есть... да. Это возможно. Каким бы ни был отец, дети ни при чем. И ни при чем жены. Рассуждать иначе – значит, самому становиться нацистом. У тех ублюдков, у прежних, времен Второй мировой, тоже были дети. Были семьи. И они свои семьи не прятали.

Лис прятал.

А Хольгер нашел.

Если только это не случайное сходство. Поверить в случайность куда проще.

– Я б не стал тебе звонить. Днем-то, – Арни оттолкнулся, отъехал на стуле к закрытому стальным щитом окну, – если б не проверил. Для верности можно снова всю цепочку пройти. А то, блин... мне за это орден дать надо, а кто оценит? Девчонка с матерью живут под программой защиты свидетелей.

– Круто! – Заноза хмыкнул. – Венаторы в силу входят.

– Вот, я ж говорю! – Арни услышал только «круто». – А кто оценит? Ты не веришь, остальные не поймут. Я на поиски сутки убил. Не спал, не жрал, пил только минералку. У меня глаза выпадают. Все сосуды полопались, видишь? Я как Саурон! Мне теперь только в Минас-Моргул, на башню, оком сверкать. Даже двумя.

Заноза покачал головой. Ничего у Арни с глазами не сделалось, а не спать и не есть сутки для Слуг проблемой не было. Они и дольше могли без сна и пищи обходиться. Если не в боевом выходе, конечно. В бою, там и кровь, и силы куда быстрее расходуются.

– Молодец, – сказал он вслух. – Я бы не додумался. Не увидел бы, что они похожи.

Значит, дочь Старого Лиса захвачена Хольгером. Он знает? Хольгер? И знает ли Лис, что она у вампиров? Бурная деятельность венаторов в последние две недели, это что? Использование вверенных сил для поиска дочери, хорошей девочки, связавшейся с дурной компанией? Или Старый Лис ищет стаю вампиров, укравшую его дочь?

Надо постараться, чтобы этот saukerl не опередил их. Не добрался до Хольгера первым. Будет обидно. К тому же, венаторы перебыют всех, и живых, и мертвых. Они не щадят ни людей из Стада, ни даже тех, кого вампиры «целуют» насильно. И им все равно, кого убивать, детей или взрослых, женщин или мужчин.

– Я расскажу Хасану, – решил Заноза, подумав. – У него наверняка есть идеи насчет мисс Хамфри.

– Еще было бы круто, если б он понял, что мне надо дать премию, – заметил Арни, и начал крутиться в кресле, глядя в расписанный цветными спиралями потолок. – Или орден. Или отпуск.

– Ты не увлекайся. Там не просто так узоры...

Поздно.

Человеческая психика слабее вампирской. А если под этими спиралями еще и голова закружится... Мда. Вот так оно и бывает.

Заноза вытащил отключившегося Арни из кресла, положил на бок, лицом к стенке. Пропится – придет в себя. С одного раза ничего с головой не сделается.

Нет, он кабинет не для приходов расписывал, а для медитаций. Для ситуаций, когда просто думать недостаточно, озарение нужно. Эшива, вот, с Луной разговаривает, Хасан у него спрашивает, а он – в потолок пялится. У всех свои методы. Но Хольгера и просто так найти получится. Без гаданий на цветных спиралях. Уже скоро...

Лишь бы только Старый Лис не нашел его раньше.

* * *

Выйти из спальни на закате и обнаружить под дверями упыря с ноутбуком – верный признак того, что ночь спокойной не будет. А когда под дверью обнаруживаются сразу двое: упырь и Слуга, и оба с ноутбуками, это – к апокалипсису. Или, по крайней мере, к снегопаду.

Заноза и Арни, азартно переругиваясь, резались в какую-то игрушку, и Хасана заметили не сразу. Он подумал даже, что удастся проскочить. Пусть себе и дальше играют. Но куда там! Британия не дремлет. Заноза захлопнул ноут и вскочил:

– Хасан, у Арни новости офигеть! Пойдем! Пойдем уже, он тебе все покажет. Я тебя жду... Солнце десять минут как село!

Арни тоже поднялся на ноги. Встал, руки по швам, изображая идеально дисциплинированного Слугу:

– Добрый вечер, босс.

– Недобрый, – сказал Хасан.

Если Занозе не терпится поделиться новостями, и если это новости из разряда «офигеть», то ничего доброго ни вечером, ни ночью не предвидится.

– А еще, – Заноза, пританцовывая, попятился по коридору в сторону северной гостиной, – еще, Хасан, мы нашли стаю, которая воровала для Хольгера детей. Они не местные. Вообще ничьи. Бродяги.

– Ты давно знаешь, что они не местные.

– Я только позавчера...

– Это давно.

– Ладно, как скажешь, – Заноза скопировал интонации Эшивы, – но теперь я знаю, кто это. Сейчас Арни тебе все покажет, а я за ними поеду. Хаса-ан, – глаза у него стали, как у щенка, выпрашивающего печенье, – я прямо сегодня выясню, где убежище Хольгера. Мы же сразу туда пойдем? Прямо сразу? Нельзя дать ему время подготовиться!

– Мальчик мой... – Хасан сжег пару капель крови, обогнал Занозу, легонько смазал его по затылку. – Включи мозги и подумай.

Ради удовольствия увидеть, как мелкий бритт изумленно оглядывается, растопыривается и обиженно шипит, крови не жалко. Заноза все еще не научился ловить момент, когда он пережигает кровь в дайны, чтоб стать быстрее. Все еще не способен потягаться в скорости. Пусть учится. На это крови тоже не жаль. Пока он самый умный вампир на Западном побережье, но не самый быстрый, самоуверенность может его подвести.

Шипит и растопыривается он, правда, не из-за того, что снова не успел уследить за дайном, а на «мальчика». Но тут уж ничего не поделаешь. Мальчик и есть.

– Там девятнадцать до смерти напуганных подростков, – сказал Хасан, – двое упырей-малолеток и Хольгер со своей Венерой, старые, сильные и сытые. Это нам нужно время,

чтобы подготовиться. Если, конечно, ты планируешь спасти детей, а не просто прикончить художника.

– По-любому, спасти! – Заноза снова обогнал его, вышел на финишную прямую и понесся в гостиную. – Арни говорит: надо показать две фотки и наслаждаться эффектом. Я хочу наслаждаться, так что смотри! – он ткнул пультом в сторону своего безразмерного телевизора, и мельтешение множества окошек на экране сменилось двумя фотографиями. Старого Лиса Алахди и девочки, похожей на него, как родная дочь.

Хм. Будь девочка просто похожа, Заноза не тарашился бы сейчас во все глаза, ожидая реакции. Неужели...?

– Она в списках пропавших?

– Да! И она точно в подвале у Хольгера! А я все еще не знаю, проблемы у нас или наоборот. Если Старый Лис выяснит, что мисс Хамфри украли вампиры – он из шкуры выпрыгнет, но прикончит в тийре всех мертвяков, кого успеет. Пока мы не прикончим его. И последний пункт, – Заноза издал какой-то мурлыкающий звук, – искупает все жертвы. Он взбесится из-за дочки, потеряет осторожность, тут-то я его и найду.

Ах, так вот что это было за мурлыканье! Это у него hayvan⁵ голос подал.

Хасан в очередной раз задался вопросом, за что Аллах послал ему Занозу, за заслуги или за грехи? Из тысяч вампиров, с которыми могла свести судьба, достался именно этот. Умный, могущественный, преданный. Хороший мальчик. Сумасшедший настолько, что в любой миг может потерять контроль над собой и превратиться в одержимого убийством зверя.

– Убьешь одного, – сказал он, – найдется другой. Венаторы не переводятся. И нам придется снова выяснять его личность. Вся работа заново.

Заноза и сам прекрасно знает, каких трудов стоит установить, кто командует венаторами на уровне целых тийров. И знает, что установленных нужно беречь. Они и так не доживают до старости, с их-то работой, незачем помогать им потеряться. Все Заноза знает. Но ненавидит охотников так сильно, что перестает думать головой. Не может устоять перед возможностью убийства.

– Считай, что похищение девочки – это проблема. Но мы можем повернуть ее себе на пользу. Не убивать Алахди, – Хасан поднял палец, и Заноза, уже набравший воздуха в легкие, чтоб возмущенно завопить, выдохнул сквозь зубы, – не убивать, а договориться с ним.

– Хасан... – Заноза бросил ноутбук на кресло, – Scheiße, это же венаторы! Договор соблюдают с равными. С разумными. А мы – чумные бациллы. Кто договаривается с бациллами?

– Я. Время от времени. Последние лет четырнадцать.

Заноза мгновенно превратился в сгусток чистой ярости. Метнулся по гостиной от стены к стене. Показалось, еще чуть-чуть, и он пробежит по потолку. Британский нор, что тут скажешь. Злющий, обидчивый и вспыхивает, как порох. Если б еще и гас так же быстро! Обычно вспыльчивые люди отходчивы, а мстительные – не вспыльчивы. Но к Занозе слово «обычный» так же неприменимо, как слово «нормальный». Он впадает в бешенство с полпинка, запоминает эти полпинка навсегда, и мстит, когда подворачивается наиболее благоприятная возможность. Сроков давности для обид не существует. Среднего положения у переключателя: «бешенство/спокойствие» – тоже.

Еще есть бешеное спокойствие – но это состояние смертоносное. Такое Хасан и за собой знал.

– Алахди ходатайствовал о том, чтобы венаторов, убивших людей в «Петале», отдали под трибунал, – заговорил он. – И настаивал на смертной казни. Они отделались пожизненным, но Алахди считает, что они заслуживают смерти. Кстати, они были не местные, не из нашего тийра. Чужаки из Европы.

⁵ hayvan (тур.) – зверь. В данном случае речь идет о том самом «хищнике», которого часто чует в Занозе Мартин

Заноза прекратил метаться. Развернулся к нему, сунув руки в карманы джинсов. Взъерошенный, надутый, злющий.

– В «Петале» людей сожгли заживо. Из огнеметов. Это даже для венаторов перебор. Мы-то тут при чем? За сжигание вампиров Алахди раздает сраные ордена!

– Не за всех. Хотя, за тебя, конечно, он сундук орденов отдал бы, и не сраных, а каких-нибудь очень почетных. Но вряд ли он награждает за молодняк, который попадаете по глупости, и уничтожить который не стоит труда даже недоумкам, влетевшим в твою засаду на Юге. Я хочу сказать, мальчик мой, что венаторы Алахди не убивают людей. Значит, у него есть сердце. Значит, дочь ему не безразлична. И если мы вернем ее...

– Он нападет на нас, как только получит мисс Хамфри, и нам один хрен придется его убить. Хм. Слушай, а мне нравится.

– Если нападет, убьем, – пообещал Хасан. – Но мне хотелось бы, чтоб ты поговорил с ним. Без дайнов. Ты хорошо знаешь людей, ты обаятельный, убедительный, очень похож на человека. Если с венаторами, вообще, можно договориться, ты это сделаешь лучше всех.

Все так же – руки в карманы, взгляд исподлобья – Заноза покачался с пятки на носок. По-кошачьи пффкнул. И пробурчал:

– Если б я не знал, что ты знаешь, что я лучший, я б решил, что ты мной манипулируешь.

– Я знаю, что ты лучший, – Хасан кивнул. – А еще ты эмпат.

Манипулировать им было бессмысленно. Заноза чуял любую фальшь, замечал даже тень неискренности, страшно злился на попытки исподволь управлять им. Зато приказы выполнял. И не спорил, если Хасан сам не приглашал к дискуссии. И хвалить его было легко, потому что не приходилось придумывать – за что. Если от подростка пользы больше, чем вреда, его всегда есть за что похвалить.

– Прямо сегодня! – уверившись, что он и правда лучший, Заноза устремился к выходу из гостиной, – я заеду в «Крепость», когда узнаю адрес.

Исчез он раньше, чем Хасан успел напомнить про девятнадцать подростков, двух юных упырей, и двух древних чудищ, каждое из которых успеет прикончить живых пленников, пока второго расстреливают и рубят в куски.

И что делать с засранцем? Ладно. Он сказал, что информацию о девочке нашел Арни. Значит, хоть с этим ясно, что делать.

– Молодец, – сказал Хасан притихшему в уголке дивана Слуге, – когда завершим это дело, получишь премию и неделю отпуска.

Почему Арни так вытаращился, он не понял. А тот слез с дивана, прижимая к груди свой ноутбук, и еще менее понятно сообщил:

– Босс, я тогда пойду... еще в потолок посмотрю, ок? Пока оно работает.

* * *

Конечно, никакого рейда «прямо сегодня» Хасан устраивать не собирался. И Занозе бы не позволил. Он выждал десять минут – этого мальчику обычно бывало достаточно, чтоб прошел приступ самодовольства и самоуверенности, и включились мозги – а потом позвонил и заинтересовался:

– Ну, и куда ты спешишь?

– Надо опередить Алахди, – ответил Заноза, после короткой паузы.

Пауза означала, что на этот раз он вопрос обдумал. И в ответе не слишком уверен.

– Мы его опережаем, – сказал Хасан. – Ты выяснишь, где убежище Хольгера уже сегодня. Но пойдем мы туда лишь тогда, когда я точно буду знать, что Хольгер дома. И он, и его Венера.

– Виолет дю Порслейн, – Заноза опять замолчал на несколько секунд. Потом неохотно признал: – да, надо будет последить. Я тогда познакомлюсь с его агентом. Поближе. Зачарую, выем мозг, выясню все, что он сам про Хольгера знает.

– Когда у нас будет адрес, – главное, не давать ему снова думать о том, что сроки поджимают. Потому что они не поджимают, но у Занозы в заднице шило, а в мозгах бомба, и ни то, ни другое не добавляет здравомыслия, – мы установим наблюдение за убежищем.

– Мы с Арни оседлаем соты. До остальных коммуникаций я тоже докопаюсь. Прямо сегодня.

– Что бы это ни значило, – Хасан покачал головой, как будто Заноза мог его видеть, – «прямо сегодня» я сегодня слышать не хочу. Ты узнаешь адрес и поедешь в «Турецкую крепость», как собирался. А там я решу, кто и что будет делать.

– Угу. Что бы это ни значило, – голос был полон ехидства. – Ладно, ок. Я понял. Выясню адрес, познакомлюсь с агентом и приеду в контору.

Не совсем то же самое, что jawohl⁶, но с учетом обстоятельств, нельзя ожидать большего.

В «Крепость» Заноза приехал хорошо после полуночи. Возбужденный и деятельный, как бурундук, нашедший чужой мешок орехов.

– Агент думает, что Хольгер все еще в Европе. В Нидерландах. Ну, фигли, блин, там же день, когда у нас ночь. Кому в голову придет, что Хольгер как раз по ночам активный? Он для своих пятисот, знаешь, на удивление продвинутый параноик. Сидит на модеме, хотя в доме десяток вайфай точек. Думает, это ему поможет. Хасан, ты прикинь... – Заноза вытащил из кармана мятую пачку сигарет, – он натурально, контролирует каждый шаг. То есть, все, что делается в галерее. У агента камера работает, не переставая. Днем. То есть, когда у нас день, и в галерее подготовка к выставке идет. А сейчас они как раз на связи. Все, что за день записано – уходит к Хольгеру. Нет, про меня ни полслова, – он помотал головой, отвечая на невысказанный вопрос, – я попросил про меня не рассказывать. Вообще забыть.

Прикуривая, он всегда закрывал глаза. Если не видел огня, то и не боялся. Хасан давно эту особенность заметил. И не однажды ею пользовался. В последний раз – именно в «Петале», когда венаторы сожгли ресторан, и всех живых, кто там случился. Хотелось верить, что это был, действительно, последний раз, потому что удерживать перепуганного Занозу, не позволяя ему смотреть на огонь – все равно, что пытаться остановить поезд, держа его за колеса. Теоретически – возможно. Практически... если б Заноза ему не верил больше чем себе, ничего бы не вышло.

– Это поместье... – Заноза выдохнул дым, достал из кармана пепельницу, – что-то вроде поместья. Вилла с земельным участком. Называется Крестовник. Поменьше Февральской Луны, и охраняется хуже, но все равно есть, где побегать. Сейчас все покажу.

Включился и засветился планшет. Над столом развернулось трехмерное изображение окруженного парком особняка. Полупрозрачное, налилось цветом, обрело четкость и как будто даже материальность.

Использовать демонические шайтанские устройства ради того, чтобы показать несколько картинок! Почему нельзя пользоваться бумажными картами, и чем цветные карандаши плохи для тактических схем? Тем, что с ними не так интересно играть?

Хасан смотрел на сменяющие друг друга картинки. Большой дом. Меньше, чем Февральская Луна, но без Эшивы отыскать Хольгера и Виолет в полутора десятках комнат на двух этажах будет непросто. Парк невелик. Ухожен так, что просматривается насквозь с любой стороны.

– Что с охраной?

– Слуги. Пятеро. Чем вооружены, пока неизвестно, но вряд ли огнестрел, сам знаешь.

Старые вампиры традиционно не доверяют современному оружию. Да и молодые предпочитают холодное. Считается, что оно надежнее. Старые, те просто пользуются, чем при-

⁶ jawohl (нем.) – слушаюсь.

выкли. А молодые еще помнят себя живыми, чувствуют, насколько стали сильнее, и воображают, будто сила, скорость и координация делают их сверхъестественными фехтовальщиками и рубаками. Но Хольгер, как сказал Заноза, «продвинутый параноик». Нет смысла гадать, чем вооружены его Слуги, нужно просто последить за территорией, и уже по результатам наблюдений, думать над тактикой. Штурмовать охраняемые объекты приходилось не раз, но обычно при поддержке Слуг. В этой же ситуации Слуги – не помощники. Убивать вампиров должны вампиры, в крайнем случае – венаторы. А Слуги нужны, чтобы охранять хозяев днем. От тех, кто может прийти под солнцем. Не от мертвых, а от живых.

Сложность не в том, чтобы попасть в дом. Сложность в том, чтобы сделать это незаметно. Нельзя оставить Хольгеру возможность убить захваченных подростков.

Сделает он это, если поймет, что на Крестовник напали, и что нападение не отбить? Он достаточно жесток для этого, но одной жестокости недостаточно. Убивать людей на охоте или во время еды, и убивать – просто так, для удовольствия, вещи, все-таки, разные.

– Да как нефиг делать, – заявил Заноза. – Просто назло. Потому что гад. Orospu cocugu⁷.

– Необъективно.

– Он правда гад!

С этим Хасан и не спорил. Сведений насчет матери художника он не имел, но и со второй характеристикой готов был согласиться. Однако ни гадость, ни происхождение не означали, что Хольгер непременно захочет убить детей, прежде чем убьют его самого. А вот использовать их как заложников – это он может. Тидеман рассказал, что живых держат в подвале. Значит, при штурме нужно будет попасть туда раньше Хольгера.

– Выясни, сколько лет Слугам. Прослушивание телефонов – на Арни. Наблюдение... – Хасан поразмыслил, – по двое Слуг, кроме камер. Так оно надежней.

– Рискованно, – Заноза погасил окуроч, защелкнул крышку пепельницы, – там пятеро Слуг, скорее всего, старых. Старше твоих. Небезопасно даже днем.

– Перед людьми можно поставить задачу, и они ее выполнят в меру своего разума и усердия. А камеры можно только установить. У них ни усердия, ни разума.

– Это да. Ни залезть, куда не надо, ни выбрать, за кем следить, ни смыться вовремя. Ок. Трафик агента мы уже sniffим, оператора и айпи Хольгера знаем, соты захватим, за домом последуем. И когда скажешь, тогда и на штурм.

Снова и не без успеха Заноза притворился дисциплинированным умницей. Оставалось надеяться, что те слова, которые Хасан не понял, не подразумевают ничего слишком рискованного, грозящего срывом рейда.

⁷ Orospu cocugu (тур.) – сукин сын.

Глава 5

*главное, смертный, помни, что по ночам
снаружи гораздо опаснее, чем внутри:
внутри тепло, в очаге разожжен огонь,
внутри семья, спокойствие и уют.
снаружи по темным дорогам бредет другой.
снаружи ночные песни поют.
другие.
Марина Макина*

Сегодня цветок был без письма. Пурпурный, крупный, с изящно вырезанными лепестками и темно-золотой сердцевинкой, он пах сладко и сильно, как большинство ночных цветов. Незнакомый. Не тарвудский. Заноза принес его сам. Из дома, наверное. Большинство незнакомых цветов, которые он притаскивал, были из его парка. А вот те, что присылал, сопровождая письмами – все с Тарвуда. И среди них тоже попадались такие, каких Берана никогда не видела.

Правда, она и цветами никогда не интересовалась. Надо быть англичанином, чтобы одинаково сильно любить и оружие, и цветы. А Берана была родом с Гибралтара. Хотя и не сказала бы точно, какой она национальности.

Какой-то. В ее времена значение имело вероисповедание, а не кровь. Если ты не иудей, конечно. Им-то, бедолагам, хоть принимай христианство, хоть оставайся в вере отцов, одинаково несладко приходилось.

– Он из твоего парка? – спросила Берана, понюхав цветок и оглядываясь в поисках бутылочки, куда его можно было бы поставить. – Красивый. Спасибо.

– Он с Болот, – Заноза взмахнул рукой, указывая на запад. Звякнули браслеты под рукавом. – С западного края. Там целые заросли цветочных кустов и полно зверья, но нет ни одного достойного упоминания чудовища.

– А стрелять там можно?

– Если еще подальше уехать, то, да.

Берана прихлопнула ладонью по стойке и нетерпеливо огляделась. Сегодня у нее была вечерняя смена, и уже приближалась ночь. Ана вот-вот должна была сменить ее. Хотелось бы, чтоб поскорее.

Раз зашла речь о том, чтоб уехать подальше, значит, можно будет пострелять.

Все думали, что на Тарвуде не работает огнестрельное оружие. Только Заноза и Берана знали, что это не так. То есть, еще знал сеньор Мартин и сеньора Лэа тоже. Но сеньор Мартин вообще все знал, он же демон. А сеньора Лэа была очень недовольна тем, что пистолеты стреляют, и хотела, чтоб это оставалось тайной. Чтобы все подряд не начали заказывать в Порту огнестрел, а то ведь все друг друга поубивают.

Берана не понимала, почему без пистолетов никто друг друга не убивает, а с пистолетами начнут, но Заноза к мнению сеньоры Лэа прислушивался. Он ее, вообще, очень... Берана не могла подобрать подходящего слова, «уважал» было не то, «любил», наверное, тоже. В общем, Заноза сеньору Лэа очень – и всё. И поэтому, чтобы пострелять из пистолетов, они забирались куда-нибудь подальше, где не бывал никто из тарвудцев. Чаще всего – на Болота. Занозе там нравилось. Его, наверное, манили сырость и туманы, и лягушки с комарами. Он же англичанин. Беране на серых равнинах с рошицами серых деревьев и кустов стало бы скучно, но с Занозой не заскучаешь.

А возможность пострелять искупала и сырость, и ночной холод, и комаров.

– Иди, седлай Эбеноса, – сказал Заноза. И улыбнулся подошедшей Ане: – добрый вечер.

– А еще джентльмен! – Берана фыркнула, увидев, как Ана заулыбалась в ответ. Хлопнула на стойку гроссбух, забрала бутылочку с цветком и пошла переодеваться для верховой прогулки. Никто не понимает, что Заноза такой обаятельный потому, что вампир, а не потому, что хороший. Видят его, и радуются как дураки. А он только и делает, что упырится.

Нет, она Эбеноса никому не доверяла, ни конюху Петру, ни, тем более, Занозе. Сама за ним ходила. Но мог ведь предложить, давай, я тебе коня оседлаю. А она бы сказала, что Эбеноса никому не доверит, даже Петру. Ну, и ладно. Вампиров животные, вообще, боятся. Или наоборот, слушаются. Берана, когда искала способ убить Занозу, прочитала много книг, узнала много полезного, но насчет животных так и не разобралась. Зато знала, что если отрубить вампиру голову – он не сможет двигаться, если вбить что-нибудь в сердце, он тоже не сможет двигаться, а если хорошо поджечь – сгорит. Получалось, что самый простой способ убить вампира – отрубить ему голову, пробить сердце и сжечь. Правда, непонятно было, как, если что, сотворить это с Занозой. Но, вроде бы, все плохое, что он мог ей сделать, он уже сделал. И теперь убивать его было не за что.

Зато он, как всегда, открыл для нее ворота, чтобы она могла выехать со двора. А днем для постояльцев и возчиков их открывал Петр, Беране же приходилось или уговаривать Эбеноса пройти в калитку, или маяться с тяжелыми створками, с конем в поводу. С тех пор, как Заноза поцеловал ее на празднике урожая, многое, что казалось тяжелым, стало даваться легче, и все равно приятно было, когда он открывал перед ней ворота.

Вежливый. Настоящий джентльмен. Когда не упырь.

Неизвестно, как там остальные животные, а лошади Занозу не боялись. Ни Эбенос, ни мерин Гнедко, которого он всегда брал для поездок на почтовой станции. Всех приучил, чтоб Гнедко для него берегли. Как-то, если подумать, Заноза в городе много кого много к чему приучил.

Берана и подумала, пока ехали к Южным воротам, по Бастионной, мимо заросших плющом старых стен. Раньше, давным-давно, здесь была городская стена, и бастионы – вон они два. А теперь – то ли улица, то ли бульвар. Зелено, тихо, вместо старого рва – озеро, днями там пацанва со Слобод купается. В Тизу-то не сунешься – унесет, измолотит о камни, выплюнет в ров перед замком куском мяса с переломанными костями.

Вот как думать о серьезном, когда в голову все время лезет разное? Заноза многих в городе приучил к тому, чтоб все было, как ему удобно. Или как ему надо. Это потому, что он вампир. Но вряд ли он задумал что-то плохое. Он мельницу строит, а мельница – это хорошо. Мигель сказал, мука дешевле станет. Когда что-нибудь становится дешевле, а не дороже, это к лучшему. Цены на хлеб и выпечку в таверне снижать вовсе не обязательно. Большие пекарни, может, и снизят – у них больше покупать начнут, получится так на так. Но большие пекарни таверне не мешают. К Мигелю люди не за хлебом и пирожками ходят, а поесть нормально. И выпить. И посидеть.

Опять не туда мысли. Да ну их! В Порту Занозу знать не знают, а Беране ни до кого, кроме портового народа, дела не было. Городские, они и есть городские. Если их упырь всех зачаровал, пусть им будет хуже. Или лучше. Без разницы.

Она помахала рукой стражникам, охранявшим ворота. Двоих знала, еще двоих пару раз видела в таверне, тоже, считай, знакомые. А десятник, Шманюк, вообще, завсегдатай. Если у него дежурство ночное, под утро всегда приходит поесть и в нарды с парнями перекинуться.

– Шманюк ведь не в Блошином Тупике живет? – спросил Заноза неожиданно.

– Нет. Он из Западной слободы. Ты с ним, что ли знаком?

Заноза покачал головой.

– Ты в Блошином Тупике бываешь? – не поняла Берана.

Снова тот же ответ.

– А почему тогда спрашиваешь?

– Хм, – сказал Заноза. – Спрашиваю, потому, что интересно.

– А почему интересно?

– Поехали, – он дал Гнедко шенкелей, и тот пошел бодрой рысью.

Беране в такие моменты хотелось подобрать с земли камень потяжелее и запустить в бело-брысый затылок. Занозе не убудет, а она хоть душу отведет. Никак она не могла к нему при-выкнуть. То он пьет ее кровь, то целует, то дарит цветы, то отказывается разговаривать. Заходит в таверну вечером на пять минут, и остается чуть не до утра. Приглашает на свидание – и в упор не видит.

А может, никакие это и не свидания?

Последний вопрос Берану особенно беспокоил. Хотелось ясности, но она пока не знала, зачем. Куда еще яснее, если Заноза ее поцеловал тогда, на берегу? Если парень девушку целует, если цветы дарит, на прогулки зовет, значит, все понятно, да? Но тот поцелуй был почти месяц назад. Правда, тогда Заноза дал ей свою кровь. А он свою кровь очень ценит.

Очень.

Доходя в раздумьях до этой мысли, Берана уверялась в том, что у них, все-таки, свидания. Потому что кровь же. Вампирская драгоценность. Вампир может забирать кровь, а отдавать не будет ни за что. Если только не влюбится, или не захочет зачем-то кого-нибудь себе подчинить. Подчинить Берану Заноза мог чарами – один раз получилось, и дальше получалось бы, что ему, трудно, что ли? Оставалась любовь. А раз любовь, значит, свидания.

Хорошо, раз так. Потому что ей этот вампир очень нравился. И когда цветы дарил, и когда на вопросы не отвечал, и когда учил стрелять, и когда говорил, что она ужасно одевается.

Ничего не ужасно. В чем еще верхом ездить, если не в штанах, подшитых кожей? А дома майка и шорты – самая лучшая одежда. Удобно, не жарко, и штаны эти поверх шорт всегда надеть можно. Раз, и всё. Заноза сам бы ворчал, если б она долго переодевалась.

Правда, кожаную одежду как у той сеньоры, у Эшивы, Берана себе заказала. Но похвастаться Занозе не решалась. Не угадать, что он скажет. Да и сидели на ней эти доспехи совсем не так, как на сеньоре Эшиве... Мальчик и мальчик, посмотреть не на что. Всего-то ей не хватало и сверху, и снизу. И взять неоткуда.

– Приехали, – Заноза остановил Гнедко. Спешился. – Дальше порталом пойдем.

А еще Беране нравилось, как его слушались лошади. Коня в портал провести – все равно, что через огонь прогнать. Не пойдет ни за что, пока голову не замотаешь, чтоб не видел. Чем их так светящийся круг пугает? Ну да. А еще, чем их пугают неожиданно взлетающие птицы, лающие собаки, фонарные столбы и собственная тень? Это же лошади, они в каждом кусте конежоров видят!

Эбенос был не из пугливых. Спокойный парень. Очень умный. Но ходить в порталы и он отказывался. Если только не с Занозой. Тот что-то Эбеносу говорил на ухо – Берана ни разу не смогла расслышать, что он там шепчет – и все, Эбенос за ним куда угодно. Доверчивый, ну как ребенок. Может лошадиные шесть лет, и человеческие – одно и то же? Ну, так Гнедко старше, а все равно верил в то, что ему Заноза на ушко рассказывал.

А Берана была старше обоих, вместе взятых. И ей Заноза даже на ухо ничего не шептал. А она все равно ему верила.

Еще месяц назад, сказал бы ей кто-нибудь, что она пойдет ночью гулять с вампиром, она б на этого кого-нибудь разозлилась и обсмеяла. Ненавидела вампиров! Правда. Тошнило ее от них. Нет, Берана в них не верила, в ходячих мертвецов, которые пьют кровь живых людей – что она, дура, что ли, верить в такое? Ей просто было противно. Мертвые, но не мертвые – фу-у! А потом Заноза ее зачаровал и выпил ее кровь. Она поверила в вампиров и начала их ненавидеть еще сильнее. Со всей силой. Сколько было ненависти в ее душе – столько вампирам и досталось. Одному вампиру.

Берана даже не знала, что можно кого-то так ненавидеть. Так сильно, чтоб аж влюбиться. Может, она все-таки дура, а?

Портал вспыхнул и погас. Берана оказалась в облаке цветочных ароматов. Сладкий, свежий, нежный запах – так пах цветов, который принес сегодня Заноза. И так же пахли десятки цветов, распутившихся на кустах по обе стороны от нее. Цветы красивые, кусты красивые. Даже в темноте видно, какие у них яркие, сочные листья, какие сильные ветки. Совсем не похоже на чахлые осины и непролазные ивняки, которыми заросли Болота.

– Это парковая аллея, – сказала Берана, оглядываясь, – ты посмотри. Карман в кармане, что ли?

– Болота прицепились к Тарвуду, а к Болотам прицепилась часть чьего-нибудь парка, – Заноза поднял ее за талию и усадил в седло. – Мне кажется, недавно прицепилась. Кустарник южный, а на Болотах зимой должно быть холодно. Раз не померзло, значит, зимовало еще не здесь.

– Я тебе сколько раз говорила так не делать?!

– Шесть.

– Да какая разница? – Берана толкнула Эбеноса пяткой и первая поехала по аллее.

На такие вопросы по-другому отвечать нужно! Сказать: «извини, я забыл». Или, лучше: «да, но мне нравится». Зачем он ее подсаживает на лошадь? Что она, сама в седло не сядет? Заноза прекрасно знает, что ей даже стремяна не нужны. И все равно это делает. Вот зачем, а? Дурак английский!

– Колокол, – сказал Заноза, тронув ее за руку. – Слышишь? Тут точно можно стрелять, это не тарвудская колокольня.

На Тарвуде колоколен было две: в городе и в Порту. И от той, и от другой до Болот ехать полдня, так что колокольный звон ветром не принесло бы. Но Берана из упрямства все равно спросила:

– Почему не тарвудская?

– Полночь бьет. А на Тарвуде еще и одиннадцати нет.

Таинственная аллея, затерявшаяся во тьме, среди бескрайних болот. Холодные пальцы вампира лежат у нее на запястье. А невидимый колокол отбивает полночь.

– Кровь Господня, и двенадцать апостолов, – выругалась Берана. – Ты куда меня завез, чертов англичанишко?

– Девушка не должна говорить такие слова.

Каким же он иногда бывает нудным!

– Оставим лошадей тут, а сами пойдем вон к той арке, – Заноза показал вперед, – сойдет за мишень.

И Берана немедленно простила ему все занудства, прошлые и будущие.

Каменная арка, увитая плющом и колючими ветками розовых кустов, отмечала вход на перекресток, куда сходились четыре аллеи. Арок тоже было четыре. А квадратный газон между ними зарос мягкой травкой.

– Сорняки, – сказал Заноза грустно. – Скоро все затянут. Так, тебе хорошо видно?

Ночь была ясная. Луна – почти полная. Света хватало. Заноза поколдовал со своим... кибердек, что ли, эта штука называлась? Не волшебная, но неотличимая от волшебных. Такая же непонятная. Положил его на траву, и на столбе одной из арок засветился человеческий силуэт. Ну, как бы. Светлое пятно в форме человека. Голова и корпус. В корпус Берана за шесть занятий научилась попадать с пятнадцати шагов. Один раз из трех. Заноза говорил, что из его пистолетов и одного раза достаточно. А в обойме было восемнадцать патронов, значит, получалось, что Берана запросто могла пристрелить шестерых. Людей. Вампирам, по сло-

вам, опять же, Занозы, нужно было не меньше двенадцати пуль, притом, в голову, а в голову она пока попадала только случайно, если ствол задирался вверх.

Ну, что ж. Значит, она могла убить одного вампира. Восемнадцать минус шесть – те, которыми убивать людей – как раз двенадцать и получается. А попасть в голову, стреляя в корпус – это все равно, что промахнуться. И уж промахиваться-то она умела в совершенстве.

Когда она, помнится, Занозе эти выводы озвучила, он согласился, что так оно и есть. Дал Беране еще один повод для размышлений. Потому что она-то думала, что, как обычно, несет бред. И, кажется, все-таки именно его и несла.

Ладно, что уж тут? Перекресток таинственных аллей, затерянных среди бескрайних болот. Невидимый колокол. Полночь. Вампир. У вампира плохо с головой, а у нее, видимо, хорошо, да? Раз она стоит тут с пистолетом, а не сидит в своей мансарде с книжкой.

Берана взяла пистолет обеими руками. Подняла, как учил Заноза, на уровень груди. И увидела – впереди, на аллее, далеко – еще один светящийся силуэт. Только у него, кроме головы и корпуса, были еще руки. И... кажется, развевающиеся волосы.

Да, точно, это бежала девушка, она путалась в юбках, призрачных, но тяжелых от росы или от дождя. Берану аж передернуло, стоило представить, как мокрая ткань липнет к коже.

До нее донесся отчаянный крик. А потом за спиной у девушки выросла огромная тень. Гигантский черный пес бросился на спину несчастной, сбил с ног. Крик захлебнулся, сменившись низким, страшным рыком. И такое же рычание – тяжелое, жуткое, от него земля под ногами вздрогнула – раздалось за спиной.

Берана быстро обернулась. Увидела, что глаза у Занозы светятся, как два синих огня. Быстро перекрестившись, она начала отходить так, чтобы оказаться подальше и от вампира, и от того – черного. От призрака собаки, который убил девушку... нет, убил другого призрака. Призрак убил призрака. Они, наверное, делают это каждую ночь, когда пробьет полночь. Живые им не нужны.

А мертвые?!

Собака понюхала воздух. Завыла. И развернулась в их сторону.

Берану изнутри, откуда-то от самого позвоночника, обдало холодом.

Страшно!

Господи, как же страшно!

Она бросила пистолет и схватилась за нож. Так страшно, что хочется кричать! И бежать. Как та девчонка. Она не убежала – не смогла. Берана знала, что не будет и пробовать. У нее есть оружие, значит, она будет драться. А Бог и святая Тереза защитят от призрачного зла.

Пес пошел к ней по аллее, пригнувшись, низко опустив квадратную башку. Глаза его светились сквозь клочкастую шерсть. Он шел все быстрее. Быстрее...

Прыгнул, когда до Бераны оставалось каких-нибудь двадцать шагов.

Она мгновенно присела, чтоб не дать сбить себя с ног. Бить – в брюхо. Колоть. Выпустить кишки. Добраться до сердца. У нее получится!.. Она не может умереть тут. Так.

Рядом грохнул выстрел.

Вампиру нужно двенадцать пуль в голову. Сколько нужно призраку? Все восемнадцать из обоймы? Да хоть сто восемнадцать! Призраки неуязвимы для пуль. Лишь холодная сталь...

Заноза выстрелил один раз. Огромный пес кувыркнулся в воздухе, свалился на бок, завизжал так отчаянно и громко, что с каменных арок посыпались остатки штукатурки.

Заноза не убил его? Промахнулся? Берана уже забыла, что призраки неуязвимы для пуль, теперь она удивлялась не тому, что Заноза сумел ранить чудовище, а тому, что он – лишь ранил. Он же никогда... Всегда только в голову или в сердце. Он не может промазать!

Заноза пронесся мимо. Подбежал к воющей, скулящей твари, скинул плащ, присел рядом. Вытащил из кармана складной ножик и полоснул себя по запястью. Несколько раз. Глу-

боко. Сильно. У вампиров не течет кровь, даже если их ранить. Но если вампиру нужно, то он может поделиться кровью.

С тем, кого любит. Или с тем, кого хочет подчинить. Или – Берана забыла про это условие, вспомнила только сейчас – с тем, кого хочет вылечить от ран или болезни. Было слишком темно, чтобы увидеть кровь, но пес перестал скулить. И он на глазах становился... настоящим. Из гигантской призрачной собаки превращался в гигантскую – материальную. Очень-очень злую. А от настоящих собак Бог не спасает, да и святая Тереза тоже, наверное, сможет только посочувствовать.

– Щенок же, – сказал Заноза, не оборачиваясь. – Ему года полтора. Ты видела, как он двигался?

– Я-а... – голос сбился на хрип, и Берана, кашлянув, начала сначала, – я не присматривалась. Я не разбираюсь в собаках. Я люблю лошадей.

Эбенос и Гнедко, наверное, взбесились от страха. Вроде бы, она слышала их ржание, но тогда рычал пес, и кричала девушка, и Заноза, между прочим, тоже рычал. Берана оглянулась туда, где остались лошади. Различила два высоких силуэта и понадеялась, что они не призраки. С привязи ни тот, ни другой не рвались, но и спокойно не стояли. Значит, живые, наверное. Нормальные. Боятся. Хорошо, что не бесятся.

Заноза погладил пса по голове. Сказал ему что-то. На незнакомом языке. Вот то же самое он, наверное, и лошадям на Тарвуде говорит, но очень тихо, потому что там его заклинания любой может услышать и тоже начнет пользоваться. А это, может быть, секретная вампирская магия. Или нет, у вампиров нет магии. У них дайны. В общем, секретные вампирские секреты.

– Надо успокоить лошадей, – Берана встала на ноги, подняла пистолет, – уйми Гнедко, у тебя лучше получится. А я займусь Эбеносом. Заноз, ты этого... щенка... заколдовал? Или просто вылечил?

– Вылечил. Не знаю, почему он материализовался. Но я про свою кровь много чего не знаю.

– Теперь его нельзя тут оставить, – был бы щенок не щенком, а взрослым псом-людоедом, Берана бы его сама зарезала. Но бросить маленького одного в безлюдном, полном призраков месте было невозможно.

– Нельзя, конечно, – Заноза тоже встал. И огромный пес тут же вскочил на ноги. Черная, лохматая, страшная тень. Правда, что ли, щенок? – Хасан давно собаку хочет, – кажется, во всегда уверенном голосе своего вампира, Берана расслышала сомнение, – извини, сегодня не постреляем. Я тебя провожу в таверну, и сразу домой. Надо успеть это... выкупать, причесать и постричь. А то Хасан не поверит, что хочет собаку, даже если я буду очень убедительным.

– Ты уже придумал, как его зовут?

– Угу. Фидо⁸.

Святая Тереза, каким же он иногда бывает нудным!

* * *

Выйти из спальни на закате и обнаружить под дверями упыря с ноутбуком – верный признак того, что ночь спокойной не будет. А когда под дверь обнаруживаются сразу двое: упырь и гигантская собака, вроде русского черного терьера, только еще больше – значительно больше – это к изгнанию кого-то из дома в собачий приют. Вместе с собакой.

Хасан остановился в дверях, рассматривая пса. Тот прижал уши и слегка подобрался. Заноза, который сидя был на полторы головы его ниже, поднял взгляд от ноутбука и просиял улыбкой. Пес тут же довольно осклабилась. Уши снова встали торчком, и по полу застучал обрубок хвоста.

⁸ Фидо (лат.) – Верный. Очень распространенная собачья кличка. Буквально, никакой фантазии.

– Ты притащил в дом собаку, – сказал Хасан.

– И тебе добрый вечер, – Заноза встал, и псина тоже оторвала задницу от пола. Аллах, ну и здоровая же тварюка! – Это Фидо. Он уже знает команды «сидеть», «лежать» и «стоять».

– Команду «фу» он знает?

– Пока нет.

– А команду: «вон из дома?»

– Хасан...

– Ты где его взял?

Пес выглядел жутко, но был ухожен, аккуратно пострижен, шерсть блестела, а ухмылка обнажала белые, чистые зубы. Домашняя собачка. Сбежал от хозяев? Ну да! Из военной лаборатории, специализирующейся на создании супер-солдат и супер-собак?

– Я его для тебя привел. Ты же говорил, что хочешь собаку.

– Я?! Когда?

Так. Неправильный вопрос. У британского клопа такая память, что на вопрос «когда» он отвечает, не задумываясь.

– В девяносто шестом, восемнадцатого апреля, – ответил Заноза мгновенно, – мы ехали мимо собачьего пляжа, и ты сказал, что было бы неплохо завести собаку, да только они тебя боятся. Ну, так вот. Собака, – он потрепал черное чудовище по ушам, – и Фидо тебя не боится.

Фидо не боялся. Ни капли. Лыбился, вилял хвостом, смотрел с щенячьим любопытством. А Заноза не ответил на вопрос, где он добыл эту тварь. Это он-то, не упускающий возможности во всех подробностях рассказать обо всех своих подвигах. Стало быть, вопрос неудобный. Но не спер же он пса. Нет, мальчик на многое способен, но воровать станет только в самом крайнем случае.

– Это Хасан, – сказал Заноза. – Видишь, Фидо? Это Хасан. Он хороший. Он теперь твой хозяин. Ты же нас не выгонишь? – это уже точно было не собаке. – Мы будем себя хорошо вести. Он послушный.

– Он послушный, а хорошо себя вести будете вы оба? – уточнил Хасан.

– Это шантаж.

– Да.

– Оба будем, – буркнул Заноза.

Рано или поздно это должно было случиться. Все дети приносят домой щенков и котят, и просят разрешения их оставить. У обычных детей, правда, не хватает наглости вместо обещаний ухаживать за зверушкой, прямо говорить: «это тебе». Хотя, в случае Занозы – это не наглость. И даже не честность. Он действительно хотел подарок сделать.

Сделал...

– Что он ест-то?

– Ну, – пальцы с накрашенными черным ногтями снова потрепали пса по ушам, – пиццу. И гамбургеры. Это мы сегодня выяснили. Арни, Блэкинг и я. Он пять больших пицц съел. Не наелся. Тогда Франсуа ему отдал еще упаковку гамбургеров. Большую. Он бы еще съел, но я решил, что хватит. Нефиг переедать. А раньше он, кажется, девственницами питался.

Видимо, у Хасана на лице что-то такое отобразилось, потому что Заноза заторопился, замотал головой:

– Не-не-не! Ему не только пиццу... то есть, я думаю, ему и от пиццы вреда не будет, он моей крови напился, у него желудок теперь железный. Но Франсуа обещал диету подобрать.

– Девственницы, – напомнил Хасан. – Про девственниц подробнее.

– Долгая история. Пес-призрак, древнее проклятье или что-то такое. Знаешь, все женщины рода в восемнадцать лет обречены погибнуть от клыков огромной волшебной твари. Вот... Фидо и есть огромная, волшебная тварь. То есть, был. Теперь только пицца и гамбургеры. Пока Франсуа что-нибудь не придумает.

Франсуа придумал диету для вомбатов, которых в прошлом году притащил Арни. Надо полагать, что и с диетой для пса-людоеда он разберется. Правда, зная Франсуа...

– Ты предупредил его, что в рационе не должно быть человечины?

– Девственниц. Восемнадцатилетних, – в голосе Занозы послышался скепсис, – даже Франсуа понимает, что это невозможно. Разве что он их сам выводить будет. Хм... – скепсис исчез, а взгляд синих глаз стал задумчивым и слегка тревожным. – Слушай, я ему скажу.

Это означало, что собака остается в доме. И, определенно, это означало, что остаться ей позволил Хасан. Он уже не пытался понять, как такое происходит. Точно помнил, что родные сыновья веревок из него не вили, даже никогда не пробовали. Но за без малого восемьдесят лет он не мог не измениться.

– Только не Фидо, – пес на кличку не отреагировал. Хорошо. Значит, не привык еще. – У вас что ни собака, то Фидо, будто других слов нет. Будет Мухтар. Хорошее имя.

– Ага, – Заноза серьезно кивнул, – главное, редкое.

* * *

– Неужели твой вампир сумел ранить призрака? – сеньора Шиаюн покачала головой. По золотой маске пробежали блики, и показалось, будто металлические губы улыбаются. Это была такая улыбка, как будто Берана – ребенок и что-то выдумала, и хочет, чтобы взрослые поверили. – Ранить, а потом воплотить? Берана, он же просто вампир. Мертвый мальчик с мертвым сердцем.

– И с волшебной кровью, – возразила Берана. – Он и убить мог, не только ранить.

Слова про мертвое сердце неприятно кольнули. И остались... в мыслях, что ли? В той части мыслей, которые не думаешь, а которые просто есть, и они... кружат, и кружат. Заноза странный. Непонятно, любит он или нет. Так, может быть, потому и непонятно, что у него мертвое сердце?

Берана вовремя напомнила себе про волшебную кровь. Сеньоре Шиаюн сказала, а потом и сама вспомнила. Волшебная. Драгоценная. А Заноза не пожалел для нее этой крови. Хотел защитить от какой-то вампирши. А вчера ночью защищал от пса-призрака. Дрался за нее. Не с выдуманным драконом, а с настоящим чудовищем. Если это не любовь, то что? Заноза ведь не любит драться. Берана сама слышала, как сеньора Лэа ему пеняла, что он слишком вежливый, и непонятно, зачем носит оружие. Никакой он, конечно, не вежливый – разве что с сеньорой Лэа – но зачем оружие носит все равно непонятно. Если ему на ногу наступить, он извинится. Нет бы сказать: глаза разуй, мурло, смотри, куда прешь! Хотя, может, извиняться – это и есть вежливость? Да не важно. Главное, что на призрака он зарычал и всадил тому пулю. Одной пули хватило, чтоб тварь угомонилась и стала обычной собакой. Еще и щенком.

– Он дал свою волшебную, драгоценную кровь тебе, чтобы ты стала сильнее. И так же дал свою кровь собаке? – теперь улыбка была и в голосе сеньоры Шиаюн.

– Да не так же, – Берана почувствовала, что краснеет. – Дело же не в крови.

Дело было и в крови тоже. Но если бы она могла как-нибудь спасти раненого щенка, она бы спасла. Хоть бы и пришлось для этого поделиться чем-нибудь драгоценным и волшебным. Вот и Заноза спас. А ей он кровь дал не так, и не для того, и, вообще, это был просто повод ее поцеловать. Теперь вот поводов нет, и Заноза ее не целует. Но это же не значит, что он не хочет.

У него мертвое сердце.

А может, он просто стесняется?

Берана за англичанами не замечала особой стеснительности. На Гибралтаре и Минорке они были наглыми, надменными, и жестокими. Не такими жестокими, как испанцы – у испанцев все от души – а как машины. Здесь, на Тарвуде, она прочла книжку, где английских моряков называли железными людьми на деревянных кораблях, и она сама не сказала бы о них лучше.

Но сеньор Мартин говорил, что Заноза – настоящий рыцарь. И он был не моряк. И родом из совсем другого времени.

Все слишком сложно, чтобы Берана могла сама разобраться. И с Мигелем не поговоришь. Как с ним о таком говорить? Он, вообще, может решить, что Заноза ее как-нибудь обидел. А если и нет, все равно. Мигель ничего не понимает ни в англичанах, ни в вампирах, а восемнадцать ему было очень давно.

– Ты же ему не веришь, Берана, – вот сейчас сеньора Шиаюн говорила, как, наверное, мать могла бы говорить с дочерью, – ты больше не боишься, что он сделает тебе что-то плохое, но не веришь ему и не доверяешь. Иначе, девочка моя, ты не стала бы защищать его от призрака. Ты позволила бы ему защитить тебя.

– Но Заноза же как раз...

– Из-за твоей спины. Ты собиралась драться с псом. Ты не верила, что твой вампир сможет постоять за тебя? Или не верила, что он будет это делать?

– Да просто пули ведь... а это призрак...

– А призраков пули не берут, – кивнула сеньора Шиаюн. – Значит, ты не верила, что он может. Но надеялась, что попытается?

Да. Или нет? Сейчас разве вспомнишь?

– Ты постарайся. В такие моменты, перед лицом опасности, все чувства становятся честными и чистыми. Наносное исчезает, оставляя только правду. Постарайся вспомнить, Берана.

И оказалось вдруг, что это очень легко. Вспомнить оборвавшийся крик убитой девушки, рычание чудовища, и такой же страшный рык из-за спины. Глаза Занозы светились синим. Он был страшнее призрачного пса. Берана не думала, сможет ли он защитить ее. И не думала – захочет ли. Она боялась его. Не чудовище, которое вынюхивало ее, стоя посреди аллеи, а своего вампира, превратившегося в чудовище у нее на глазах.

Глава 6

*Слушай,
тебя никто не убьёт наутро.
Ты теперь вообще
бессмертна.
Екатерина Михайлова*

Вечер, начавшийся с собаки, и обещавший беспокойную ночь, ожидания полностью оправдал. Хасан едва успел приехать в «Крепость», когда один за другим посыпались доклады о том, что Хольгер сегодня намерен до утра оставаться дома, а его Венера, дневавшая в отеле, чтобы сразу после заката пройтись по модным магазинам, только что вернулась, и тоже вряд ли поедет куда-то еще.

За рулем был Заноза, и после поездки с ним даже чтение этих докладов было успокаивающим занятием. Да, сегодня ночью боевой выход. Но что такое захват особняка, в котором два старых вампира держат в плену девятнадцать живых подростков, по сравнению с полетом по фривеям?

Заноза на справедливые замечания не реагировал. На несправедливые, кстати, тоже. Он считал, что раз добрались целыми и никого по пути не убили, значит, все в порядке. А говорить ему что-то до прибытия в конечный пункт не имело смысла. Во-первых, сосредоточенный на дороге, он все равно не услышит. А, во-вторых, отвлекать засранца себе дороже.

За четырнадцать лет поехать с ним довелось немало, и единственный раз, когда машина не уцелела, был здесь, в Алаатире, на мексиканской границе, в городишке Бакед. Но там их расстреливали из шести гранатометов. Заноза вырвался из-под обстрела, дотянул до укрытия, а потом врал, что будь гранатометчиков хотя бы пятеро, машину удалось бы сохранить. Мол, шестой даже для него был лишним.

Или не врал? Пока не попробуешь – не узнаешь, но повторять опыт не хотелось, поэтому Хасан делал вид, что верит.

Сейчас же, сунув любопытный нос в принесенные Арни бумаги, Заноза сплясал у стола танец команчей – нетерпеливых и злых команчей – и смылся из кабинета, бросив уже из-за двери:

– Вернусь через час!

Далеко куда-то собрался. И это перед рейдом. Что он может искать в получасе езды от «Крепости»? Ничего интересного.

А в получасе своей езды? Табор индийской ведьмы. Ну, разумеется...

Только ее тут и не хватало!

Время Хасан засек просто из любопытства. Интересно было, успеет ли Эшива собраться за те тридцать минут, что потребуются Занозе, чтоб доехать до табора. Она успела. И парочка явилась в «Турецкую крепость» через час с совсем небольшим довеском. Эшива, остановившись на пороге кабинета, плавно качнула бедром, демонстрируя висящий на этом бедре танта в ножнах.

– Здравствуй, Хасан, дорогой. Мы идем за старой кровью. Ты в предвкушении?

Сегодня она была блондинкой. Синеглазой, коротко стриженной, с выбритыми висками. Одетой как Заноза, и накрашенной, как Заноза. Правда, у нее раскраска – это просто раскраска, а вот у Занозы такая же, означает, что он готов к рейду. Глядя на него, кто скажет, чем англичане отличаются от индейцев? Цветом кожи, разве что. Так сделай индейца вампиром, и лет через сто он тоже побелеет.

За старой кровью, значит?

Хасан не предвкушал. Пить старую кровь полезно, но Заноза щедро делился своей. Несколько раз в году дарил по десять кварт. В канистре. Обычной, пластиковой. Он в такой же, только побольше, привез однажды кровь фей. И ведь нельзя сказать, что мальчик не понимает ценности своей крови или той, волшебной. Своей он, вообще, гордится. Просто, если подумать, то в чем переносить и хранить такие объемы жидкости, чтоб продемонстрировать свое к ней уважение? Во фляге из чистой платины? Десятиквартовой?

Уж лучше канистра. Пластиковая. Обычная.

Заноза приурочивал подарки к каким-то там английским праздникам и к здешнему Дню Независимости. По его мнению, этого было достаточно, чтоб подчеркнуть их ценность. По мнению Хасана, ценность восьмисотлетней крови ни в каком подчеркивании не нуждалась. Ну, а Эшива – она голову теряла, когда видела возможность раздобыть старой крови. Ей и четыреста лет, и триста – все соблазн. Все предвкушение. Вон, аж светится, до того не терпится Хольгера или Венеры-Виолет сожрать.

Эшива никогда, ни под каким видом не покушалась на кровь Занозы. И это была одна из причин, по которой Хасан терпел ее рядом с мальчиком. Хитрая, жадная и опасная, индийская ведьма умела быть верным другом. А хитрость, жадность и опасность друзей – качества положительные.

– Вы двое прикроете меня, – сказал Хасан. – Моя задача – добраться до подвала незамеченным. Я убью Слуг, которых встречу, и выведу живых. С най – по обстоятельствам. Будут мешать, прикончу.

– Ну, конечно, они будут мешать, – мягко заметила Эшива, – мы же вломимся в убежище их ратуна.

– Так вот, если будут мешать, ты сможешь их съесть. Но если нет, забудь об их крови.

– Заноза обещал мне Хольгера, – Эшива пожала плечами, – хольгеровские най мне никуда не уперлись.

Ну, хоть за этой ведьмой присматривать не придется. Если они с Занозой уже договорились, что Эшива получит кровь старшего, то, может, молодняк она и правда не тронет.

– Вы найдете и убьете Хольгера и Виолет. Лучше бы до того, как я освобожу детей.

– Да уж не затаю, – Заноза улыбнулся, оскалив все четыре клыка. – Кроме них тебя там никто увидеть не сможет, а они не успеют.

– Кролик на горе, вода – на огне⁹, – заметил Хасан. – Он как-то протянул пятьсот лет. Он обязан быть осторожным.

– Пятьсот лет, – повторила Эшива мечтательно.

Заноза покосился на нее, улыбнулся снова, и углубился в изучение ведущих к Крестовнику дорог. Выбирал, где оставить машину. К дому придется идти пешком, чтобы не привлекать внимания.

– Пять минут на сборы, – Хасан толкнул к нему по столу ключ от арсенала. – В оружейные конторы, кадет!

* * *

Жаль, что вампиры – городские твари. Заноза и сам предпочитал города, но здесь, в горной глуши, он мог видеть без очков. Мягкая, бархатная темнота, прозрачная и ласковая. Не надо заботиться о том, чтобы уберечь глаза от света. И даже луна, почти полная, лишь добавляла ночи очарования, пока ее свет рассеивали широкие листья и густая хвоя.

⁹ Турецкая пословица. Значение: не дели шкуру не убитого медведя.

Территория Крестовника освещалась, разумеется, куда ярче. Расположившаяся на склоне холма, прямо посреди леса, вилла сияла сквозь деревья, как фарфоровый домик со свечкой внутри. Нити электрического света между ветвями, марево от прихотливо разбросанных по парку фонарей, полумрак за зашторенными окнами. Еще были прожектора на ограде, но они, не являясь элементом декора, не горели.

Прожектора, это на крайний случай. Например, если кто-нибудь попытается проникнуть на виллу. Или взять ее штурмом. Или и то, и другое.

В какой момент Хасан исчез, Заноза не заметил. Так часто бывало. Турок мало того, что умел становиться очень быстрым, он еще и «туманом» пользовался с той же легкостью, с какой Заноза писал скрипты.

Исчез, и исчез. Значит, все по плану. Хасан проникает на виллу и выводит из строя всех охранников, которые попадутся по дороге. А они с Эшивой следят за тем, чтоб его не засекали, и при необходимости отвлекают охрану на себя.

Пять Слуг? Фигня! Слугам Хасана не увидеть.

Интересно, а Эшива знает, где он?

Заноза покосился на индианку. Та следила за чем-то невидимым и очень походила на кошку, которая, насторожив уши и подобравшись, ловит свои, кошачьи глюки. Никто так больше не умеет, ни собаки, ни всякая другая домашняя живность. Чисто кошачья привычка. Сначала наглючиться, а потом испугаться и носиться по комнатам, выпучив глаза и распушившись в полтора раза от нормальных размеров.

У Эшивы процесс был пока на стадии наблюдения. И, скорее всего, она смотрела на Хасана, а не на воображаемых чертей. Лунный взгляд – это так называется.

– Я в парке, – прошелестел голос в наушниках, – первый есть. Вперед!

Значит, Слугу, который мог увидеть, как они перебираются через ограду, Хасан убил. Заноза встал на колени, протянул руку, чтоб Эшива могла опереться ботинком. Выпрямился, забросив индианку на верхушку каменного забора. А потом перепрыгнул через него, и помог Эшиве спуститься.

– Спасибо, сладенький, – прошептала она. Прижалась к нему грудью, прежде чем отойти и завернуть головой, в поисках Хасана.

Эшива терпеть не могла боевые вылазки. Но когда приходилось участвовать в них, довольно быстро втягивалась в процесс и начинала получать удовольствие. За это Заноза ее особенно любил. А с некоторых пор еще и за то, что она не пугалась, когда он обнимал ее, чтоб куда-нибудь посадить, или ловил, когда она откуда-нибудь спускалась. Принимала как должное.

Берану бы ей в обучение. Хоть на неделю. Но, к сожалению, Эшива Берану просто съест. Даже не поймет, что человеческую девчонку можно учить быть леди, или вообще учить чему бы то ни было. Она бы и Мисато съела, будь у той кровь постарше.

– Второй есть, – сказал Хасан.

– А вон и третий, – еле слышно добавила Эшива.

Заноза проследил ее взгляд. Увидел лишь живую изгородь. Слуга был скрыт кустарником, но Эшива на мгновение подсветила его силуэт, и Заноза выстрелил. Глушитель, деревья, кусты – звук выстрела погас, будто увяз в теплом воздухе.

– Третий есть, – доложил Заноза.

– Молодец, – отозвался Турок. – Четвертый и пятый на той стороне, у парадного входа. Один мой. Второго сам. Вперед!

– Ок, – Заноза кивнул. Эшива тоже, но молча.

Велик был соблазн не огибать дом, а, добежав до него, просто запрыгнуть на стену, потом на крышу, и по крыше напрямик добраться до парадного крыльца. Но Эшива прыгать не умела, а оставлять ее одну нельзя. Значит, стоило поторопиться, чтоб Хасану не пришлось слиш-

ком долго ждать на позиции. Слуг нужно прикончить одновременно, иначе уцелевший успеет поднять тревогу. И Хасан, наверняка, уже там. Он очень быстрый. Заноза за ним до сих пор не успевал, хоть и научился тому же дайну. Научиться мало. У Хасана практики восемьдесят лет, а у него – четырнадцать.

Дом от парка отделяла засыпанная гравием площадка. Вплотную не подойти – гравий, хрустящий под подошвами, привлечет внимание и Слуг, и вампиров. Окна первого этажа – сплошное стекло от пола, до потолка – были занавешены. Если кто-нибудь бродит там, внутри, если шторы неплотные, одного взгляда в окно хватит, чтоб увидеть их с Эшивой, бегущих по лужайке. Мимо этих долбанных окон, заменяющих тут стену.

– Два вампира на втором этаже, – прошептала Эшива. – На первом пусто. Подвал не вижу.

– Вперед!

Они бок о бок понеслись по траве, по границе с гравийной площадкой. Отражение Эшивы перепрыгивало со стекла на стекло.

Угол дома. Крыльцо с колоннадой. Оба Слуги видны в полный рост.

Отлично!

Один прогуливался по подъездной дорожке. Второй стоял, прислонившись к колонне, курил. Дурь курил, между прочим. Заноза тут же захотел попробовать его крови. Так сильно, что аж скулы свело.

Гадство! Поганое, гадское гадство!

– На месте, – доложил он.

– Огонь! – скомандовал Хасан.

Заноза не пожалел трех пуль. Он ничего не имел против наркоманов, но не тогда, когда из-за них его накрывала абстиненция. Scheiße, больше года прошло! Сколько еще это будет возвращаться?

Мозги его цели разбрызгало по колонне. Обезглавленное тело сползло вниз, оставляя на светлом мраморе темный след. Некрасиво. Но курить на посту – тоже не очень-то. Слугу, в которого выстрелил Хасан, отбросило к крыльцу. Вот и все. Теперь Турок идет в дом, а их задача спрятать трупы...

Заноза увидел, как тела становятся прозрачными. Не понял. Поморгал. Это свет шутит шутки? Или это какая-то подстава Хольгера? Слуги были обманкой?

Хасан изумленно выругался на турецком. Клык на рельсу, он подумал о том же. Они влетели в засаду, и не успеют спасти детей.

– Ну, похвали меня, – капризно прошептала Эшива, – разве я не здорово придумала сделать их невидимками?

Заноза прикусил язык, чтоб не похвалить ее такими словами, которые не говорят при леди.

– Отлично придумала, – выдавил он. – Круто. Но в следующий раз, если тебя что-нибудь такое осенит, предупреждай заранее, ок?

– В следующий раз, – шепот Хасана походил на змеиное шипение, – я ее разделаю на органы. И продам. Стойте там. Без команды ни шагу!

Заноза умел быть дисциплинированным. Эшива – в бою – и подавно. Инициативу она проявляла редко, и обычно все-таки предупреждала, если собиралась предпринять что-нибудь, не предусмотренное в планах. Но не всегда. Иногда на предупреждение просто не хватало времени.

Сейчас они послушно ждали команды, затаившись в жиденьком кустарнике в полусотне метров от дома. Вампиров Эшива разглядела с той стороны, где окна выходили на парк. Значит, предстояло пройти дом насквозь. На всех окнах сигнализация, на ее отключение понадобится время, поэтому, лучше идти с первого этажа – сигнализацию на входных дверях включают

лишь с рассветом. Слуг у Хольгера было всего пять, и теперь тревогу поднять некому, но если добираться до голландца слишком долго, есть риск на шуметь так, что он встревожится сам. Хорошо, если встревожится и разозлится, полезет в драку. А если испугается и сбежит?

– Вперед! – приказал Хасан. – Приглашаю тебя в дом, входи, входи, давай, только быстро. Чертов «порог», будь он трижды неладен, и все тупые суеверия тоже!

Заноза закинул Эшиву на плечо – она ахнула, но, скорее, из приличия, чем от неожиданности – в три прыжка пересек гравийную площадку. Перемахнул бассейн, взлетел на крыльцо, толкнул дверь и поставил индианку на пол уже в холле.

– Люблю, когда ты так делаешь! – Эшива быстро огляделась. – Я их не вижу, слишком толстые стены.

– Пойдем.

Парадной лестницей они пренебрегли. Все равно одно название, что парадная. Не такой уж большой этот Крестовник, чтоб позволить себе лестницу для господ, как-то принципиально отличающуюся от лестниц для прислуги. А, между прочим, Слуга, который курил дурь, должен был сидеть на камерах. Следить за мониторами видеонаблюдения. С фига ли его на улицу понесло? Надо думать, сигарета была не первая. Наркотики – прямая дорога к нарушению правил внутреннего распорядка. И внешнего. И вообще любых...

Снова захотелось глотнуть отравленной крови. Заноза досадливо фыркнул.

– Вон они! – едва оказавшись на верхней площадке, куда сходились двери нескольких залов, Эшива ткнула пальцем в одну.

Она видела сквозь дверь вампиров. Заноза – в воображении – фотографию зала. Это библиотека. Надо быть осторожнее. Последнее посещение чужой библиотеки закончилось пожаром. Большим пожаром. Он не любил читать, но книжек все равно было жаль.

До двери пятнадцать шагов. Один раз армированные подошвы цокнули по мрамору, но это было уже не важно. Заноза распахнул дверь библиотеки.

Хольгер сидел с ноутбуком в кресле у окна, Виолет с журналом лежала на кушетке... Красивая дама. В реальности еще красивей, чем на фотографиях и видеозаписях.

– Убей еду! – приказал Хольгер. И исчез.

Заноза всадил три пули в стекло на уровне его головы – со звоном брызнули осколки, сработали датчики сигнализации. Puta madre! Тупой придурок с тупыми рефлексам! Сам разбил для ублюдка стекло, дал возможность сбежать, не выдав себя.

Виолет сорвалась с кушетки, метнулась к дверям. Пусть. Хольгер приказал ей убить детей. С детьми Хасан, там все будет в порядке. Нужно найти голландца.

– Уилл, я его не вижу, – Эшива на Виолет вообще внимания не обратила. Знала, какая из целей важнее. Ну, и чьей крови больше хочет, тоже, конечно, знала. – Он уже слишком далеко.

Хольгер... Saukerl! Какого черта?! В твой дом вламываются два оборзевших панка, а ты, вместо того, чтоб вышвырнуть их вон, убегаешь сам? Кто так делает?!

Сволочь трусливая! Бессмысленная, тупая свинья!

И ведь обидно, что свинья не тупая. Свинья очень даже умная. Хольгер знал, кто они. Не мог не знать. Алаатир полон панкующих упырей, и среди них хватает блондинов, но только один – с восьмисотлетней кровью. И у этого одного плохая репутация. Заноза на месте голландца дрался бы. Но вся драка свелась бы к двенадцати пулям в голову. То есть, он, на месте Хольгера, получил бы эти двенадцать пуль, а потом его кровь забрал бы Хасан.

Стоит оно того, чтоб сражаться? Убежать, по-любому лучше и умнее.

* * *

Хасан оставался под прикрытием «тумана», когда обездвижил двоих най, игравших на телевизионной приставке. Они и не поняли, что произошло. Может быть, примут кошмары

мертвого паралича за эту игру, с колдунами и чудовищами, и им будет не так страшно. Ладно, все равно паралич ненадолго и только для того, чтобы они не мешали. Плохо, что най было трое, а не двое. Третья сидела на кровати в отгороженной ширмами спальне и тихо плакала.

Светло-рыжая, веснушчатая, с белой, прозрачной кожей. Глаза не покраснели от слез. Теперь эта девочка может плакать, не боясь показаться некрасивой – в ее капиллярах больше нет крови.

И лучше бы ей было умереть.

Но даже Заноза не убедит ее отца в том, что девочку убили уже после смерти. Старый Лис Алахди должен сам увидеть, что случилось с его дочерью. Должен убедиться, что в ней кровь Хольгера или Виолет, а не кого-то из упырей Алаатира.

Сейчас она безоружна и не опасна. Пусть плачет. Что ей еще остается?

В наушнике послышались три тихих хлопка. Заноза стреляет. В кого? Почему три пули? Вампиру этого мало, живому много. Нашел еще одного Слугу-наркомана? Нет, Слуг в доме пять.

Хасан оставил девочку, вернулся к дверям.

Долго ждать не пришлось – в подвал, как язык рыжего пламени влетела красавица-Виолет, с пистолетом в руке, и Хасан ей эту руку отрубил. Пнул упырицу в живот. Охнув, Виолет сложилась пополам. Отлетела в угол. Хасан готов был выстрелить в нее – двенадцать пуль в голову, безотказный способ обездвигнуть любого вампира. Но не понадобилось. Виолет упала на пол, сжав пальцами обрубок, как будто боялась, что из вен хлынет кровь, и уставилась на Хасана огромными, перепуганными глазами.

– Мне же больно! – в голосе ее были слезы. – Что вы сделали?!

– Я тебя обезвредил, – ответил Хасан. Сунул пистолет в кобуру, подобрал с пола оружие Виолет. – Руку можешь забрать. Медленно. Дернешься, отрублю голову.

Виолет кивнула. Свет ламп преломлялся в ее глазах, превращая радужку из зеленой в ярко-изумрудную. Медленно и осторожно рыжая вампирша поползла к отрубленной руке. Схватила ее, приставила обратно. Да так и осталась сидеть, ожидая, пока срастутся ткани и кости.

Да уж... Красивая, но смотреть противно. Эшива бы уже дайнами массового поражения во все стороны кидалась, или хоть прыгнула бы, чтоб горло когтями вырвать.

Загремели по камню подбитые титаном ботинки, вновь распахнулась дверь. Заноза, шипя и фыркая от злости, как кот, свалившийся в бассейн, поглядел на Виолет, на Хасана, оглянулся на подросшую Эшиву. Ему очень хотелось ругаться. Ему хотелось ругаться сильнее, чем выпить крови с наркотиками. Бедный мальчик. Ни того, ни другого нельзя.

– Что смешного? – синие злющие глаза уставились на Хасана.

– Кроме тебя – ничего, – ответил тот честно. – Кто-то дал афат девочке.

– Это Август заставил, – всхлипнула Виолет, – мальчиков... тут два мальчика... – она огляделась, только сейчас увидела два тела, лежащие под диваном у телевизора. – Вон те. Август велел им. Кидали жребий. Афат дал светленький. Я не помню, как их зовут.

По мнению Хасана «светленькими» были оба. Брюнетом он ни одного бы не назвал. Да какая разница, кто именно убил дочь Старого Лиса? В любом случае, это сделал Хольгер.

– Он сбежал, – Заноза сунул руки в карманы, – Хольгер сбежал. Я не успел выстрелить.

– На нее отвлекся? – Хасан кивнул на Виолет.

– Нет. Иначе б я ее прибил. Со злости. Он просто сбежал. Кровь потратил и смылся.

– Ладно. Найдем. Дети там, за перегородкой, в клетках. Восемнадцать живых. Им врач нужен, но сначала поговори с ними. Чтобы никогда, никому ни слова правды. Ну, сам знаешь. Эшива, присмотри за дамочкой. Заноза, закончишь с детьми – иди к девочке. Приведи ее в чувство хоть немного, пока она на слезы не изошла.

Нужно было сгрузить в машину парализованных най. Вызвать полицию, чтоб увезти детей. О том, чтобы представить нападение на Крестовник, как ограбление или разборки между бандами, и о том, чтобы состряпать удобоваримую историю про похищение и спасение подростков пусть заботятся сами копы. Они умеют.

Слишком много живых оказалось втянуто в это дело, вот что плохо. И тем нужнее сейчас договор с Алахди. Венаторы умеют наводить тень на плетень так, как полиции и не снилось. А без тени, густой тени, такой же основательной и убедительной, как фокусы Эшивы, уже не обойтись.

* * *

С подростками обошлось без проблем. Дайны работают тем лучше, чем больше людей накрывают. Ну, или нелюдей. Это без разницы. Цепная реакция. К тому же, эмоции усиливаются в прогрессии. Не говоря уж о том, что все восемнадцать сразу поняли, что их пришли спасать. А это немало способствует установлению симпатии.

Выпускать их из клеток Заноза не стал – знал, что под влиянием дайна девчонки кинутся обниматься, да и от парней ничего хорошего ждать не придется. А он, каким бы ни был эмпатом, как бы хорошо не относился к тем, кто хорошо относился к нему, прикосновений не выносил. Поэтому сослался на то, что открыть замки может только его напарник.

Хасан понес в машину парализованных най. Вот тоже еще морока, будто Тидемана мало было... Заноза знал, что Турок предпочел бы сцедить у упырят кровь, а оставшееся сжечь. Может, лучше так и сделать? В каждом из них по десять кварт четырехсотлетней крови, и в чистом виде она полезней, чем два юных, ни на что не годных вампира.

Но, с другой стороны, два вампира со старой кровью, которых можно приручить и обучить – хорошее подспорье для der Schlitzohren.

Все надо очень хорошо обдумать. И обсудить с Хасаном. Сначала закончить здесь, потом отвезти домой Эшиву, а уже потом – строить планы на чужих най.

Он рассказывал детям, кого из них и как искали, и что писали в объявлениях родители, когда услышал тихий вздох Виолет.

Вампиры не дышат.

Вампиры не дышат... но они издают звуки, когда им так хорошо, что невозможно молчать.

Заноза вылетел из-за выгородки с клетками. Увидел обеих вампирш. Ближе друг к другу, чем нужно. Ближе, чем можно. Эшива «целовала» Виолет. Старая кровь оказалась слишком большим соблазном, а рыжая, конечно, не смогла отбиться. Если Эшива чего-то по-настоящему захочет, от нее спасения нет.

Да что ж за ночь сегодня?! Сначала Хольгер, потом Соня, теперь – эти две...

Он зарычал. Полностью вложился в дайн. Вся злость, вся досада на себя, вся боль не отступающей абстиненции – все превратилось в чары, в чистый не рассуждающий ужас. Заноза его даже увидел – этот смертный страх, парализующий тело, отнимающий разум. Увидел почему-то как ярко-синий сапфир, размером с теннисный мяч. И этот сапфир он с размаху отправил в голову Эшиве.

Прямо в мозги.

Ну, а что еще с ней делать? Не бить же!

Виолет отлетела в одну сторону, Эшива отпрыгнула в другую. Заноза выдавил улыбку, пытаясь сменить вектор эмоционального воздействия. Пугать больше было не нужно. Теперь достучаться бы до разума. Через жажду крови. Если не получится, то бить все-таки придется. Но как? Инерцию собственного дайна он ощущал, как грузовик на скользкой дороге. Спровоцированная злость, не настоящая ярость, выдуманная боль – искусственные чувства, созданные лишь для того, чтобы вызвать ужас, поддавались управлению легче, чем настоящие. Но все

равно уходили слишком медленно. А Эшива своими не управляла. И она чувствовала голод. Смертельный страх и невыносимый голод. Голод мог оказаться сильнее страха, и тогда... что с ней делать? Рубить нельзя. Стрелять тоже. Обидится. Просто бить – без толку.

Что сделал бы Хасан? Ох, нет! Он сейчас вернется, а тут Виолет с меткой и Эшива, и... он же просто отмахнет им головы. Обеим. И Виолет потом вернет, а Эшиве точно нет. Черт-черт-черт, что же делать?!

– Ты чего?! – Эшива тряхнула головой. – Я же немножко.

– Она немножко, – подтвердила Виолет, еще не отошедшая от эйфории «поцелуя».

В нее почему-то захотелось выстрелить. В Эшиву не хотелось, а в эту... Руки сами потянулись к пистолетам. Не понимает, что ли, что даже если б сейчас «поцелуй» и не затянулся до смерти, то метку-то уже не убрать? Метка продержится не меньше месяца. А за этот месяц Эшива, с ее целеустремленностью, найдет Виолет раз пятнадцать. Хватит, впрочем, и одного. Сколько бы ни было в рыжей крови, Эшива способна выпить все за один «поцелуй». И выпьет. Как только представится случай.

Единственного их свидетеля. Единственного, кто знает, где искать Хольгера в Голландии, знает его привычки, дайны, особенности. Может помочь найти его и убить.

Как ее теперь убеждать, эту Венеру? Раньше можно было хоть безопасность пообещать.

– Твое счастье, что вас застал я, а не Хасан.

– Ой, да ладно, Уилл, – Эшива с очаровательным легкомыслием махнула рукой, – ты бы его уговорил. Мы это уже проходили.

Проходили. Заноза почувствовал, как гаснет злость, попытался ее удержать, разозлиться хоть на что-нибудь. На Хольгера, на Виолет, на себя – за то, что упустил художника. Нет. Ничего уже не выйдет. Эшива напомнила о том, о чем лучше было бы навсегда забыть.

Тогда он уговорил Хасана отдать ей старого вампира. Если б знал, что выбирает между Эшивой и Турком, принял бы сторону Турка. А так – все закончилось плохо, и обратно хорошо стало только чудом. Тоже, между прочим, ничего хорошего, потому что чудеса необъяснимы, а необъяснимое слишком близко к бессмысленному.

Открылась дверь. Хасан с порога оглядел их троих. Буркнул по-турецки что-то неразборчивое. Метку на Виолет он, конечно, увидел. Но разозлился не настолько сильно, чтобы прямо сейчас сделать с Эшивой что-нибудь, от чего ее пришлось бы защищать.

Почему? Да какая разница? На волне воспоминаний, защищать ее от Хасана Заноза не стал бы. Одного раза, одной удачной попытки, хватило навсегда.

– Ни на минуту оставить нельзя, – Турок покачал головой. – Что там с детьми?

– Ждут, пока ты их выпустишь. Пока на эмоциях – чувствуют себя здоровыми. Но через парк вряд ли пройдут, автобус к крыльцу нужен.

– И тебя им лучше не показывать, чтобы не хватали руками, – Хасан снова скользнул взглядом по Эшиве, по Виолет, до которой, кажется, начало, наконец, доходить, как она влипла. Посмотрел на него и кивнул: – молодец. Все хорошо сделал. Теперь вылезай из-под плинтуса. Куда я без тебя? Детей восемнадцать человек, упырица в истерике, и эти две еще... курицы. С копами тоже лучше тебе пообщаться, сам знаешь. – Он поразмыслил секунду и добавил: – по дороге домой заедем куда-нибудь. Где в пять утра можно купить для собаки игрушки и все остальное?

– Блин, чувак, – Заноза даже не пытался остаться серьезным. Улыбка сама растянула губы, чуть не до ушей. – Я тебя люблю.

– С этим к девочкам. Иди, приведи в чувство мисс Хамфри.

* * *

Сколько же слез может поместиться в одной мертвой девочке? Соня Хамфри плакала, плакала и плакала. Не кровью. Ей дали афат, но так и не накормили, она была голодна,

испугана, потеряна, но все еще не стала вампиром. Настоящим – не стала. Никуда, конечно, не денется, нельзя терпеть голод вечно, но Заноза помнил себя в первые часы после афата, помнил, что кроме невыносимого голода и невыносимой любви к ратуну, не было вообще никаких чувств. Если б ратун приказал – он бы чувствовал голод вечно и был счастлив этим. Но он не боялся. Он не понимал, что с ним произошло, не знал, о чем жалеть, не думал о будущем. Бессмысленная, влюбленная, голодная тварь.

Вампиры не очень-то охотно вспоминают себя сразу после афата, и еще меньше любят делиться этими воспоминаниями, но голод – чувство общее для всех. Голод и любовь к ратуну. У кого-то, возможно, есть и другие чувства, многое зависит от обстоятельств. Но никто из тех, кого знал Заноза, не удержался бы от соблазна, когда рядом – в десятке шагов – восемнадцать беспомощных живых, полных горячей крови.

У мисс Хамфри то ли афат прошел иначе, то ли она сама была другой. Дочь венатора, может, в этом дело?

Только вот что ей сказать? Она плачет так горько, потому что осознает себя, и боится. Понимает, что превратилась в чудовище. Понимает, что уже не станет человеком. Слов – убедительных и честных – которые могли бы показать ей, что не все безнадежно-плохо, просто нет. Потому что все безнадежно-плохо. Это ратун должен объяснять, в чем преимущества посмертия вампира. Ратуну веришь. Любишь его и веришь во все, что он скажет, и делаешь все, что он велит. Быть с ним становится смыслом жизни, и только он решает, какой она будет, эта жизнь.

Сделать так, чтобы мисс Хамфри полюбила его как ратуна и так же ему поверила, Заноза мог. Даже в таком паршивом настроении как сейчас, на одно-то использование дайнов его хватило бы. Спасибо Хасану. Но рассказывать этой девочке, сопротивляющейся своему голоду, о том, что быть мертвым монстром лучше, чем живым подростком – язык не повернется. Лучше, да. Для мертвого монстра. А она пока – подросток. Убитый, но не умерший. Это почти то же, что живой.

– Привет, – сказал он, чтобы начать хоть с чего-то.

Соня подняла на него взгляд. Слезы так и текли из ее глаз. Струились по щекам, капали на джинсы. Но горечь и страх начали таять, как кусочки льда в кипятке. Появилось любопытство. И приязнь. Чувства такие неуместные сейчас, что они показались извращенными.

Что он делает? Как он это делает? Нельзя так ни с мертвыми, ни с живыми!

– Ты плачь и дальше, если хочешь, – Заноза подвинул к кровати табуретку, и сел, – но пока плачешь, подумай. Наверняка, есть что-то, чего ты не знаешь о вампирах. А твой отец знает все. Если выход есть, он его найдет.

– Мой отец? – она шмыгнула носом. – Они с мамой давно в разводе. Какие вампиры? Он же нормальный. У меня нормальный папа, нормальная мама, они не верят... и я... – слезы потекли с новой силой, – не ве-ерю.

Новый приступ горьких рыданий. Ок. Надо подождать. Он сам ей разрешил плакать. Сказал бы «не плачь», она бы перестала, но это уж точно насилие.

– Я думаю, ты удивишься, – пообещал Заноза, дождавшись паузы.

Сработало. Так же извращенно, как интерес и дружелюбие, пригасившие безнадежный страх, но сработало.

– Я чего-то не знаю про отца? – спросила Соня.

– Многого не знаешь, как я погляжу. Он специалист по вампирам.

– Нет, – она судорожно вздохнула, но не заплакала. – Он просто ученый. Ездит с лекциями. И изучает даже не мифы. Даже не историю.

– А что?

– Коран. Папа мусульманин. Правда, такой же, как мы с мамой – христиане. Никакой. У тебя платок есть?

– Конечно.

Соня вытерла глаза. Вытерла щеки и нос. Сдавленным голосом сообщила:

– Когда плачешь, всегда насморк. А теперь – нет. Это потому что я...?

– Да. Но ты отлично держишься. Ты не такая как другие. Сколько часов прошло от афата?

Недоумение в светлых глазах. Новый укол страха от незнакомого слова, от того, что осознание неотвратимости случившегося вот-вот навалится снова.

– Как давно тот парень дал тебе свою кровь? – переспросил Заноза. – Сколько часов назад? Ты спала после этого?

– Нет. Вампиры же не спят. Два дня прошло. Я очень хочу есть, – добавила Соня шепотом, как будто голос вдруг изменил ей, – но я не буду. Ни за что. Если я смогу не есть три дня, или семь, или девять... или сорок дней, – теперь она смотрела с надеждой, – это пройдет? Или я просто умру и больше не... оживу? Не буду такой? Я бы лучше умерла!

Только что придумала себе суеверие, перемешав все христианские сказки. Вот сию секунду ведь. Прямо у него на глазах. А уже приободрилась, словно придумать было достаточно, чтоб и поверить, и даже убедиться, что так все и будет. Не три дня, так семь. Не семь, так девять. А если и девять дней не помогут, то через сорок она точно умрет, и уже не поднимется.

Умрет она раньше. Если и правда не будет есть. И это хороший выход. Только позволит ли Старый Лис? Отпустит ли? Дочка, все-таки. Венаторы, наверняка, знают много способов превратить вампира обратно в человека. Еще они знают, что эти способы не работают, иначе лечили бы вампиров, а не убивали.

Хотя, нет. Они как нацисты. Убивают, чтоб на Земле не осталось никого, не похожего на них.

Хасан сказал, что Алахди не такой, но он это сказал потому, что сам мусульманин. Надеется найти общий язык с единоверцем. Думает, что если у Старого Лиса достало ума объединиться с христианами, понять, что Бог один для всех, и эффективно использовать это понимание для борьбы с вампирами, то с ним можно договориться.

Хасан, он... редко ошибается. А Бог – один. Если Он, вообще, есть. Потому что и крест, и Маген Давид¹⁰, и полумесяц, звезда и мечеть – все вызывает одинаково сильную головную боль, режет глаза и, если прикоснешься, обжигает даже через перчатки. А мезузы на каждой двери в каком-нибудь иудейском доме бесят чуть не больше, чем «порог». Если Хасан прав, венаторы Алаатира не превратятся в союзников, но перестанут быть смертельными врагами.

Каким образом то, что Бог – один, означает, что Хасан прав?

Алахди убивает вампиров. Он убьет свою дочь? Позволит ей умереть? Или будет спасать, попытается оживить, снова сделать человеком?

Слишком много мыслей. Это опасно. В мыслях можно потеряться, а Турку сейчас не до того, чтоб еще и его возвращать в реальность.

– Днем не спишь, – Заноза понял, что Соня ожидает его ответа, – кровь не пьешь, на людей не кидаешься. Ты особенная. И отец у тебя особенный. А на него работает целая команда спецов, которые на вампирах собаку съели. Я думал, что ж тебе хорошего сказать – ничего, из того, что мне говорили, или другим вампирам, в твоём случае не подходит. Ну, так вот, отца ты теперь точно узнаешь лучше.

– А так всю жизнь прожила бы, и не знала, кто он? И он бы мне врал всю жизнь, да? И мне, и маме? Девятнадцать лет врал, и дальше бы продолжал?

Возразить он не успел, она сама помотала головой:

– Раньше я бы так и подумала, если б оказалось, что он изучает вампиров, а не Коран. Но это так страшно – это все. То, что здесь. То, что со мной. Он знал. И ничего нам не сказал. Он нас защищал. Я сама маме про этот ужас – никогда! Пусть она думает, что... Пусть похо-

¹⁰ Мген Давид «могендовид» на идиш. Эмблема в форме шестиконечной звезды, в которой два равносторонних треугольника наложены друг на друга.

ронит меня. Пусть папа ее и дальше обманывает. Ты не врешь? Про него? Я не останусь одна, правда? Даже если нет способа, даже если придется умереть, папа будет со мной?

В чем Хасан точно был прав, так это в том, что они обязаны были вернуть девочку отцу. Пусть даже, тот попытается их убить. Пусть даже его придется прикончить, и тогда Соню ждет одиночество, которого она так боится.

– Он тебя ищет, – сказал Заноза вслух. – Считай, нашел. Уедем отсюда – позвонишь ему. Ты как? Готова ехать? Сначала к нам в контору, там есть, где передневать. А завтра ночью, если все сложится, мы тебя отвезем к отцу. Сегодня уже не успеем – рассвет на подходе.

– Ты сильно скучаешь по солнцу?

– Нет. – Он подумал над ответом, и понял, что сказал правду: – вообще не скучаю. Я скучаю по осени в октябре. Ночью не видно красок, а мне бы хотелось увидеть свой парк красным и золотым.

– Здесь такого не бывает, – Соня попыталась встать, но ноги не держали. Двухсуточная голодовка после афата, понятно, что сил у нее не было. Нужно либо поесть, либо терпеть и позволять носить себя на руках. – Здесь всегда все зеленое. И цветы. Никакой осени, ни в октябре, ни в ноябре, никогда. Значит, я ничего не потеряю. Я позвоню папе прямо сегодня, ладно? Раз уж все равно не сплю. Я не скажу, куда вы меня привезли. Просто хочу знать, что он... не Коран изучает.

– Что ты не останешься одна. Я понял. Думаю, Хасан разрешит позвонить.

Мысли по-прежнему путались, эмоции плясали джигу, управлять дайном почти не получалось и воздействие грозило выйти из-под контроля. Зачаровать эту девочку навсегда, чтобы даже не вспоминала про одиночество. Чтобы знала, что есть другие. Ну, да. И чтобы ее отец, обнаружив чары, решил, что упыри подослали к венаторам резидента.

Вампиры не бывают одиночками. Не у всех есть стаи, но у всех есть друзья, должники, кредиторы. Без этого не выжить. Значит, Соня станет первым в мире полностью одиноким вампиром. Она любит отца. Может, все-таки, не зря?

Глава 7

*никто из них не ведает греха,
и потому животные и дети
любую глупость видят в верном свете
и знают: жизнь не так уж и плоха.
Мария Макина*

Четырехчасовой перелет до Владивостока. Мартин скучал. Читать не хотелось, фильмотека была старая, а рисовать – нельзя. Незачем удивлять сослуживцев внезапно появившимися способностями. Человек, занимавший это тело до него, рисовать не умел. Хотя мог бы, если бы поучился. Талантливый был парень.

Мартин не отпустил его душу. Не хотел, чтоб тот Мартин, настоящий, попал в какое-нибудь плохое место, уготованное самоубийцам. Так что сначала их личности конфликтовали, потом научились взаимодействовать, а теперь он уже и сам не смог бы сказать, где заканчивается человек и начинается демон. Это было не так уж плохо, за исключением того, что жизнь Мартина-человека он стал считать своей, и все проблемы принял как собственные, а ведь эти проблемы до самоубийства и довели.

Телефон засигналил как раз вовремя. Отвлек от мыслей. Звонил Заноза, и Мартин уже собирался спросить, который час и которое число на Тарвуде, чтоб из Владивостока уйти на остров минут через десять после звонка, как выяснилось, что упырь звонит из дома. Со своей Земли. И по очень странному делу.

– У меня тут вампирша, которую нужно спрятать, – сообщил он сразу после того, как поздоровался. – Очень хорошо спрятать. Она важный свидетель. А говорить... отказывается.

Пауза была полна эмоций. Если, ориентируясь на интонации, представить лицо Занозы, его взгляд, мимику, очень легко услышать произнесенные ругательства. То ли у него там поблизости дамы, то ли эта самая вампирша, которая отказывается говорить.

– Ты ее не можешь зачаровать? – удивился Мартин.

– Могу. Но спрятать ее все равно нужно. Иначе съедят. Мартин, если ты позволишь, я бы ее увел на Тарвуд. На месяц. Пока не исчезнет метка, по которой ее могут найти.

– Да приводи, конечно!

Ага. Сначала сказал, потом задумался. А почему Заноза, вообще, спросил разрешения? Потому что считает Тарвуд его территорией? Считает его самого хищником, а остров – охотничьими угодьями? Или это с вампиршей что-то не так?

– Еще раз, – Заноза, кажется, улыбнулся. – Все обдумай и скажи это еще раз.

– С ней что-то не то?

Мартин сказал бы еще раз. Дайны, которые Заноза называл дайнами власти, на него не действовали, но отказывать упырю все равно было трудно. Однако Заноза сам предложил подумать. А значит, подумать стоит.

– Сейчас кажется, что с ней порядок, но два часа назад она готова была убить восемнадцать несовершеннолетних, и, кроме того, имеет привычку заедать жертв до смерти.

– Если это означает, что она будет разбивать бутылочки из-под крови, то привычка не кажется страшной. Ты сможешь ей объяснить, что на Тарвуде нельзя охотиться? У вас же есть какие-то правила? Например, скажи ей, что это твои люди. Или – мои. Она боится демонов?

– Угу. Демонов боится. Вас все боятся. Значит, я могу ссылаться на тебя?

– Так тебе это было нужно? Страшный демон Мартин, у которого все люди на Тарвуде сосчитаны?

– Мне нужно было твое разрешение притащить на твой остров неадекватную хищную тварь.

– Я слышал, – заметил Мартин нейтрально, надеясь на то, что Заноза не поймет, каких трудов ему стоит не улыбаться, – ты притащил своему Хасану гигантскую собаку-людоеда? И как? Принял он подарок?

– Да, конечно!

В голосе такая уверенность, что Хасану можно лишь посочувствовать. И себе заодно.

– Ну, уж если он взял собаку навсегда, то я, так и быть, возьму вампиршу на месяц.

– Под мою ответственность, Мартин. Если она все-таки кого-нибудь сожрет, будем считать, что это я сделал.

– Нет, не будем. С тебя я сам ничего спросить не смогу, и Калимме не отдам. Так что если твоя вампирша убьет кого-нибудь, она сама за это и ответит. В ее интересах вести себя хорошо.

– Ок. Как скажешь. Ее зовут Виолет дю Порслейн. Кажется, она художник. Она говорит, что художник. Но, по-моему, типичная модель. В общем, спасибо.

– Да не за что. Приводи ее вечером в «Сид».

– Нет, лучше ты приходи в таверну. Не хочу, чтоб Лэа думала, будто я знакомлю тебя с красивыми, мертвыми дамами. У меня тут детский сад в зоопарке, детки в клетках, и некормленные хищники, так что отбой.

– До вечера.

Мартин сунул телефон в карман. Увидел устремленные на него с соседних кресел любопытные взгляды сослуживцев. Он говорил по-итальянски, а в группе понимали японский, суахили и английский – то, что для работы нужно. Но за десять лет совместной работы итальянский, на уровне разговорника, выучили все. Куда деваться, если и прежний Мартин, и он сам нередко перескакивали с русского на родной язык?

– Сценарист, – объяснил Мартин коротко. – Пишет для сериала про нечистую силу. Консультируется.

После того, как он раскрыл дело семьи Лопариных, он считался знатоком в вопросах суеверий и колдовства. Так что объяснение приняли без вопросов. Мартин якшался с богемой, был завсегдатаем в «Нандо», его родители жили в особняке в Центральном округе. Кому, как не ему, дружить со всякими там сценаристами? И консультировать их. Притом, наверняка, бесплатно.

Мда. Лучше б, конечно, так оно и было. Никакой нечисти, никаких вампиров. Никаких проблем.

Но без вампиров не было бы и Занозы.

Вот всегда так. Нет проблем – нет Занозы. Есть Заноза – и проблемы неизбежны. Выбор, впрочем, очевиден.

Заноза рассказывал, что вампиры боятся демонов. По-настоящему. И за безопасность жителей Тарвуда Мартин не слишком беспокоился. Даже самые невменяемые и хищные твари понимают свое место, столкнувшись с более сильным хищником. Надо будет просто познакомиться с госпожой дю Порслейн, этого хватит, чтобы она не нарушала правила.

* * *

– Мне нужно собрать вещи! – Виолет смотрела сверху вниз, с высоты своего немаленького роста. Зеленые глаза сверкали. – Вы что хотите, чтобы я уходила неизвестно куда в чем есть? Вот в этом?

«Это» было элегантным и дорогим домашним брючным костюмом. Правда, правый рукав обрезан по локоть – руку-то Хасан вместе с рукавом рубил, а одежда, в отличие от плоти, сама обратно не срастается. Обрезанный рукав вида не портил, но уходить в чем есть в неизвестность на месяц Виолет отказывалась.

Заноза понимал желание скрыться за закрытой дверью, собраться в одиночестве. В конце концов, у женщин есть много вещей, которые посторонним мужчинам видеть не положено. И он знал, что Виолет не собирается сбежать. На ней метка Эшивы, для нее единственное спасение сейчас – держаться как можно ближе к нему. Еще лучше – к Хасану, но к Хасану она точно не хотела приближаться. В общем, он бы ее отпустил. Пусть соберется и возвращается. Но Хасан сказал об этом даже не думать. И пришлось идти вместе с Виолет на второй этаж, торчать в дверях ее гардероба, старательно отводя взгляд от всяких кружевных и прозрачных штук, которые она нервно бросала в чемодан.

Черные очки спасали, иначе б Заноза вообще не знал, куда глаза девать.

– Герр Сплиттер, – заговорила она вдруг, – если в том месте, куда вы меня уведете, действительно, безопасно, и если я смогу прожить там месяц, я не буду ждать, пока метка исчезнет, и расскажу вам о своем ратуне все, что знаю.

Теперь голос Виолет был мягче, чем когда она настаивала на том, чтобы собрать вещи, и на том, что хочет делать это одна. Но все равно звучал требовательно. Более требовательно, чем нужно, чтобы произвести хорошее впечатление.

Однако она старалась. Неизвестно почему стала думать о нем лучше, и теперь хотела сказать что-нибудь, чтоб сгладить собственное упрямство.

Не рассказывать о Хольгере было, между прочим, разумно. Не рассказывать о нем, пока держится метка, и пока безопасность могут обеспечить лишь те, кто заинтересован в информации. А все равно казалось, что Виолет упирается не из разумных соображений, а из природной стержовности. В голосе ее, что ли, дело? В привычке приказывать, а не просить, требовать, а не договариваться, слышимой в каждом слове. Не надо о ней думать, об этой женщине, какой бы красивой она ни была. Ей остался месяц. Тот самый месяц, который Заноза ей и обещал. Она думает, что переждет в безопасном месте, пока не пропадет метка Эшивы, а потом вернется к привычному существованию, и уже не позволит Эшиве себя найти. Но безопасное место принадлежит демону, а демон – друг Занозы, и ни один вампир на Земле, никто, кроме Хасана, не должен об этом знать. За контакты с демонами наказание одно – окончательная смерть. Смерть для него, смерть для Хасана, потому что их связь очевидна. Смерть для Эшивы по той же причине. И еще для многих, кого он называет друзьями, и кто считает другом его.

Лучше уж убить одну Виолет дю Порслейн, которая будет знать про демона, чем подвергнуть риску существование стольких вампиров. Разве что, она захочет навсегда остаться на Тарвуде.

Заноза озадачился: почему ему сразу такая мысль в голову не пришла? Ну, конечно же, Виолет предпочтет остаться на острове! Даже согласится вечно питаться холодной кровью из бутылок, лишь бы уцелеть.

Сразу стало легче. А мысль не пришла потому, что про убийство сказал Хасан. Когда Хасан говорит, что нужно кого-то убить, убить насовсем, это звучит как приговор. Не подлежит обжалованию. И не подразумевает альтернатив. Таков уж Турок.

Заноза любил его и за это тоже.

Когда на полу гардеробной засветился белым порталный круг, Виолет изумленно посмотрела на этот свет, потом обернулась:

– Герр Сплиттер, что это?

– Способ быстро добраться до места, – ответил Заноза. Взял чемоданы, кивнул на портал: – прошу вас.

– Вы что, некромант?

Так. Либо репутация некромантов сильно преувеличена, либо он чего-то не знает об их возможностях.

– Некроманты уходят на Серые пути и возвращаются туда же, откуда ушли, – сказал он вслух. – Мы с вами пойдем в другое место. И сюда не вернемся. Мисс дю Порслейн, у нас мало времени.

Он открыл портал в свою комнату в таверне. В ванную, разумеется. Берана обещала следить за тем, чтобы ставни днем всегда были закрыты, а шторы задернуты, но недолго протянет тот вампир, который верит обещаниям живых.

Сегодня, правда, из-под двери не просачивалось ни единого лучика света. Значит, в комнате было темно и безопасно. Заноза открыл перед Виолет двери ванной... и едва успел отступить, когда вампириша свалилась на пол. Чуть не подхватил ее. Надо же, больше ста лет прошло, а инстинкты не вытравились. Вот так и ловят тупых упырей разные хитрые упыриши. Одно прикосновение, и все, мозги под контролем. Кстати, судя по интонациям и манерам, дайны Виолет были как раз из таких. Дайны принуждения – грубые, быстрые, травматичные. Одно-разовые. И на него не подействовали бы, потому что он старше по крови. Гораздо старше. Гораздо сильнее. Ну, да ладно, не ловить же ее было, в самом деле. Так вот один раз уступишь сложившимся с детства привычкам, и когда-нибудь нарвешься на упырицу, которая сумеет ими воспользоваться.

Заноза оставил Виолет лежать в ванной на полу. Вынес ее чемоданы и поставил у кровати. Занятие на этот день у нее точно есть: придумать, как распахнуть содержимое двух чемоданов в один комод и один шкаф. Занятие... на день?

– Scheiße!

Он сдернул с кровати покрывало, метнулся обратно к Виолет. Уже не беспокоясь о дайнах, завернул ее в плотную мягкую ткань и уложил на дно ванны.

День на дворе! День! Вампиры днем спят. И многих из них именно так и вырубает, как Виолет эту несчастную. Бац – и все. Как выключатель повернули. Никакие это не уловки, никакие не дайны, а самая обычная дневная спячка. Ну, тем лучше. То есть, очень неудобно, конечно, вышло, и надо будет извиниться. Но хорошо то, что до заката Виолет можно оставить без присмотра, просто задвинув входную дверь комодом. Потому что дел еще много, и торчать здесь три-четыре часа, в ожидании Мартина, было бы невыносимо. Даже зная, что домой можно вернуться через пять минут после ухода.

К тому же, с Мартином лучше встречаться не на бегу. С ним слишком интересно, чтоб думать еще о чем-то важном и неотложном. Стало быть, все важное и неотложное лучше сделать до того, как он появится.

* * *

Полицию долго ждать не пришлось – копов вызвали специально обученных, да еще и на такое дело, за раскрытие которого не пожалеют почестей и наград. Для полиции перспективы искупали все сложности, связанные с правильной трактовкой событий в Крестовнике и правильным преподнесением этой трактовки общественности. Для «Турецкой крепости» сложности только начинались. Хасан убеждал себя, что был к этому готов. И понимал, что врет как минимум наполовину. «Турецкая крепость», в принципе, была готова к разнообразным хлопотным событиям, начиная со штурма и заканчивая необходимостью дать убежище паре-тройке вампиров или фейри. Но как можно было подготовиться к тому, что убежище потребуется дочери Старого Лиса? Этого даже Эшива предсказать не смогла бы, никакая Луна ей такого не напороочит.

Мисс Хамфри отвезли в «Крепость», устроили в жилой части подвала. Так себе апартаменты, но все же удобнее, чем ее спальная выгородка в Крестовнике. Девочка цеплялась за Занозу, и, наверное, не только потому, что подпала под действие его дайнов. За кого ей еще цепляться было, после двух суток одиночества? По-человечески, за Эшиву, конечно, потому что та – женщина и вроде бы должна вызывать у попавших в беду девочек чувство защищенно-

сти. Но Эшива выглядела как панк, а выглядеть как панк и вызывать при этом доверие способен только Заноза. Кроме того, Эшива была опасна, об этом мисс Хамфри сразу предупредили.

Хасану только тогда стало жаль девчонку по-настоящему. Он увидел ее взгляд, когда ей объяснили, что вот эта белобрысая панкушка может ее съесть. Просто – съесть.

В Соне Хамфри было еще много человеческого, и переход в людоедскую реальность оказался слишком резким. Не спуск – падение. Оставалось надеяться, что Заноза ее поймает там, внизу. И что Алахди поймет, что делать с дочкой, придумает, как ей жить дальше.

Если Заноза прав, никакого «дальше» для мисс Хамфри уже не будет. Он считает, что это лучший выход. Думает, будто Алахди способен убить свою дочь, да еще и сделать это так, чтобы она была благодарна.

Хасан привык считать себя не слишком эмоциональным. А порой – совершенно лишенным эмоций. Немногие люди были ему небезразличны, судьбы же остальных если и трогали, то в очень малой степени. Но мисс Хамфри ему неожиданно стало жаль. Скорее всего потому, что она пыталась остаться человеком, проявляла силу духа, которую нельзя предположить и во взрослых, не то что в юной девочке. Делала невозможное. А Заноза считал, что все это нужно лишь для того, чтобы она могла умереть с чистым сердцем.

Подвиги не совершают для того, чтобы умереть. Смерть может стать следствием и часто становится, но она никогда не бывает целью. Стойкость и сила должны быть вознаграждены. Да, обычно ни то, ни другое не получает награды. И, скорее всего, Алахди не найдет способа спасти дочь, поэтому убьет ее, чтобы облегчить муки. Но это не будет лучшим выходом. Если он убьет ее, то только от безысходности.

Заноза хотел остаться в «Крепости» на тот случай, если мисс Хамфри не заснет, и Хасан остался бы тоже, но не понадобилось. Девчонка заснула сразу, как только села на постель. То ли спальня показалась ей безопасной, то ли природа начала брать свое. То извращенное начало, которое можно считать их природой. Если так, то проснувшись, мисс Хамфри уже не сможет отказываться от еды. Не сможет думать ни о чем, кроме крови. Но если ее сон вызван потребностью в отдыхе, то «перезагрузки», как называет это Заноза, не случится. И на закате она проснется человеком. По-прежнему.

Воистину, дети не заслуживают такой участи. Никто не заслуживает насильственного афата, но дети – в особенности.

Хасан размышлял об этом, пока ехали домой. О мисс Хамфри, о своем отношении к ней и к ее силе, об Алахди и о Хольгере.

Афат мисс Хамфри Хольгер дал не сам, но вина все равно лежала на нем.

Хасан размышлял о вампирах, а решил в итоге, что по возвращении домой надо будет сварить кофе.

Да, он тоже порой позволял живому взять верх над мертвым. И научил этому Занозу, который до встречи с ним вообще не понимал, как можно пить что-то, кроме крови или крепкого спиртного. Кофе Заноза не слишком любил – все они, эти англичане, созданы для чая, джина и виски – но любопытство неизменно брало верх. И за четырнадцать лет научился различать сорта и рецепты не только по запаху, но и по вкусу. Еще лет тысяча, и он поймет, что такое вкус вообще, не только кофе или его любимого чая...

Вкус и запах... что-то тут было, в мыслях о вкусе и запахе. И Хасану показалось, что он даже поймал ниточку. Но стоило открыть входную дверь, как холл огласился громким лаем, по мрамору зацокали длинные когти, и огромная черная тварь вылетела навстречу. Сто килограммов жизнерадостной собаки. Не привыкшей бегать по замкнутым пространствам, пусть даже очень просторным.

Мрамор оказался слишком скользким. Когти – слишком длинными. Мухтар не справился с управлением, не смог вовремя остановиться, и с размаху влетел в Занозу плечом.

Сто килограммов против пятидесяти. Результат очевиден.

За мгновения, потребовавшиеся для оценки обстановки, Хасан, наверняка, повторил цепочку размышлений Занозы. Тот не стал уворачиваться, потому что тогда пес влетел бы не в него, а в твердую дубовую дверь. Хасан, на которого швырнуло Занозу – и Мухтара – поймал обоих из тех же соображений. Нет, Занозу было не жалко, его с небоскреба на камни бросать можно, и ничего не сделается.

Мухтара, в общем, тоже было не жалко.

И зачем ловил? А, главное, о чем думал перед тем, как эта собака в них врезалась? Запах и вкус? И что?

Из глубины дома показался Франсуа с лицом скорбным и укоризненным. В руках он нес ошметки домашних туфель. Хороших туфель. Прекрасных! Сшитых на заказ у того же мастера, которому Заноза заказывал всю их обувь.

Мухтар заскакал, размахивая обрубок хвоста, в полном восторге от того, что Франсуа принес его игрушки.

– Хасан, смотри-ка, это ж твои, – Заноза мужественно отражал попытки пса поставить лапы ему на плечи и облизать лицо, – он тебя больше любит.

– А тебя, видимо, считает более вкусным.

Хасан понимал, что надо бы обругать кого-нибудь. Но ругать пса было бесполезно, он не знал, что делает что-то плохое. Ругать Франсуа – не за что. Как бы он запретил собаке таких размеров жрать хозяйскую обувь? Или вообще жрать, что бы то ни было? Ругать Занозу? Не поймет. Он тоже ничего плохого не сделал, а в таких случаях он ругань пропускает мимо ушей.

– Ты ему по башке-то выдай, – Заноза, наконец, утихомирил собаку. Укротил ураган. Теперь Мухтар нарезал вокруг них круги, норовя толкнуть боком или головой, напрашивался на то, чтоб погладили, но уже не прыгал и не лизался. – Не прямо сейчас, сейчас он слишком рад нас видеть. Попозже. Я скажу, когда. Дай по башке, покажи туфли, и скажи, что нельзя. Хотя, эти уже можно, конечно, чего там.

– Было бы неплохо привить этому созданию больше уважения к двуногим, живущим в Февральской Луне, – заметил Франсуа в пространство. – Господин Сплиттер, вы ведь мастер обращения с животными.

– Ага, – Заноза кивнул. – Я ему скажу. Он тебя будет слушаться, не парься.

Из всех Слуг, Франсуа – самый самоуверенный. Безусловно, верный традициям, и так же безусловно верный Занозе, но осознающий свою силу лучше всех других. Свою силу, свою полезность. И свою преданность. Он не в первый раз так близко подходит к грани между намеками и прямой просьбой. И не в последний. Интересно, как уживаются со своими Слугами другие вампиры? Те, у кого нет таких как Франсуа. Или такой команды, как у Хасана, прошедшей вместе несколько войн, верных не крови и силе, а чести и традициям.

Франсуа попросил Занозу убить его прежнего господина. Попросил, потому что слишком любил хозяина. А тот слишком страдал, чтобы продолжать существование, но не мог умереть. Вампиры не способны на самоубийство. Заноза и тут исключение. А Слуги не способны помыслить о том, что их господа смертны. И тут исключение – Франсуа.

– Пойдем варить кофе, – сказал Хасан. – Крокодил, к тебе это тоже относится. Ты пойдешь на кухню и будешь там тихо сидеть. Ясно?!

Мухтар тут же уселся. Уши у него встали торчком, а в глазах появилось ожидание. Весь его вид, одновременно придурочный и серьезный, недвусмысленно говорил:

– Я выполнил команду «сидеть!» Я молодец! Похвалите меня!

– Хороший пес, – Аллах, как будто ему мало было одного ребенка в доме! – Теперь вставай и пойдем.

– Только не говори ему про пиццу, – прошипел Заноза страшным шепотом, – это слово он уже тоже выучил.

... – Скажи-ка, мальчик мой, почему ты считаешь, что дочери Алахди лучше умереть? Потому, что она страдает от голода? Потому, что если она попробует крови – она начнет страдать от того, что превратилась в вампира? Или потому, что ей дали афат насильно, и это само по себе повод? – Хасан поставил перед Занозой чашечку с кофе, налил ледяной воды в высокий стакан. Сам сел напротив и стал с интересом наблюдать, как Заноза мыслит.

Мыслил тот недолго. Уж он-то себя знал, и мог выбрать из предложенных вариантов. Это Хасан сомневался. Как выяснилось – зря.

– Давно мог бы научиться моим дайнам, – буркнул Заноза, – ты о том, что у других в голове знаешь лучше, чем я.

– У других. Не у тебя. У тебя в голове то хаос, то вакуум.

– Ей дали афат насильно. Ну, ясное дело, она есть хочет, и ей так плохо, что я об этом даже думать не хочу. И, ясное дело, стань она вампиром, ей все равно будет плохо, хоть и по-другому. Но дело в афате. Два первых пункта – следствие, а афат – причина.

О том, каково это – стать не-мертвым в самом начале жизни, насильно получить в свое распоряжение вечность, и лишиться будущего, Заноза знал на своем опыте. Он рассказывал – немного, и редко, под то настроение, когда собственное прошлое казалось забавным – и от его рассказов Хасана порой тошнило. У мальчика был повод предпочесть смерть бессмертию. И у мисс Хамфри тоже. По другим причинам, но в конечном счете тоже из-за афата.

– Но ты здесь, – сказал Хасан. – И кофе ничего, верно?

– Вкусный кофе, – согласился Заноза с подозрением. – И я здесь.

– Умереть тогда было бы лучше, чем жить сейчас?

– Хаса-ан, – Заноза улыбнулся этой своей улыбкой, от которой казалось, что в дело вот-вот пойдут дайны, – нет, не-не-не, так нельзя делать! Это какая-то злая турецкая демагогия. Сколько на планете вампиров, чувак? Не меньше полумиллиона. И на эти полмиллиона ты – один. Я просто до хрена везучий, вот и все. Но Соне Хамфри ты уже не достался, ты – мой Турок. И значит, у нее в будущем все беспросветно.

Куда отнести эту вывернутую логику, к хаосу или вакууму, Хасан не знал.

– Четырнадцать лет из ста шестнадцати, – напомнил он. – Как быть с сотней лет, которые ты провел зная обо мне не зная?

– Я теряюсь в догадках, как ты-то без меня протянул с тридцатого года, – заявил Заноза с подкупающей наглостью. – А с моей сотней все просто. Восемь лет как в аду, год вообще не помню, потом Техас, потом бои за Чикаго, потом Депрессия, потом – война. А потом шестидесятые, когда все стало еще хуже, чем было, и лучше уже не становилось, пока ты меня не нашел. Если ты хочешь мисс Хамфри такой судьбы, ты еще злее, чем я думал. Ее-то никто не найдет.

Нет, это не дайны. Это искренность и доверие. Плюс немалая доля самоуверенности. Но основные дайны у Занозы работают также. На той же основе: искренность, доверие и уверенность в себе. Сколько в них правды, зависит от ситуации. Главное – впечатление. Мальчик привлекает внимание, и вызывает симпатию, которая очень быстро превращается в желание сделать для него все, что он захочет.

Привлекает внимание.

Запах и вкус... Вот оно!

– Чем пахло в библиотеке в Крестовнике? – спросил Хасан.

Заноза моргнул. Взгляд его стал сосредоточенным, белые брови сдвинулись к переносице. А через секунду он посмотрел на Хасана с недоумением:

– Я не помню. Но запахи я запоминаю не так хорошо, как картинки.

– Неправда. Ты смотришь и нюхаешь одновременно. Как собака. И если ты помнишь картинку, но в ней нет запаха, значит, картинка заняла тебя целиком. Что ты там увидел? Эту рыжую Виолет?

– Хольгера... – Заноза покачал головой. – И Виолет.

– А потом Хольгер исчез.

– Ну... да. Такой же дайн, как у тебя. Я никогда не успеваю.

– Этот дайн не срабатывает мгновенно. Нужно время на подготовку. Всего пара секунд, но ты за две секунды успеваешь высадить двенадцать пуль. Уилл, ты мог пристрелить Хольгера, если бы не отвлекся на Виолет.

– Я б ее убил, если б она применила дайны!

– Нет, – Хасан поколебался, сказать или не стоит, – ты отвлекся на нее. И я тоже. Я позволил ей прирастить обратно руку.

– Я удивился, кстати. Ты обычно куда злее. Но, нет, не в Виолет дело. У нее дайны принуждения. Видел же, как она себя ведет. А эти дайны зависят от возраста крови, и на нас с тобой не действуют. Ты столько лет пьешь мою кровь, что стал старше, чем Виолет, и чем Хольгер.

– У нее такие же дайны как у тебя. И она не использовала их. Так же, как ты в девяти случаях из десяти обходишься личным обаянием. Ты – обаянием. Она – внешностью. Отвлекла тебя, заморочила голову мне, спасла Хольгера и сохранила руку.

– И ты до этого додумался только потому, что я не запомнил, чем пахло в библиотеке?

– Если бы я знал, что ты не запомнил, я бы не спрашивал. Это просто еще одно подтверждение. Виолет легко отказалась от ратуна, значит, кровь их давно не связывает. Но она не колебалась, получив приказ убить детей, значит, у Хольгера была над ней власть. Очень похоже на твои дайны. Пока ты рядом, для тебя сделают все. Но если ты пропадешь хотя бы на пару ночей – чары спадут.

– И возобновятся, когда меня увидят снова. Хотя это работает не всегда. Как-то некрасиво получается, не находишь? Виолет станет верна Хольгеру сразу, как только он попадется ей на глаза, но сейчас не отдает его нам только из страха за себя. Мне нравится думать, что мои дайны выглядят поблагороднее.

На это Хасан отвечать не стал. Заноза – мальчик умный. Сам понимает, что такое его дайны, насколько это большая власть, и насколько редко власть уживается с благородством. А Виолет опаснее, чем казалась. И это Заноза тоже примет к сведению. Предупредит дамочку, чтобы не вздумала использовать против него свои чары. Информация, которой она владеет, нужна им, с ее помощью найти Хольгера будет куда проще. Но на попытки зачарования Заноза реагирует инстинктивно, мгновенно и необратимо. Он сначала даже не подумает, что Виолет нельзя убивать. А потом, когда убьет – не пожалеет. Ни разу, на памяти Хасана, он не раскаялся в убийствах тех, кто использовал против него дайны власти.

– Кстати, об информации, – Хасан допил свой кофе, – Хольгеру нужно тайком покинуть страну, скорее всего, за помощью он обратится к тем же вампирам, которые помогли ему здесь устроиться.

– Которые детей добывали? – Заноза встретил его взгляд и притворился, что чувствует себя виноватым. – Они закончились. Я не думал, что они еще понадобятся.

– А. Не думал? Понятно.

Мухтар, озадаченный воцарившейся на кухне тишиной, подошел и положил голову на стол. Глубоко-глубоко вздохнул, как будто хотел этим вздохом втянуть в себя печенье или конфету из вазочки со всякой сладкой ерундой. А лучше бы всю вазочку целиком.

Заноза бросил на Хасана жалобный взгляд и сцепил руки за спиной.

Хасан посмотрел на него. Посмотрел на собаку.

– Это в последний раз, – он выбрал печенье, на котором было поменьше сахара, и сунул псу в пасть. – В первый, и в последний.

– Что-то я тебе не верю, – пробормотал Заноза тихо-тихо.

Хасан все равно услышал, но Мухтар полез лизаться, на этот раз – к нему, и воспитательный момент пришлось отложить. Невозможно воспитывать сразу обоих: пса и тинэйджера, и хорошо бы они не понимали этого как можно дольше.

Глава 8

*ты уже умерла —
хоть вполне хороша на вид
и способна ввести в заблужденье
кого угодно.
Екатерина Михайлова*

Поворачиваться спиной к недружественному старому вампиру, это очень-очень глупо. Старых вампиров, и дружественных-то, лучше из виду не выпускать. Поэтому Заноза сидел в ванной, устроившись так, чтобы видеть дверь номера, и внимательно слушал, что в этом номере происходит. Происходило там смущающее шелковое шуршание, пахло какими-то цветами, скорее всего, от надушенных платьев или что там Виолет перебирала и примеряла. Один раз она попросила помочь ей, что-то подержать или застегнуть. Он отказался наотрез и предложил позвать кого-нибудь из девушек.

Виолет никого звать не захотела. Непонятно. Какая разница, кто поможет одеваться? У женщины это, всяко, лучше получится.

— А как он выглядит, этот демон? — слышалось из-за стены.

— Хорошо выглядит.

— Я имею в виду, у него что, рога, копыта, когти? Он в чешуе или в перьях? Какого он цвета?

— Белый, — брякнул Заноза. — Латинос.

— Так он в человеческом теле? — Виолет заинтересовалась еще больше. — А насколько регулярно он меняет тела? Как быстро они портятся? Герр Сплиттер, вы давно его знаете?

Демоны меняют тела? Да еще и регулярно? И они портятся?

— За несколько лет у Мартина ничего не испортилось, — ответил он с уверенностью, которой не ощущал. Просто предположил, что испортись что-нибудь, когда-нибудь, и Лэа бы об этом обязательно рассказала. А она Мартина вообще демоном не считает, значит, при ней он и тело не менял, и текущий ремонт делал вовремя и успешно.

— За несколько ле-ет? — протянула Виолет с легким разочарованием. — Значит, он очень слабый демон.

— Достаточно сильный, чтобы на него не действовали дайны.

— Даже ваши?

Он не пробовал. Еще не хватало использовать дайны против друзей! Один раз зачаровал Хасана, но это было необходимо, и тот сам согласился. А больше — никого и никогда. Зачаровывают врагов или чужаков. Зачаровывать своих — нельзя. Это некрасиво и неправильно. Но у Виолет о правильном и красивом могут быть свои представления. А может не быть вообще никаких, такое случается.

— Даже мои, — сказал он. — Со всей моей старой кровью.

— Очень старой кровью, — откликнулась Виолет, и на Занозу вновь накатил волна легкого, цветочного аромата. — Август убежал сразу, как увидел вас. Даже не попытался вступить в бой. А ведь он не трус, ему неведомы обычные человеческие чувства и слабости.

— Инстинкт самосохранения сработал у вашего Августа.

— Да-да, именно об этом я и говорю. И все же ваши дайны на демона не подействовали. Значит, он силен. Ему принадлежит этот город. Я смотрела в окно — город немаленький. Большая кормовая база, хороший выбор тел. Он удерживает все это в собственности, отгоняет конкурентов, да еще и остается при этом воплощенным. Убедительные аргументы в пользу его силы.

То ли она внушала себе, что стоит прислушаться к совету и не пытаться зачаровать Мартина, то ли... что? Заноза не понимал, к чему Виолет ведет. Мартин постучался как раз вовремя, а то он мозги бы себе свернул, пытаясь сообразить, что она задумала.

– Опять комод? – поинтересовался демон из-за дверей.

– Я еще не одета! – крикнула Виолет.

Заноза очень хорошо представил себе лицо Мартина, привыкшего, в ответ на стук, слышать его голос, и звук сдвигаемой мебели.

– Мисс дю Порслейн, может быть, вы поторопитесь? – надо было, все-таки, позвать кого-нибудь из девочек, чтоб ей помогли одеться.

– Еще минутку!

Больше ничего не шуршало, но по деревянному полу застучали каблуки, как будто вампириша, надев туфельки, прохаживалась перед зеркалом. Зеркало Заноза снял и сунул в шкаф чуть не сразу, как поселился в номере, но кто бы помешал Виолет найти его и повесить обратно?

– Что скажете, герр Сплиттер? – она встала в дверях ванной, как в рамке картины, – это подходящий туалет для знакомства с демоном?

Красивая. И Хасан не зря говорил про дайны. Виолет, скорее всего, попыталась бы сейчас их применить, если б не боялась за свою безопасность. А так Заноза видел просто красивую женщину, немного чересчур нарядную для этого номера и этого вечера. Женщина чувствовала себя так, как будто дайны действуют, и поэтому была напориста. Тоже – немного чересчур.

– Прекрасно выглядите, мисс дю Порслейн, – он встал, подошел к ней, – позвольте пройти. А то господин демон потеряет терпение, выбьет дверь и сломает комод.

Мартин не производил впечатления существа, способного выбивать двери и ломать мебель. Не с его комплекцией. Но то, что он демон, Виолет уже усвоила. Хотелось в это верить. Во всяком случае, она не почувствовала разочарования, когда Заноза отодвинул комод, и Мартин вошел в номер. Никакого разочарования. Сияющая улыбка и веселый голос:

– Здравствуйте, герр демон. Я Виолет дю Порслейн. Та самая, которой вы так любезно согласились предоставить свое гостеприимство.

Она пошла к Мартину, на ходу протягивая руку то ли для поцелуя, то ли для рукопожатия. Заноза, не ожидавший такого явного пренебрежения церемонией знакомства, едва успел заступить вампирише дорогу.

– Никаких дайнов, мисс дю Порслейн, это значит – никакого физического контакта.

– Герр Сплиттер, – она опустила руку, сверкнула зеленущими глазами, – что за паранойя? Я же не идиотка! Я все поняла про дайны, и вы сами сказали, что они не действуют.

– А еще я сказал, что если мне покажется, будто вы их используете, я вас прикончу. Будьте так добры, постарайтесь удержать в памяти оба пункта, и сохраняйте дистанцию.

Обалдевший от такого приема Мартин переводил взгляд с него на Виолет и обратно. Красота вампириши произвела впечатление, не могла не произвести, но Заноза это впечатление сильно смазал. Испортил Виолет тщательно подготовленный выход. Женщины такого очень не любят.

– Я Мартин Фальконе, – сообщил демон после паузы. – Рад познакомиться. Или что там положено говорить? – новый взгляд на Занозу. – По вашим правилам? Я слышал, что в начале знакомства радоваться считается несвоевременным.

– Неискренним, – уточнил Заноза. – Но мисс дю Порслейн с континента, там другие обычаи. Поэтому можешь радоваться прямо сейчас.

– Ну... – Мартин вздохнул, – я счастлив. Может, вниз пойдем? Я заказ уже сделал. Там и объясните мне, что у вас стряслось, и от кого мисс дю Порслейн прячется.

* * *

Чем дольше знаешь кого-нибудь, тем лучше понимаешь. Это правило распространялось и на эмпатию. Чем дольше воспринимаешь чьи-нибудь эмоции, тем лучше их дешифруешь. Заноза чувствовал, что мисс дю Порслейн не пришлась Мартину по душе, и понимал почему. Не потому, что Мартин заранее был настроен против хищной и неуправляемой вампириши, а потому, что мисс дю Порслейн была выше ростом. Дюйма на три выше. Плюс каблуки.

Интересно. И забавно. Не все ли равно, какого роста женщина? С ней же не придется драться, а значит, длина конечностей и вес не имеют значения. И Мартин, наверняка, не рассматривает мисс дю Порслейн, как предполагаемого противника в рукопашной. Просто не любит высоких. Тем лучше – тем меньше вероятность того, что сработают какие-нибудь из дайнов, которые мисс дю Порслейн попытается применить.

Она, впрочем, не попытается.

Мартин ее слегка разочаровал. И Заноза пока не мог понять, чем именно. Эмоции мисс дю Порслейн приходилось принимать как данность, объяснить их не получалось. Несмотря на разочарование, вела она себя так, как будто знакомство с Мартином – единственная цель, ради которой стоило приходить на Тарвуд. Правда, проявляла при этом такой напор и энтузиазм, что кого-нибудь не настолько демонического, могла и напугать.

Нет, это точно не дайны. И чему бы там Хольгер ее не учил, мисс дю Порслейн демонстрировала привычку нравиться и приказывать, а не нравиться и убеждать.

Пока Заноза кратко пересказывал события прошлой ночи, рыжая вампириша вставляла комментарии, апеллируя к Мартину, стараясь выглядеть жертвой обстоятельств. Жертвенность ей не давалась, зато возмущение, недоумение и обида были искренними.

Достаточно, чтобы посочувствовать. Виолет дю Порслейн вырвали из всего, что было ей привычно и мило, бросили совсем в другую жизнь, ее существование сразу оказалось под угрозой, а сама она вынуждена прятаться от смертельной опасности, искать защиты у того, кто опасен не меньше, если не больше.

Заноза ей сочувствовал. Мартин – нет.

А потом Берана принесла заказ: целый поднос, заставленный бутылочками с кровью. Мартин взял себе парочку, и мисс дю Порслейн вдруг снова очень им заинтересовалась. Почти так же, как когда еще только готовилась к встрече.

Кто поймет этих женщин?

Столик Мартин выбрал правильный, хоть и не из тех, что были в центре зала, в акустической дыре. Этот стоял под лестницей на второй этаж. В густой тени у стены. На стене висел светильник, но свет не горел, и свеча на столе тоже была погашена. Темнота и уединенность – то, что нужно, чтобы поесть, не беспокоясь об окружающих. Хотя, Заноза все равно предпочел бы не пить кровь прилюдно. Независимо от того, обращают на него внимание или нет.

Он и не пил.

Мисс дю Порслейн перелила содержимое своей бутылочки в бокал. Недоверчиво понюхала. Пригубила. Ее губы скривились в капризной, но милой улыбке:

– Кровь, конечно, свежая... – пауза весьма красноречиво намекала на то, что холодная кровь любой свежести уступает живой и горячей, – Мартин, здесь так многолюдно! Я знаю, что все эти люди принадлежат вам, но вижу, что вы тоже пьете из посуды. Это их кровь? – взгляд в переполненный по вечернему времени зал. – Ваших подданных?

– В том числе, – отозвался Мартин. Занозе показалось, будто зрачки его превратились в узкие, горизонтальные щели.

Или не показалось?

В эмоциях мисс дю Порслейн смешались любопытство и страх.

– Мартин, разве вы никогда не пьете живую кровь?

– Под настроение.

– И убиваете?

– Под настроение, – повторил Мартин. – И не здесь. Все люди Тарвуда нужны мне живыми.

– Да, конечно, я понимаю. Вам нужны души, – мисс дю Порслейн глубокомысленно кивнула. – Может быть, когда мы узнаем друг друга поближе, вы поймете, что мне можно доверять, что я умею контролировать себя и пить понемногу. Вы пьете живую кровь, поэтому знаете, как невыносимо тяжело лишиться такой возможности.

– Нет, – сказал Мартин. – Я не знаю. Меня такой возможности не лишит никто.

Заноза мысленно ему поаплодировал. А потом спросил у мисс дю Порслейн разрешения закурить, и под этим предлогом чуть отодвинулся от стола, чтобы лучше видеть обоих.

Лезть в разговор не хотелось, хотелось посмотреть, понять, что делает Мартин. Что делает мисс дю Порслейн и так понятно – ищет покровителя, вместо Хольгера. Скорее всего, ищет инстинктивно. Выбрала самого сильного и надеется на его защиту.

Страшно ей. Жалко ее. Но хоть и жалко, а все равно нужно, чтобы она боялась.

Кажется, именно это Мартин и делает. Пугает. У него неплохо получается.

Полумрак и тени были подходящими декорациями. Вспыхивающие желтым глаза, проблиски клыков, длинные когти – все это казалось миражами, обманом зрения, игрой света. И все это казалось реальным. Заноза такого Мартина не знал, никогда не видел, чтобы тот демонстрировал свою не-человечность. Зато знал – Мартин говорил – что Лэа очень не нравится, когда он хоть как-то дает понять, что человеческого в нем только тело. Сейчас Заноза и за тело уже не поручился бы. Все могло быть настоящим: и зрачки, и клыки, и когти. И хватило бы совсем немного фантазии, чтобы увидеть, как тени на стене за спиной Мартина складываются в черные гладкие крылья.

– Сеньор Мартин сегодня очень страшный, – шепнула подошедшая сзади Берана. Наклонилась, обняв за плечи. – Совсем не похож на себя.

Если б Заноза загодя не учуял ее запаха, вздрогнул бы, наверное.

– Сеньор Мартин всегда такой, – сказал он, – просто обычно скрывает.

– А она красавица. Где ты ее взял? Это же ты ее притащил? Девочки говорят, вы вместе вышли из номера, и номер был твой.

– Мы там были вдвоем.

– Это даже еще хуже. Сеньор Мартин женат, между прочим!

Познания Бераны в некоторых областях порой оказывались обескураживающими. При чем, они могли быть и обескураживающе малы, и обескураживающе велики одновременно. В одной и той же теме. Как сейчас, например. Девственница в свои восемнадцать, она воображала, будто все знает о любви, и для демонстрации познаний выбирала самые неожиданные моменты.

– Мартин, – спросила мисс дю Порслейн этим своим, немного-слишком-требовательным тоном, – здесь есть клубника?

Мартин бросил взгляд на Берану. Та быстро выпрямилась и, отчеканив:

– Сейчас принесу, сеньор Мартин! – умчалась на кухню.

Только деревянные подошвы простучали по полу.

Когда Берана вернулась, мисс дю Порслейн уже рассказывала Мартину о себе. Считалось, что о Хольгере, но Хольгер в истории присутствовал лишь в качестве сюжетообразующего персонажа. Заноза почему-то думал, что мисс дю Порслейн получила афат против воли. Ошибся. Оказывается, сначала Хольгер захотел написать ее портрет. В процессе работы выяснилось, что у мисс дю Порслейн есть способности к живописи. Он стал учить ее, и только тогда, когда его очарование стало непреодолимым, предложил афат. Бессмертие. Вечную молодость и красоту.

Хитрая тварь. Тогда, четыреста лет назад, он не был таким наглым, как сейчас. Не был так уверен в своей безнаказанности. Хасан не ошибся: дайны Хольгера, исходя из того, что рассказывала мисс дю Порслейн, были дайнами убеждения, а не принуждения. Может быть, приказывать он научился позже? Так бывает. Мисс дю Порслейн могла получить дайны принуждения вместе с афатом – феи всем делают разные подарки – а Хольгер, наблюдая за ней, мог освоить их. И счесть более эффективными.

А дайны принуждения мешают дайнам убеждения. Считается, что они взаимосвязаны и дополняют друг друга, у них даже есть общее название: «дайны власти», но на деле они друг другу противоречат. Чтобы убеждать, нужно уметь встать на чужое место, понять того, на кого воздействуешь, почувствовать его и посочувствовать. Чтобы убеждать – нужно быть эмпатом.

Чтобы приказывать – нужно быть равнодушным. Помнить, что перед тобой не люди, не вампиры, не духи. Не разумные создания, а инструменты, существующие лишь для твоего удобства.

Поэтому дайны принуждения работают лишь с теми, кто слабее.

Поэтому дайны убеждения работают всегда.

– У меня была дочка, – мисс дю Порслейн вынула из вазочки ягоду, повертела в тонких, бледных пальцах. – Вы любите детей, Мартин? Я очень люблю. Я мечтала о ребенке, пока была жива, но Эрик... мой муж... оставил меня слишком рано. Море забрало его. И я до сих пор не знаю, погиб ли он, или потерялся в своих Индиях, остался навсегда в чужих странах, и умер там от старости. Я не знаю, церковь не знала, и мне не дали бы развод, даже если бы я попросила.

Она взяла нож. И сделала в клубнике надрез.

Впервые за все время разговора, Мартину стало интересно. Нет, не то, что говорила мисс дю Порслейн. Ему понравилось, как лезвие вошло в сочную алую мякоть. Как красный сок потек по белой коже.

Заноза вытянул из пачки еще одну сигарету. Берана, которая, наплевав на обязанности – и, заодно, на приличия – уселась к нему на колени, во все уши слушала мисс дю Порслейн. И ни на клубнику, ни на Мартина не обращала внимания.

– Я знаю, как это бывает, – сказала она. – Мужья пропадают в море, военные моряки, и считаются пропавшими без вести. Поэтому семьям не платят пенсии.

Вряд ли мисс дю Порслейн нуждалась в пенсии, хоть при жизни, хоть после смерти. Она не рассказывала о том, что бедствовала. Она рассказывала о том, как два года, прошедшие до встречи с Хольгером, хранила верность своему Эрику. И как хранила ее потом. Всегда. Вплоть до афата. Несмотря на то, что после смерти вновь взяла девичье имя. Рассказывала, как мечтала о ребенке. Хотя бы об одном. О девочке или о мальчике. Впереди была одинокая жизнь и, скорее всего, монастырь под старость. Она уже выбирала, в какой именно из монастырей начать делать пожертвования, когда Хольгер сказал, что сможет сделать ее бессмертной.

Вечно юной. Вечно прекрасной.

Вечно одинокой.

Ей нужны были молодость и красота. Скорее всего. Заноза не поручился бы – он пока слишком мало знал мисс дю Порслейн, чтобы делать выводы, – но слишком уж трагично говорила она об этом. Именно о красоте и юности. И слишком часто в ее рассказе звучали слова «юная», «прекрасная» и «мертвая». Вместе получалось «юная, прекрасная, мертвая», от чего Занозе хотелось сменить кожаный плащ на черный шелк, надеть ботинки до колена, и уйти куда-нибудь на кладбище, пить с готами красное вино.

Нет, вина он не пил. Но мог пить кровь пьяных от вина готов. А это одно и то же.

По словам мисс дю Порслейн, Хольгер с каждым десятилетием становился все бесчувственнее. Все чаще убивал «поцелуями». И давал все больше афатов. Окружил себя молодыми

вампирами, парнями и девушками, которых держал то ли на положении рабов, то ли, вообще, живой мебели. Ему нужны были дайны, которые най получали с афатом, дайны, которых не было у него самого. Хольгер наблюдал за молодняком, пока не понимал принцип использования новых дайнов, а потом приказывал оставить най на солнце.

Этих, молодых, которые менялись чуть ли не каждые несколько месяцев, он уже не учил останавливаться во время «поцелуя». Он, вообще, не говорил им, что убивать нельзя. Наоборот, твердил, что убивать – это правильно. Они спасали людей. От старости и болезней, от одиночества, от войн, от страшных смертей, которые в те времена подстерегали на каждом шагу. Дарили блаженство, отпускали душу в рай, открывали райские врата прямо в тварном мире.

Пристрастие к молодежи Хольгер питал всегда. Его Слуги приводили в дом, в жертву господину, только молодых людей, а когда он или его най охотились, они тоже выбирали самых юных. Тридцатилетняя война – безумное и страшное время. В потерянной молодежи не было недостатка, и никто не считал, сколько же их, потерялось в буквальном смысле.

Безумное и страшное время...

Для мисс дю Порслейн оно было родным. И воспоминания окрашивались ностальгической грустью. Но удивляло не это. Удивляло то, что она грустила не по вседозволенности. В этом смысле, в понимании того, что можно делать, а что нельзя, для нее ничего не изменилось. Семнадцатый век или двадцать первый – нет никакой разницы, пока улицы полны красивых парней и девушек, которых можно «целовать», и самой решать, станет ли «поцелуй» смертельным. Ни тогда, ни сейчас мисс дю Порслейн не заботилась о том, как замечать следы и прятать трупы.

Ни тогда, ни сейчас не думала о том, что убивать нельзя.

Можно. Ведь это во благо. И смерти, куда более страшные, по-прежнему подстерегают на каждом шагу.

Ну, трупами-то, положим, занимались Слуги Хольгера. А вот воспитанием мисс дю Порслейн заняться было некому.

– Я понять не могу, – шепнула Берана, – мне ее жалко, или мне от нее жутко.

Лучше не скажешь.

Заноза смотрел, как блестит нож в руках мисс дю Порслейн, как лезвие режет ягоды, превращая их в цветы с кровавыми, сочными лепестками. Он тоже не знал, жалеет он вампиру или злится на нее.

Даже не мог толком понять, если злится, то за что. Над этим еще предстояло подумать.

А дочка у мисс дю Порслейн появилась уже после войны. В шестьсот пятидесятом. Кто-то из най по глупости или из интереса притащил с охоты девочку лет восьми. Живую девочку.

– Я знала, что ее убьют, – последняя ягода раскрылась в пальцах кровавым цветком, – я хотела спасти ее.

Заноза в красках представил себе историю побега неприспособленной к самостоятельному существованию вампишки с украденным, перепуганным ребенком. Послевоенные Нидерланды, озверевшие люди, из ценностей – только украшения и пара нарядных платьев. И девочка, живая, о которой нужно как-то заботиться, а как это делается, мисс дю Порслейн забыла лет сорок назад. Эта история не могла закончиться хорошо. Не важно, кто поймал беглянок, Хольгер, семья девочки или просто лихие люди.

Важна была попытка сбежать. Единственное, что имело значение. Зато огромное.

– Я попросила ее себе, – сказала мисс дю Порслейн, – и сделала вампиром.

Берана издала звук. Что-то вроде вопросительного: «ых?»

Заноза поперхнулся дымом.

Мартин вытаращился на вампирушку изумленными, круглыми глазами, и сейчас зрачки в них были абсолютно нормальными.

– Вы убили ребенка?

– Я спасла ее, – мисс дю Порслейн покачала головой. – Спасла мою Лидию, мою девочку. Неужели вы думаете, что ей лучше было умереть?

Они сказали «да», все втроем. Хором. Мартин на итальянском, Берана – на испанском, и Заноза – на немецком. Когда он злился, английский часто вышибало из головы.

– Как вы неправы! Вы так ужасно неправы... если б вы только знали, – мисс дю Порслейн протянула к Занозе перепачканные алым, пахнущие клубникой пальцы. – Можно мне сигарету, герр Сплиттер? Август убил ее. Все равно. Дал нам всего десять лет, а потом отправил Лидию на солнце. Но эти десять лет были счастливыми. И для Лидии, и для меня. Десять лет счастья. У нее была мама, у меня – моя доченька. Вам никогда не понять, какую цену можно отдать за своего ребенка. Разве что ей, – взгляд ярких, нефритовых глаз мазнул по Беране, – но я молю Господа, чтобы и она не поняла.

* * *

Мартин чувствовал, как его изумление сменяется апатией. Странно. Он ожидал, что разозлится на Виолет. Она – детоубийца. С такими тварями разговаривать не о чем, их самих убивать надо. Но злости не было. И интереса не было. Виолет больше не хотелось видеть. Опасность разозлиться все же оставалась, а прикончить упырицу – значит, подвести Занозу. Так что лучше бы ей уйти сейчас, пока драматизм истории кажется настоящим, и мешает верно оценить убийство девочки.

Только как ее спровадить?

Заноза – знаток всяких таких штук, знает кучу способов вежливо кого-нибудь послать. Куда-нибудь. Как бы он поступил?

Мартин сообразил, как. И отправил Берану за сводом законов Тарвуда. Мигель держал у себя несколько экземпляров, специально для посетителей. Отнюдь не только для новичков. На разбуянившихся старожиллов, равно как и коренных обитателей острова, вид Мигеля, призывающего их к порядку с увесистым томиком в руках, производил волшебное действие.

Лэа утверждала, что Мигель и без книжки такое действие производит. И была права. Два метра роста, да такой же размах плеч, да мачете на стене – зачем тут еще какая-то магия? Но сам Мигель верил в силу печатного слова, читал оба кодекса, и Уголовный, и Административный, и полагал, что лишь такое же уважение к законам усмиряет буянов в зале.

Берана вернулась, обошла Виолет по дуге, хлопнула толстую книжку на стол перед Мартином. И отошла к Занозе.

Там она себя безопасней чувствовала?

Заноза слишком задумчив сейчас для того, чтоб считать его безопасным. Мартин за месяц знакомства уже понял, что когда упырь задумывается, хорошего не жди. Берана этой закономерности еще не заметила?

– Это свод законов Тарвуда, – Мартин подвинул книгу к Виолет. – Про детоубийство здесь тоже есть. Про вампиров пока нет, но мы с княгиней работаем над соответствующими дополнениями. Я советую вам приступить к изучению свода, не откладывая. До рассвета не так много времени.

– Такая толстая книга, – Виолет погасила сигарету. Белая рука – пальцы испачканы алым – легла на обложку. – Я не успею прочесть все.

– Прочитайте, сколько успеете.

– А завтра ночью вы меня проэкзаменуете?

Она считала себя красивой. Она, наверное, и была красивой, если б была картиной или статуей, или искусно сделанным манекеном для одежды. Но Мартин не мог воспринимать ее как статую или картину. В этом прекрасном теле жила душа, и душа все портила! Извлечь бы ее, оставить только оболочку, и какая же прекрасная получится вещь!

– Пойдемте, мисс дю Порслейн, – Заноза встал, – я вас провожу. Чем больше вы прочтете до рассвета, тем лучше. Мартин прав, лучше начать прямо сейчас.

Мартин разочарованно выдохнул.

Разочарованно? Он же не собирался, в самом деле, отнимать у упырицы душу? Да еще ладно бы ради получения этой души, а то ведь – ради того, чтоб освободить от нее тело! Ште-заль! От такого эстетства один шаг до потери человечности. Лэа это очень не понравится. Не понравилось бы. Если б случилось.

В общем, вовремя Заноза вмешался.

– Увидимся завтра, Мартин, – Виолет склонила голову в подобии поклона, по рыжим волосам пробежали шелковые блики света, – я очень рада знакомству. И тому, что вы меня выслушали.

– Ага. Взаимно, – что там Заноза говорил про неискренность? Если б он в начале вечера сказал, что рад знакомству, это было бы почти честно. А сейчас – точно вранье.

Хотя... Мартин задумался, пытаясь понять, что же чувствует. Кажется, он все-таки не считал, что Виолет не нужна на Тарвуде. Про извлечение души, конечно, лучше и не думать, но можно ведь просто понаблюдать, посмотреть на сочетание красивой оболочки и непонятного наполнения. Подумать. О чем-нибудь. Заноза думает. Значит, есть о чем. Значит, и от Виолет есть польза.

* * *

– Если я сделаю что-нибудь, что ему не понравится, он меня изуродует, – рассуждала мисс дю Порслейн, по пути на второй этаж, – превратит во что-нибудь мерзкое. Демоны читают в душах, они знают, какое наказание хуже всего. Знаете, во что они умеют превращать вампиров? В таких чудовищ, в таких монстров, каких и Босху было не выдумать! Вы его не боитесь, герр Сплиттер?

Заноза сомневался, что Мартин захочет превращать мисс дю Порслейн в монстра с полотен Босха. Мисс дю Порслейн или его, или кого угодно. Зачем Мартину на Тарвуде такая дрянь? Не лучше ли видеть перед собой красивых вампиров и людей?

– Он очень холоден, – рыжая вампирша не стала дожидаться ответа, не нужен ей был ответ, – знаете, герр Сплиттер, я не привыкла к такому обращению.

И к демонам она не привыкла. Никак не могла определиться со своим отношением к Мартину. Боялась его, обижалась, испытывала интерес, снова пугалась – то ли Мартина, то ли своих фантазий на его тему. Вроде этой, с превращением ее в чудовище. Замечание насчет холодности стоило бы как-нибудь прокомментировать, но Заноза был поглощен мыслями о Хольгере и дайнах, и не находил в себе достаточно вежливости, чтобы поддерживать разговор.

Тут он сообразил, что мисс дю Порслейн имела в виду и его тоже. Он же не ответил ни на одну из ее реплик. Не из холодности или высокомерия, но ей-то откуда знать? И к такому обращению она действительно не привыкла. Скорее, привыкла быть холодной сама.

Они прошли мимо гостеприимно распахнутых дверей казино, окунулись в сонную тишину жилой части таверны, и все, что оставалось, чтоб хоть как-то исправить впечатление о себе, это пожелать упырице хорошей ночи. Маловато пространства для маневра.

– А там играют? – мисс дю Порслейн оглянулась на площадку, – карты, рулетка? Хотела бы я провести время до рассвета с кем-нибудь повежливее, чем демоны.

Под демонами подразумевались они с Мартином оба. Заноза был вампиром, но выказал себя такой же бесчувственной ледышкой, стало быть, заслужил обвинение в демонизме.

– В казино вам понравится больше, чем в нашей компании, – он сделал приглашающий жест, – хотите, я представлю вас завсегдатаям?

– Была бы признательна.

Снова эти интонации. Ни тени признательности. Не знай он, что мисс дю Порслейн рада предложению, решил бы, будто она вменяет церемонию представления ему в обязанность. А Мартин – не эмпат. И Берана тоже. Им эта несчастная мертвая красавица кажется высокомерной, чрезмерно требовательной стервой. Еще и бессердечной.

Она и правда любила свою дочку. Бывает такая любовь, что лучше б ее вообще не было. А насколько сильно любит дочь Старый Лис Алахди?

– Вы всегда так рассеяны? – поинтересовалась мисс дю Порслейн, – или это мое невезение? Кстати, герр Сплиттер, а вы играете?

– Нет. Неинтересно. Слишком хорошая память. Мисс дю Порслейн, – Заноза обвел взглядом небольшой, полный людей зальчик, – ваше невезение закончилось. Здесь сегодня и чиновники из мэрии, и офицеры Гарнизона, и джентльмены из Замкового Квартала. Вы прекрасно проведете остаток ночи. При условии, что будете помнить о правилах.

– Никакой живой крови, – вампирша скривила губы, – разве о таком забудешь?

В голосе было недовольство, но только в голосе. Мисс дю Порслейн уже предвкушала игру, азарт, новые знакомства, флирт, восхищение и интерес мужчин. Чужое внимание нужно были ей так же, как ему. Это дайны убеждения, не принуждения. Только у мисс дю Порслейн они почти не работают.

А она об этом, кажется, не знает.

Пожелания приятного вечера и пригоршни фишек оказалось достаточно, чтобы мнение о нем изменилось к лучшему. Сильно к лучшему. С женщинами так бывает: оставляешь их с деньгами в мужской компании, и становишься близок к образу идеального джентльмена. Хорошо, что мисс дю Порслейн – не его женщина. И хорошо, что Эшива любой компании предпочтет его общество.

И надо, наверное, перестать дарить ей красные автомобили. Эшиве и другие цвета к лицу.

* * *

Мартина из апатии и исподволь копящегося недовольства всем вокруг, вывела, как ни странно Берана. Которая, пока Заноза провожал мисс дю Порслейн, вертелась по залу, помогая двум официанткам, а как только Заноза вернулся – тут же снова уселась к нему на колени. Несмотря на то, что стул мисс дю Порслейн был уже свободен.

Это было так забавно – на Занозу смотреть забавно. Он и в первый-то раз, когда Берана совершила свой маневр, сделал лицо «меня тут вообще нет, я эту дурочку не знаю», а уж во второй, оказавшийся еще более неожиданным, чуть не выпрыгнул из-под Бераны вместе со стулом.

Не понимает бедный упырь, как порядочная девушка может прилюдно усестись к парню на колени. И считать Берану непорядочной тоже не способен. Иначе б не стал с ней водиться. А еще он вроде бы не считает себя ее парнем.

Мартину от наблюдения за этими двоими немного полегчало. Как будто какую-то пробку из мозгов вынули. Думать стало получаться. Он закурил и поделился тем, что надумал:

– Меня напрягает то, что она осталась с ратуном. После всего. Или... – это была мысль, свалившаяся вдруг, сама, а не в результате раздумий, – меня напрягает то, что тебя ничего не напрягает?

– И то, и другое, – сказал Заноза.

С ним было удобно еще и поэтому: он мысли читал. Мартин запутывался в мыслях, а Заноза их распутывал, и обходилось без непоняток.

– Ты, правда, думаешь, что с ней все нормально?

– Он так не думает, – Берана помотала головой, положила Занозе пальцы на виски и заставила его тоже покачать головой туда-сюда, мол, нет, я так не думаю. – Он же детей не убивает. Маленьких девочек – тем более.

– Мисс дю Порслейн ничего не рассказала о родителях, – Заноза не возражал против манипуляций Бераны, он ее игнорировал, как если б она была котенком, забравшимся на руки и вздумавшим поиграть. – У нее не было семьи, кроме мужа. Овдовев, она осталась совсем одна. Хольгер стал спасением, дал ей то, в чем она нуждалась так сильно, что готова была даже с жизнью расстаться.

– Это что? – поинтересовался Мартин скептически. – Любовь, что ли?

– Защиту. Одинокая женщина в те времена, в которых живем мы с тобой, даже близко не представляет себе, что такое настоящее одиночество и настоящая незащищенность. Хольгер спас мисс дю Порслейн от мира, и от участи худшей, чем смерть. К тому же, он был другим. – Заноза нахмурился, вновь погружаясь в какие-то свои мысли, не отпускавшие его с того момента, как вампириша начала рассказывать свою историю, – Август Хольгер был другим, – произнес он медленно.

– Ты его не знал, ты гораздо младше.

– Особенности дайнов. Мисс дю Порслейн не научилась дайнам своего ратуна, освоила только зачатки, на большее она не способна, потому что не способна сочувствовать. А он научился ее дайнам, полученным при афате не от него, а от фей. Это были дайны принуждения. И они убили в Хольгере эмпата. Маятник качнулся, – Заноза сделал жест кистью, подразумевающий движение маятника. Но выглядело это так, словно он отсек что-то. – Обратная сторона эмпатии – бесчувственность. Возможно, жестокость. Хольгер, которого я видел в Алатире – нелюдь, заслуживающий уничтожения. Никакие картины, как бы хороши они ни были, не оправдывают его существования. Но Хольгер, которого видела мисс дю Порслейн, был... таким же как я. Кто передо мной устоит?

Вопрос был риторическим. Но если б Мартин решил ответить, он сказал бы «никто». Потому что это правда. С дайнами или без.

– Ты можешь стать таким, как Хольгер? – не поняла Берана.

– Могу. Любой мертвяк может.

– Не называй себя мертвяком, – Мартин поморщился, – терпеть этого не могу. Мисс дю Порслейн оставалась с Хольгером, когда он уже изменился. Ты же не хочешь сказать, что он убил ее девочку, пока был таким же как ты?

– Я и детей помладше убивал, – Заноза пожал плечами. И пока ошеломленный Мартин искал, что сказать, а цвет лица Бераны менялся от кофейно-молочного к зеленовато-серому, продолжил: – Хольгер изменился, все правильно. Но это происходило постепенно. Незаметно. И мисс дю Порслейн так же незаметно привыкала к переменам. Для нее Хольгер оставался таким же, каким был в самом начале. Защитником. И учителем. И он ее правда защищал. А еще... ратуна нельзя не любить. Нельзя ему не верить. И нельзя от него уйти.

– Ты же ушел! Ты своего ратуна, вообще, убил.

К Беране именно в этот момент вернулся дар речи, и она не нашла ничего лучше, чем тут же им воспользоваться.

– Ты-ы убил своего создателя? – она уставилась на Занозу, потом медленно сползла с его колен и отошла на пару шагов: – ты убивал детей и убил своего создателя? Это же все равно, что убить отца!

– Еще я убил свою матушку, старшую сестру и двоих племянников, – сообщил упырь буднично, – не о том разговор, Берана. Мартин, я не оправдываю мисс дю Порслейн...

– Нет, ты ее как раз оправдываешь, – Мартин вздохнул. – И у тебя получается. Я не понимаю, что ты пытаешься объяснить, но я понимаю, что у тебя есть объяснения. Скажи просто: мне должно быть ее жалко? Или я должен решить, что она не злодейка, а невинная дура? Или есть еще какой-то вариант?

– Остановись на втором. И учитывай, что как защитника она теперь воспринимает тебя.

– Мне нужно как следует все обдумать! – заявила Берана.

Мартин с Занозой посмотрели на нее с одинаковым удивлением. Мартин не понимал, о чем думать Беране, какие у нее-то проблемы, но предпочел не спрашивать. Чтоб не спровоцировать на ответ. А Заноза хмыкнул:

– Ну, попробуй. Только начни с чего-нибудь несложного. Все-таки, восемнадцать лет без практики.

Глава 9

*Вот чего простить не могу я Шекспиру:
мог бы обойтись без чумы и засады,
парень бы успел, а со свадебным пиром
справится и Смолл – тут таланта не надо.
Всякий норовит отравить и зарезать,
что за моду взяли, честное слово...
Я могу вам дисков с кином понарезать —
и давайте вместе попробуем снова?
Аше Гарридо*

Этим вечером Занозы не было под дверями спальни. Там Хасана ждал только Мухтар. За две ночи пес усвоил, когда просыпается старший из хозяев, и решил, что с безудержной радостью встречать его у дверей – это интересно и увлекательно. Тем интересней и увлекательней, чем радость безудержней, а хозяин суровей. Хасан-то надеялся, что Заноза способен за световой день умотать песика настолько, что к ночи тот станет тихим, сонным и послушным. Но полуторагодовалый щенок и семнадцатилетний подросток, по всей видимости, друг друга стоили. Оба только бодрее становились.

И странно, что мелкий бритт не примчался на поднятый Мухтаром шум. С его-то любопытством.

– Я иду искать, – предупредил Хасан.

Чем хороша собака, так это тем, что с ней можно безошибочно выйти на Занозу, где бы он ни был в этом огромном доме.

Мухтар устремился на второй этаж, к раздвижным дверям просторного зала. Целая анфилада этих пустых залов тянулась по южной стороне виллы. Затянутая цветами галерея и густые древесные кроны защищали окна от палящего солнца, но, конечно, на день щиты опускались и здесь. Так же, как во всем доме.

Хасан сразу, как переехали сюда, решил, что мебели в этих комнатах не будет. Отдал их Занозе. Под игрушки.

Тот топорищился и бухтел, что в игрушки не играет с десяти лет, и что дискриминация по возрастному признаку так же отвратительна, как любая другая, и что, вообще, он старше. А залы, тем временем, заполнялись стеллажами с комиксами и радиоуправляемыми моделями, на полу все больше места занимала железная дорога, вокруг которой постепенно рос настоящий, хоть и миниатюрный город, ну, и, конечно, повсюду были конструкторы «Лего». Как без них? По правде говоря, иногда они становились единственной возможностью предотвратить или смягчить... странности. Заноза всегда странный, но когда это начинает бросаться в глаза, его нужно переключать. С разрушений на созидание. И тут «Лего» незаменим.

Обычно.

Сейчас щиты на окнах были подняты. По анфиладе гуляли сквозняки. А пестрого и яркого лего-города, с колесящими по улицам крошечными автомобилями, со светящимися окнами домов, миганием светофоров, со звездолетами и самолетами на окружающих город космодромах, с железной дорогой, поезда которой вот уже два года курсировали от самого западного зала к самому восточному строго по расписанию и почти без накладок – всего этого не было. Вместо привычной картины, где порядка была ровно столько, сколько нужно, чтобы жить и дышать, а беспорядка – не больше, чем в любом городке, который строится и развивается без остановки, ограниченный лишь фантазией архитектора, взгляду предстал хаос.

Разобрано было все. Кубики, провода, стеклышки, пластмассовые и металлические детали «Лего» и железной дороги, аккумуляторы, инструменты, Аллах знает, что еще – все,

что было городом, превратилось в хлам. Наверное, из этого хлама получилось бы снова собрать город. Такой же или другой. Но это не имело значения.

Заноза стоял в центре зала, сунув руки в карманы. Аккуратно причесанный, не покрашенный и без украшений. Он шикнул на Мухтара, который хотел вбежать в зал, и пес, неуверенно дернув хвостом, уселся на пороге.

– Добрый вечер, – Хасан вошел внутрь, направился к Занозе, стараясь не наступать на разбросанные повсюду детальки, аккуратно отпихивая с дороги те, не наступить на которые не получалось. – Развлекаешься?

– Двадцать девять тысяч четыреста шестьдесят восемь, – сказал Заноза. – И их будет столько, хоть как дели или складывай. Я могу выкинуть сколько-нибудь, потом пересчитаю, их останется меньше. Но все равно будет... столько, сколько останется. Это не изменить. Можно сломать пополам, или на любое количество частей. Их станет больше. Но все равно будет столько, сколько станет. Я не могу сделать так, чтобы десять стало четыре раза по три. Так не бывает. Или чтобы девять стало два раза по пять. Я могу свернуть мозги калькулятору, могу свести с ума компьютеры, и для них станет так. Но... станет именно так. И тогда не будет, чтобы девять стало три раза по три. Получается, что я ничего не могу.

– Ты можешь собрать... дом, – Хасан обвел залу взглядом, – это будет один дом. И ты можешь его собрать из любого количества деталек. Почти. Из какого захочешь.

– Их все равно будет двадцать девять тысяч четыреста шестьдесят восемь. Один дом, или десять, один город или сто. Я пробовал. И все разломал. Хоть вывернись, нельзя сделать так, чтоб эти двадцать девять тысяч поделились на восемнадцать и восемнадцать. Или на шестнадцать и две. Или на одну и одну. Scheiße, Хасан, – в голосе Занозы было неподдельное отчаяние, – почему так?! Я не хочу, чтобы так было!

Отчаяние вот-вот должно было смениться злостью.

Мухтар, сидящий в дверях, беспокойно заерзал, приподнялся и заскулил. Ему не нравилось происходящее. Хасану тоже.

Здравствуй, плохое время. Как же ты не к месту!

Гасить накачивающие на Занозу приступы ярости Хасан умел неплохо. Иногда для этого нужно было рыкнуть поостроже, иногда – занять внимание чем-нибудь интересным, вроде того же «Лего» или похода в кино, иногда – похвалить за дело. Мальчика всегда есть за что похвалить. Но это все годилось для хороших времен. А иногда случались плохие, и ни стратегии, ни тактики для этих периодов у Хасана выработано не было. Потому что, чтоб знать, как бороться, нужно понимать – с чем бороться. А понять не получалось. Заноза начинал злиться на то, что мир таков, какой есть. Его бесили законы природы, выводила из себя математика, он впадал в неистовство из-за того, что всему на свете есть объяснение, и все следствия имеют причину. Все то, на чем держалась его жизнь в хорошее время, становилось неприемлемым в плохое.

Эти периоды не затягивались надолго. Нужно было просто переждать. Не выпускать Занозу из дома, отключить ему Интернет, кормить людьми, предварительно накачанными успокаивающим – две-три ночи, и мальчик возвращался в свое обычное состояние. Оставался сумасшедшим, но сумасшедшим, стремящимся из хаоса в порядок, а не наоборот.

Две-три ночи... Если б только приступ начался хотя бы на сутки позже!

А сегодня встреча с Хартом Алахди, и Заноза нужен, чтобы поговорить со Старым Лисом. Потому что он умеет быть убедительным для всех, даже для венаторов. Вернуть Алахди дочку – проявление доброй воли, Лис оценит это, поймет правильно. Должен понять, судя по тому, что Хасан знал о нем. Но если девочку вернет Заноза, которому нельзя отказать, которого нельзя забыть, и которому невозможно причинить зло, вампиры надолго станут для Старого Лиса такими, как он.

Добрая воля, подкрепленная неодолимым обаянием гораздо лучше, чем просто добрая воля.

– Мы что-нибудь придумаем, – пообещал Хасан. – Мы с этой проблемой сталкиваемся не в первый раз, верно? И всегда успешно с ней справляемся. И в этот раз справимся.

Заноза смотрел на него, и понимания в глазах было не больше, чем у Мухтара. Он слышал интонации. Он прекрасно знал, что решения нет, выхода нет и никогда не будет. Но привык верить Хасану больше, чем себе. Потому и не понимал ни слова. Хасан говорил о невозможном, но ведь Хасан всегда прав. Слишком сложное противоречие для разума, вошедшего в плохую фазу.

Это не педагогика, это уже точно манипуляции. Но так есть шанс еще ненадолго удержать Занозу на поверхности.

– Сначала ты поможешь мне с Алахди. Я без тебя не справлюсь, – наверняка, не справится. Тут все правда от слова до слова. – А потом я помогу тебе с математикой. Договорились?

Заноза медленно кивнул.

– Тогда идем, – Хасан показал на дверь, – пора завтракать, забирать мисс Хамфри и ехать на встречу. Только аккуратней, не сломай тут ничего. Игрушки тебе еще пригодятся.

– Почему ты за рулем? – спросил Заноза, когда понял, что Хасан не собирается отдавать ему ключи.

– Потому что это моя машина.

– Можно поехать на...

– Нет. Садись.

Машин, считавшихся собственностью Хасана, в гараже Февральской Луны было штук пять. Или шесть. Он не успевал следить за тем, что покупает его неугомонный бритт, просто принимал к сведению сообщение об очередном обновлении, и предполагал, что броские, преимущественно спортивные автомобили Заноза приобретал для себя. А нормальные машины, вероятнее всего, были куплены для него.

Ни разу не ошибся. Хотя всем другим автомобилям предпочитал старый армейский джип, купленный еще в Англии.

Сегодня поехали на «форде», темно-синем, консервативном, скучном. Себе Заноза не купил бы такой никогда.

Ничего консервативного. Тем более, ничего скучного. Надо признать, что он всем сердцем влюбился в подаренный Хасаном «Бентли», и ездил на нем всегда, когда перелезал из плаща, браслетов и сережек в костюм джентльмена, но кто скажет, что «Бентли» не броская машина, согрешит против правды.

Сначала в «Турецкую крепость», за мисс Хамфри, потом – в Редондо-бич, а потом – в океан. Встречу с Алахди назначили в открытом море. Там негде затаиться снайпером, нечего минировать, нельзя устроить засаду. И можно не бояться лишних глаз и ушей.

– Я бы мог довести нас до «Крепости» в десять раз быстрее, – пробурчал Заноза куда-то в поднятый воротник плаща, – кто тебе сказал, что нужно соблюдать правила? Правила соблюдают те, кто не умеет водить! Их придумывали для тупиц, не способных понять, как ездить, чтоб ни в кого не воткнуться.

– Когда ты за рулем, ты хотя бы молчишь, – признал Хасан.

Но пускать Занозу за руль сегодня было нельзя. Его пока вообще из дома выпускать нельзя. Плохое время. Мир слишком упорядочен, и Заноза ищет любые способы сделать его чуть более хаотичным. Или не чуть. Чем больше хаоса, тем лучше. Куда ему за руль? Он в нормальном-то состоянии водит так, как будто готов жизнь положить на умножение энтропии.

– Буду говорить!

– Говори. Только пристегнись.

– Не буду пристегиваться!

– Хорошо. Но если вылетишь через лобовое стекло и изрежешь плащ осколками, новый я тебе не куплю.

С полминуты Заноза мрачно и тяжело молчал. Потом щелкнул замком ремня безопасности. Значит, пока есть вещи, которые ему жалко ломать и портить. Хорошо. Не пристегнулся бы, пришлось бы ехать обратно домой и оставлять мальчика на Франсуа. Потому что, когда ему даже плаща не жалко, это уже близко к невменяемости, а невменяемый, Заноза неуправляем.

– Я думал, дайны убеждения лучше, чем дайны принуждения. Они же зависят от понимания, от эмпатии, – Заноза достал сигареты, начал вертеть пачку в руках, – когда ты чувствуешь то же, что и собеседник, ты ведь не сделаешь ему ничего плохого, да? Я думал, они меня любят, и я их люблю, и это хорошо. А получается, что так гораздо хуже. Они меня любят, а я их использую. Madre, Хасан, я их люблю и использую, вот в чем самый трюндец. Дайны принуждения обрубают умение любить. Ты используешь не людей, а инструменты. Ко всем относишься, как к инструментам. Это честно. И стоит начать, стоит только попробовать приказы вместо убеждения, как любви не остается. Ни к кому. Как будто все дерьмо, которое маскировалось под любовь, становится... тем, что есть. Я думаю, если умеешь любить по-настоящему, то выучить дайны принуждения не получится. Но я думаю еще, что те, кто пользуется дайнами убеждения, по-настоящему не любят.

– Правда? – Хасан покосился на него, – ты же без этих дайнов вообще не живешь.

– Я вообще не живу.

Снова тишина. Потом щелкнула зажигалка. Салон заполнил крепкий табачный запах, и Заноза приоткрыл окно.

– Нет, – сказал он, после нескольких медленных затяжек. – Неправда. Я не смогу выучить дайны принуждения.

Хасан кивнул.

– А Эшива смогла, – добавил он.

Заноза тихо зашипел. Возразить ему было нечего. Он сам только что предположил, что эти дайны недоступны тем, кто умеет любить. Но они оказались доступны Эшиве. Мышление у мальчика, когда он в таком состоянии, прямое, как шпала и такое же тяжелое. Зато основательное.

– Но я могу убить, – сообщил Заноза неожиданно.

– Дайнами убеждения?

– Да.

– Это невозможно.

– Я могу. Я не докажу, что смерть – это хорошо, но я могу доказать, что опасное неопасно.

– Я как-то предложил одному недоумку сыграть в «русскую рулетку» с пистолетом. И он вышиб себе мозги, – Хасан ухмыльнулся, когда Заноза от удивления промахнулся сигаретой мимо щели окна. Не так-то просто произвести впечатление на этого самоуверенного засранца. – Не в дайнах дело, мальчик мой, у меня дайнов убеждения нет, а получилось же. Если ты убьешь того, кого очаровал, убьешь того, кого будешь любить так же, как он любит тебя, значит, ты действительно будешь желать ему смерти. По-настоящему. А в таком случае, почему не убить?

Кому-то суждено умереть от их руки, кому-то – нет. Кто-то заслуживает смерти, кто-то не заслуживает. Заноза убивает тех, кто должен умереть, тех, о ком он думает, что они должны умереть. Сейчас, в этом состоянии, он верит в Аллаха и в то, что все упорядочено, неизменно и управляется даже в мелочах. Его это бесит, поэтому усугублять не стоит. Но когда все снова станет хорошо, Заноза этот разговор вспомнит. И услышит уже по-другому.

Незачем ему думать плохо о своих дайнах. Не потому даже, что они полезны. Просто вся его суть – убеждение, чары и пистолеты. Они не плохи, и не хороши, они просто есть, и это

и есть Заноза. Плохо думать о дайнах означает для него – плохо думать о себе. Без убеждения и чар останутся только пистолеты. А это никуда не годится.

Была вероятность застать Соню уже без чувств, в мертвой спячке от полного упадка сил. Еще была вероятность застать ее невменяемой от голода. В обоих случаях хватило бы пинты крови, чтобы привести девочку в себя, и в обоих случаях это значило бы, что чудеса закончились, и Соня Хамфри стала обычным вампиром. Хасан вообще в чудеса не верил, и консервированную кровь для дочки Алахди держали в холодильнике «Крепости» с прошлой ночи. Заноза в чудеса верил безоговорочно, но только в хорошее время, а сейчас время было плохим и становилось все хуже. Войдя вслед за Хасаном в комнату мисс Хамфри, и обнаружив, что девочка смотрит кино с ноутбука, а не лежит без сил, и не кидается на все, что движется, он хмыкнул:

– Как так?

– Да вот так, – сказал Хасан, – не все сосчитано.

– Что? – Соня Хамфри улыбнулась им обоим, а потом одному Занозе: – что не сосчитано?

Мы едем к папе?

– Да, – Хасан кивнул. – Готова?

Что бы Заноза ни думал об идее вернуть Соню отцу, делиться своим мнением с ней самой он не стал. Вместо этого подошел к ней, заглянул в ноутбук.

– Нравится?

– Очень! – Соня посмотрела снизу-вверх, – я не знала, что их так много. Сложно было собрать? У меня теперь будет время, чтобы посмотреть все фильмы в мире, но надо знать, где искать.

– Все не надо, – Заноза был серьезен, – надо хорошие. Можешь ноут себе забрать. Там только фильмотека, – он обернулся к Хасану, – можно терять, можно дарить, можно начинить взрывчаткой и где-нибудь оставить.

Хорошо, что Соня была то ли зачарована, то ли слишком молода. Она слова о взрывчатке всерьез не восприняла. А Хасан чуть не запретил Занозе дарить ей ноутбук. Пришлось напомнить себе, что в хорошее время мальчик не станет возить в машине и тем более оставлять в «Крепости» ничего взрывоопасного, а заминировать компьютер сейчас он не успел бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.